B26 —
P72.

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА.

B26 872

333.5(57.5)
К-30-3
В26 872

ПРИЛОЖЕНІЕ

КЪ ГАЗЕТѢ

„Восточное Обозрѣніе“

СИБИРСКІЙ СБОРНИКЪ

Выпускъ II.

ЗА 1900 ГОДЪ.

Пятнадцатый годъ изданія.

Подъ редакціею К. К. Попова.

ИРКУТСКЪ.
Типографія газ. «Восточное Обозрѣніе».
1900.

Дозволено цензурою. Иркутскъ, 24-го, іюля 1900 года.

353.5 (57.5)
К-30-3
10
В

А. А. Кауфманъ.

ЗЕМЕЛЬНЫЯ ОТНОШЕНІЯ

И

ОБЩИННЫЕ ПОРЯДКИ

въ Забайкальѣ

по мѣстному изслѣдованію

1897 Г.

Общество изучения Урала Сибири и Дальнего Востока.

ИРКУТСКЪ.
Типографія газ. «Восточное Обозрѣніе».
1900.

Оглавленіе:

Страницы:

Вступительныя замѣчанія: предметъ и источники настоящаго очерка 1

I. Населеніе Забайкалья; разселеніе 6

II. Источники благосостоянія: земледѣліе, скотоводство, промыслы 23

III. Исторія заселенія и землевладѣнія въ краѣ 49

IV. Формы землевладѣнія у крестьянъ, казаковъ и инородцевъ 69

V. Формы землепользованія; терминологическія соображенія . 93

VI. Понятіе и происхожденіе общины у инородцевъ 96

VII. Обзоръ формъ пользованія: инородцы 101

VIII. Обзоръ формъ пользованія: казаки 114

IX. Обзоръ формъ пользованія: крестьяне 120

X. Анализъ отдѣльныхъ формъ и ихъ взаимной связи: захватныя формы 128

XI. Продолженіе: переходныя формы 132

XII. Продолженіе: уравнительныя формы 137

XIII. Анализъ цыфровыхъ данныхъ о распространенности отдѣльныхъ формъ у разныхъ разрядовъ населенія 150

XIV. Причины эволюціи формъ пользованія: этнографическія условія, административное воздѣйствіе, податная система . . 156

XV. Основная причина, опредѣляющая эволюцію формъ—земельное утѣсненіе и возрастаніе цѣнности земли 165

XVI. Анализъ цыфровыхъ данныхъ относительно главнѣйшихъ факторовъ, опредѣляющихъ эволюцію 169

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

865852 V

Произведенное въ 1897 году сплошное мѣстное изслѣдованіе землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальѣ представляетъ изъ ряда вонъ выходящій интересъ прежде всего—уже по самымъ пріемамъ и способамъ, а главное—если можно такъ выразиться—по темпу его выполненія.*) Организованное на чрезвычайно широкую ногу, изслѣдованіе менѣе нежели въ четыре мѣсяца было закончено на всемъ обширномъ протяженіи Забайкальской области, причемъ охватило 1409 населенныхъ пунктовъ съ 110634 домохозяйствами, которыя и были подвергнуты сплошной подворной описи. Начало мѣстнаго изслѣдованія относится къ іюню 1897 года, а уже въ концѣ октября 1898 года была совершенно закончена не только разработка добытаго изслѣдованіемъ матеріала, но и самое печатаніе его результатовъ, которые вышли въ видѣ шестнадцати томовъ подъ общимъ заглавіемъ: «Высочайше учрежденная подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Куломзина комиссія для изслѣдованія землевладѣнія и землепользованія въ Забайкальской области. Матеріалы. Спб. 1898 г.».

Организованное по почину особаго Высочайше учрежденнаго совѣщанія о поземельномъ устройствѣ Забайкальской области, веденное подъ общимъ руководствомъ его предсѣдателя—А. Н. Куломзина и подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ опытнаго статистика—В. Ю. Григорьева (ближайшее участіе въ завѣдываніи изслѣдованіемъ принимали также Е. А. Смирновъ и Н. Л. Петерсонъ), изслѣдованіе преслѣдовало строго опредѣленную практическую цѣль: «дать, въ возможно непродолжительномъ времени, матеріалъ для проектированія правилъ о поземельномъ устройствѣ населенія Забайкальской области». Въ отличіе отъ произведеннаго въ 1887—1892 г. изслѣдованія Иркутской и Енисейской губерній, которое было изслѣдованіемъ «землепользованія и хозяйственнаго быта» населенія, изслѣдованіе Забайкальской области должно было вы-

*) По вопросу о мѣстахъ и пріемахъ изслѣдованія см. «Матеріалы», полное заглавіе которыхъ выписано въ текстѣ, томъ I, введеніе.

яснить «положеніе *землевладѣнія и землепользованія*»; составленный А. Н. Куломзинымъ первоначальный набросокъ программы изслѣдованія обращалъ все вниманіе на подробнѣйшее выясненіе исторіи, современнаго положенія и размѣровъ землевладѣнія разныхъ группъ забайкальскаго населенія и лишь на послѣднемъ мѣстѣ имѣлъ въ виду «изученіе главнѣйшихъ чертъ хозяйственнаго быта населенія, насколько послѣдній прямо зависитъ отъ размѣровъ и формъ землепользованія и самъ обусловливаетъ послѣднія»; поэтому составленныя еще въ Петербургѣ проектныя программы, представляя собою сокращенныя программы изслѣдованія Иркутской и Енисейской губерній, «ограничивались лишь такими вопросами, которые имѣютъ служить къ непосредственному выясненію земельнаго положенія забайкальскаго населенія», а самому изслѣдованію предполагалось придать не сплошной характеръ, а ограничиться изслѣдованіемъ типичныхъ мѣстностей.

Опытъ произведенныхъ на мѣстѣ пробныхъ поѣздокъ заставилъ въ значительной мѣрѣ отступить отъ этихъ предположеній. Въ основу изслѣдованія былъ положенъ выработанный земскою статистикою методъ сплошного поселенно-подворнаго описанія, причемъ любопытную особенность забайкальскаго изслѣдованія представляетъ примѣненіе пріема подворной описи, хотя и не сплошной, къ выясненію бюджетныхъ вопросовъ. Что касается до программъ изслѣдованія, то организаторы послѣдняго, подъ вліяніемъ указаній того-же опыта пробныхъ экскурсій, почти совершенно отказались отъ мысли *о сокращеніи* иркутско-енисейскихъ программъ, очевидно убѣдившись въ томъ, что полное и всестороннее выясненіе вопросовъ землевладѣнія и землепользованія невозможно безъ подробнаго изученія хозяйственнаго быта населенія. Приспособленіе изслѣдованія къ основной его практической цѣли было достигнуто не столько сокращеніемъ иркутско-енисейскихъ программъ (такое сокращеніе не пошло дальше немногихъ частностей и съ избыткомъ возмѣщалось болѣе подробною постановкою нѣкоторыхъ другихъ вопросовъ), сколько болѣе детальнымъ и точнымъ изученіемъ тѣхъ сторонъ жизни забайкальскаго населенія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе къ поставленнымъ практическимъ цѣлямъ. Уже при изслѣдованіи Иркутской и Енисейской губерній было обращено немало вниманія на изученіе планового и документальнаго матеріала, относящагося, собственно, до землевладѣнія крестьянъ и инородцевъ этихъ губерній. При изслѣдованіи Забайкалья эта сторона дѣла получила особое развитіе—архивныя изысканія, направленныя къ выясненію не только со-

временнаго состоянія, но и исторіи землевладѣнія и его юридическаго характера, велись особыми лицами, причемъ распространились на всѣ архивы, мѣстные и столичные, гдѣ только можно было разсчитывать найти относящійся къ дѣлу документальный матеріалъ.

Приблизительно то-же можно сказать и о результатахъ изслѣдованія, выразившихся въ 16 томахъ «Матеріаловъ». Если остановиться сначала на цифровой части, то эта послѣдняя представляетъ довольно существенный пробѣлъ въ сравненіи съ цифровою частью иркутско-енисейскихъ «Матеріаловъ»: въ ней именно совершенно отсутствуютъ групповыя и комбинаціонныя таблицы; напротивъ, поселенныя и особенно итоговыя таблицы даже нѣсколько подробнѣе, нежели таблицы по двумъ выше названнымъ губерніямъ: въ нихъ именно имѣется большее число графъ касательно размѣровъ землевладѣнія, а также имѣющаго столь важное значеніе въ хозяйственной жизни Забайкалья скотоводства. Въ текстовой части (также сопровождаемой множествомъ вспомогательныхъ таблицъ) мы находимъ, за немногими несущественными исключеніями, всѣ отдѣлы иркутско-енисейскихъ «Матеріаловъ», причемъ нѣкоторые изъ нихъ разрослись въ особые томы; таковы отдѣлы о земледѣліи и скотоводствѣ; отдѣльный томъ посвященъ бюджетамъ, а затѣмъ въ отдѣльные томы выдѣлились отдѣлы, касающіеся собственно земельнаго быта забайкальскаго населенія: «Землевладѣніе», «Формы землепользованія» и «Аренда». Наконецъ два изъ шестнадцати томовъ «Матеріаловъ» являются совершенною новостью по сравненію съ иркутско-енисейскими «Матеріалами»; это именно томъ 5-ый, озаглавленный: «Историческія свѣдѣнія», съ особымъ приложеніемъ, состоящимъ изъ текстовъ важнѣйшихъ документовъ, имѣющихъ отношеніе къ исторіи заселенія и землевладѣнія въ краѣ,—и томъ 7-ой, озаглавленный: «Съемочныя и землеустроительныя работы» и содержащій, кромѣ общаго историческаго очерка этихъ работъ, также и подробнѣйшій—по каждой территоріальной единицѣ особо—обзоръ постепеннаго хода съемочныхъ и землеустроительныхъ работъ и «современнаго состоянія измѣренныхъ земель по отношенію къ владѣнію и пользованію ими и по отношенію къ назначенію ихъ границъ».*)

Не отказываясь отъ мысли гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ дать болѣе подробную характеристику трудовъ забайкальской экспедиціи съ точки зрѣнія методологической, мы въ данное время ограничимся, въ этомъ отношеніи, уже сдѣланными краткими замѣчаніи-

*) VII, 2. Здѣсь и въ дальнѣйшемъ мы обозначаемъ римскою цифрою—томъ «Матеріаловъ», арабскою цифрою—страницу.

ями. Въ настоящемъ очеркѣ мы имѣемъ въ виду сдѣлать доступнымъ для болѣе широкой публики, хотя-бы отчасти, добытый забайкальскою экспедиціею фактическій матеріалъ и познакомить читателя хотя-бы съ нѣкоторыми сторонами земельно-хозяйственнаго быта забайкальскаго населенія. Поставленная, такимъ образомъ, работа наша можетъ представить, думается намъ, извѣстный интересъ, вытекающій изъ своеобразныхъ особенностей подлежавшаго изученію живого матеріала: крайней пестроты, можно сказать, калейдоскопичности населенія, необыкновенной запутанности основаній и формъ его землевладѣнія и землепользованія и чрезвычайнаго разнообразія пріемовъ и способовъ того земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства, которое составляетъ основу благосостоянія населенія. Полумилліонное, съ небольшимъ, населеніе это состоитъ изъ крестьянъ, бывшихъ государственныхъ и бывшихъ горнозаводскихъ, инородцевъ—тунгусовъ и бурятъ, крещеныхъ и некрещеныхъ, казаковъ русскаго происхожденія и инородцевъ, причемъ эти разнообразныя группы населенія нерѣдко перепутываются между собою въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ въ отношеніи какъ мѣстожительства, такъ землевладѣнія и землепользованія.

Чтобы дать понятіе о степени запутанности земельныхъ правъ, достаточно сказать, что для разбора ихъ пришлось прибѣгнуть къ чрезвычайной мѣрѣ—къ учрежденію того особаго совѣщанія, которому принадлежитъ инициатива мѣстнаго изслѣдованія; совѣщанію этому пришлось разбираться въ правахъ казны, кабинета Его Величества, забайкальскаго казачьяго войска и аборигеновъ края —инородцевъ, притязающихъ на права собственности по отношенію къ занятымъ ими территоріямъ. Въ области формъ землевладѣнія въ Забайкальѣ встрѣчаются всѣ вообразимые типы, начиная отъ совершенной неопредѣленности границъ или безусловной общности владѣнія значительныхъ группъ селеній, продолжая разнообразными ступенями фактическаго обособленія и кончая формально обособившимся подеревеннымъ владѣніемъ, причемъ пестрота картины еще увеличивается, благодаря несоотвѣтствію фактическаго владѣнія съ плановымъ и перепутанности владѣнія разныхъ разрядовъ населенія. Въ области формъ пользованія землею наблюдаются всѣ переходы, начиная отъ самаго неограниченнаго захвата, продолжая разнообразнѣйшими видами ограниченнаго захвата и зачаточными формами душевого пользованія, и кончая вполнѣ установившимися способами общинно-передѣльнаго пользованія. Наконецъ, обращаясь къ условіямъ собственно-хозяйственнаго бы-

та, мы встрѣчаемъ въ Забайкальѣ и чистыхъ кочевниковъ, не имѣющихъ даже постоянныхъ зимнихъ жилищъ, незнающихъ земледѣлія и содержащихъ, если не весь скотъ, то значительную часть его круглый годъ на подножномъ кормѣ; и разнообразнѣйшіе переходные типы съ болѣе или менѣе рѣзко выраженнымъ преобладаніемъ скотоводства и съ земледѣліемъ на болѣе или менѣе зачаточной ступени развитія; и чисто или по преимуществу земледѣльческое населеніе, причемъ въ области техники земледѣлія наблюдаются какъ совершенно неизвѣстное въ западнѣе-лежащихъ частяхъ Сибири чисто-переложное хозяйство, такъ и разнообразнѣйшія комбинаціи его съ паровымъ хозяйствомъ и этого послѣдняго—съ унавоживаніемъ полей, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ практикуется и играетъ важную роль искусственное орошеніе пашенъ и даже сѣнокосовъ.

Мы не имѣемъ, конечно, возможности дать полной картины земельно-хозяйственнаго быта забайкальскаго населенія, какъ эта картина могла-бы быть написана на основаніи собраннаго богатѣйшаго, хотя и не во всѣхъ своихъ частяхъ одинаково цѣннаго матеріала: чтобы изобразить эту картину въ живыхъ краскахъ и сдѣлать ее интересною для читателя, пришлось-бы написать большую книгу; чтобы уложить весь матеріалъ въ рамки небольшого очерка и нарисовать, если можно такъ выразиться, одни контуры земельно-хозяйственной картины Забайкалья, пришлось бы свести дѣло къ сухому и утомительному перечню содержанія «Матеріаловъ». Мы предпочитаемъ, поэтому, подробнѣе остановиться на одной изъ сторонъ быта забайкальскаго населенія—на формахъ его землевладѣнія и землепользованія, остальныхъ же сторонъ коснуться лишь постольку, поскольку это необходимо для выясненія почвы, на которой выросли данныя формы. Остановиться именно на этихъ вопросахъ меня побуждаютъ, до извѣстной степени, соображенія и личнаго свойства: участвуя въ мѣстномъ изслѣдованіи западно-сибирскихъ губерній, я съ особымъ интересомъ относился именно къ вопросамъ о формахъ землепользованія, а затѣмъ мнѣ довелось свести воедино*) данныя о порядкахъ пользованія землею, добытыя мѣстнымъ изслѣдованіемъ во всѣхъ четырехъ сибирскихъ губерніяхъ; для меня не можетъ поэтому не представить значительнаго личнаго интереса сопоставленіе этихъ данныхъ съ результатами забайкальскаго изслѣдованія и на этихъ послѣднихъ провѣрить, насколько справедливы были заключенія, къ которымъ привело изученіе общинныхъ порядковъ въ ранѣе изслѣдованныхъ частяхъ Си-

*) См. нашу книгу «Крестьянская Община въ Сибири». Спб. 1897 г.

бири. Между тѣмъ—здѣсь я уже обращаюсь къ обстоятельствамъ болѣе объективнаго характера—данныя забайкальскаго изслѣдованія представляютъ особенно подходящій матеріалъ для подобной повѣрки: формы землепользованія слагались здѣсь подъ вліяніемъ болѣе разнообразныхъ, нежели гдѣ-бы то ни было въ Сибири, условій историческаго, этнографическаго и хозяйственнаго свойства; здѣсь, поэтому, во многихъ случаяхъ можно съ особеннымъ удобствомъ наблюдать дѣйствіе тѣхъ или иныхъ условій и, можетъ быть, раскрыть такія зависимости, которыя были упущены изъ виду при прежнихъ изслѣдованіяхъ и сводкѣ ихъ результатовъ; таково вліяніе на складъ землевладѣнія и землепользованія этнографическихъ условій—вопросъ, только мимоходомъ затрогиваюшійся изслѣдователями четырехъ сибирскихъ губерній. Наконецъ, не могу не упомянуть еще объ одномъ, до извѣстной степени случайномъ, обстоятельствѣ, которое заставило меня окончательно остановиться на вопросѣ о формахъ землепользованіе: именно, что вопросъ этотъ съ особенною полнотою и обстоятельностью разработанъ въ монографіи г. Кроля, составляющей 10-ый томъ «Матеріаловъ», чѣмъ, конечно, въ значительной мѣрѣ облегчалась задача составителя настоящаго очерка. Не задаваясь здѣсь цѣлью дать подробную характеристику этой работы, не могу однако не упомянуть объ одной существенной ея методологической особенности—о цифровомъ, чисто статистическомъ методѣ, къ которому г. Кроль обратился для выясненія какъ причинъ, обусловливающихъ развитіе этихъ формъ, такъ и вліянія ихъ на хозяйственное положеніе населенія. Въ своемъ мѣстѣ я долженъ буду подробнѣе остановиться на этой существенной особенности работы г. Кроля, здѣсь-же мнѣ достаточно отмѣтить, что, въ данномъ отношеніи ему принадлежитъ заслуга примѣненія такихъ методовъ изслѣдованія, которые, сколько мнѣ извѣстно, ранѣе не примѣнялись никѣмъ изъ мѣстныхъ изслѣдователей общинныхъ порядковъ.

I

Забайкальская область *) расположена между 49° 54′ и 57° сѣверной широты и 72°18′ и 91°7′ восточной долготы, считая отъ Пулкова. Граница на сѣверѣ и сѣверо-западѣ съ Иркутскою губерніей, на югѣ и юго-востокѣ съ Китайскою имперіею; на сѣверо-востокѣ—съ Амурскою и Якутскою областями, Забайкальская область въ географическомъ отношеніи принадлежитъ къ системамъ: частью—озера Байкала и его важнѣйшаго притока Селенги съ впадающимъ въ него Хил-

*) IV, 1,

комъ, частью—обоихъ крупныхъ отвѣтвленій Амура,—Шилки и Аргуни, съ ихъ многочисленными притоками, частью, наконецъ, одной изъ крупнѣйшихъ рѣкъ Ленской системы—Витима и его притоковъ; мѣстности, принадлежащія къ системамъ Байкала и Лены, составляютъ, такъ называемое, западное Забайкалье, мѣстности, принадлежащія къ бассейну Амура—Восточное Забайкалье и эти два района отдѣляются одинъ отъ другого горнымъ массивомъ Яблоноваго хребта и его многочисленными отрогами. Въ административномъ отношеніи область распадается на 8 округовъ, изъ которыхъ Баргузинскій, Верхнеудинскій, Селенгинскій и Троицкосавскій принадлежатъ къ западному, Читинскій, Нерчинскій, Нерчинско-Заводскій и Акшинскій—къ восточному Забайкалью. Общая площадь области исчисляется въ 539.061 кв. верстъ или 56.152.260 десятинъ. Три сѣверныхъ округа—Баргузинскій, Верхнеудинскій и Читинскій, занимаютъ въ общей сложности около пяти восьмыхъ общей площади области, причемъ первый изъ нихъ занимаетъ свыше 15, послѣдніе два—свыше 10 милліоновъ десятинъ каждый; прилегающій съ юго-востока къ Баргузинскому, Нерчинско-Заводскій округъ занимаетъ свыше 6 милліоновъ десятинъ, Селенгинскій и Нерчинскій—немногимъ менѣе 4 милліоновъ десятинъ каждый; наконецъ послѣднія по площади мѣста занимаютъ вытянувшіеся вдоль китайской границы округа Акшинскій съ $3^1/_2$ милліонами и Троицкосавскій съ 2 милліонами десятинъ.

Общая численность населенія*) Забайкальской области, по даннымъ всеобщей народной переписи 1897 года, достигаетъ 664.071 человѣкъ; по округамъ населеніе распредѣляется крайне неравномѣрно; населеніе огромнаго Баргузинскаго округа состоитъ всего изъ $23^1/_2$ т.; населеніе каждаго изъ двухъ пограничныхъ съ Китаемъ округовъ, Акшинскаго и Троицкосавскаго, изъ 32 т. душъ; болѣе населены округа Нерчинскій съ 90 и Нерчинско-Заводскій съ 75 тысячами душъ; затѣмъ слѣдуетъ Селенгинскій съ 102 тысячами, а наибольшее населеніе имѣютъ округа Читинскій съ 141 и Верхнеудинскій съ 166 тысячами душъ.

Цифры народной переписи относятся ко всему населенію области въ томъ числѣ и городскому. Мѣстное изслѣдованіе касалось исключительно сельскаго или точнѣе—внѣгородского населенія, причемъ нѣкоторыя небольшія группы этого послѣдняго, за крайнею удаленность или невозможностью проѣзда, также остались незарегистрированными. Численность *изслѣдованнаго* населенія**) оказывается поэтому значительно

*) VI, 29—30.
**) VI, 29 и 41.

ниже цифръ народной переписи,—она составляетъ именно въ общемъ по области итогѣ, считая все приписное населеніе—581,807, считая одно наличное—560,542 человѣкъ, въ томъ числѣ:

русскихъ . . .	362.623
евреевъ и татаръ	2.476
бурятъ	170.849
тунгусовъ . . .	24.594

Такимъ образомъ русскіе составляютъ почти двѣ трети—64,7% населенія области; инородцы немногимъ болѣе трети, причемъ на долю бурятъ приходится 30,4%, на долю тунгусовъ—всего 4,5% всего населенія. Главная масса тунгусовъ сосредоточивается въ Читинскомъ округѣ и лишь небольшое число ихъ имѣется въ округахъ Селенгинскомъ и Баргузинскомъ. Буряты въ округахъ Нерчинскомъ и Нерчинско-Заводскомъ представляются лишь случайною примѣсью къ населенію; въ округахъ Акшинскомъ, Троицкосавскомъ и Баргузинскомъ, на крайнемъ сѣверѣ и на крайнемъ югѣ области, численность бурятъ уже болѣе значительна, колеблясь между $6^1/_2$ и $11^1/_2$ тысячами; главная-же масса бурятъ сосредоточивается въ западной и средней части области: въ Верхнеудинскомъ уѣздѣ численность ихъ достигаетъ 51 т., въ Селенгинскомъ—даже 59 тыс., въ Читинскомъ 32 т. душъ.*)

Въ отношеніи вѣроисповѣданія **) русское населеніе Забайкалья, за исключеніемъ 28 тысячъ душъ старообрядцевъ, принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію; главную массу инородцевъ составляютъ ламаиты, численность которыхъ достигаетъ 138 тысячъ; небольшая часть инородцевъ—всего 3539 душъ—принадлежитъ къ шаманистамъ, и свыше $29^1/_2$ тысячъ обращено въ христіанство.

Важное значеніе имѣютъ далѣе нѣкоторыя юридическія различія и въ особенности—принадлежность значительной части какъ русскаго, такъ и инородческаго населенія области—къ казачьему сословію; затѣмъ, среди русскихъ крестьянъ выдѣляются ссыльные и дѣти ссыльныхъ, и кромѣ того небольшая группа крестьянъ новоселовъ; среди инородцевъ, незачисленныхъ въ казаки, выдѣляются инородцы осѣдлые и кочевые. Въ общемъ по области итогѣ приписное населеніе распредѣляется между этими группами слѣдующимъ образомъ***): крестьяне-старожилы составляютъ 192 тыс., новоселы—немного болѣе восьми тысячъ, ссыльные поселенцы и поселенческія дѣти—22 тыс.; казаки русскаго происхожденія—163 тыс.,

*) VI, 39—41.
**) VI, 43—47.
***) VI, 49.

казаки-инородцы—25 тыс., инородцы кочевые—167, инородцы осѣдлые—съ небольшимъ пять тысячъ душъ обоего пола. Чтобы не удлинять изложенія, мы не будемъ приводить данныхъ о распредѣленіи по этимъ группамъ населенія отдѣльныхъ округовъ, а приведемъ лишь данныя о числѣ, въ каждомъ округѣ, селеній съ распредѣленіемъ ихъ на крестьянскія, казачьи и инородческія. такъ какъ эти данныя дадутъ, наиболѣе наглядное представленіе о господствующемъ въ томъ или другомъ округѣ типѣ коренного населенія. Данныя эти сведутся въ слѣдующую табличку: *)

въ округахъ.	Крестьянскія селенія.	Казачьи селенія.	Инородческія общины и селенія.
Баргузинскомъ	33	—	18
Верхнеудинскомъ	142	—	134
Селенгинскомъ	121	62	163
Троицкосавскомъ . . .	—	64	—
Акшинскомъ	—	53	—
Нерчинскомъ	—	187	—
Нерчинско-Заводскомъ .	48	96	—
Читинскомъ	70	39	205

Такимъ образомъ въ трехъ округахъ, пограничныхъ съ Китаемъ,—Нерчинскомъ, Акшинскомъ и Троицкосавскомъ, населеніе состоитъ исключительно изъ казаковъ, причемъ въ первомъ изъ нихъ казаки—русскаго происхожденія, во-второмъ казаки инородцы составляютъ небольшую примѣсь—около одной десятой приписного населенія,—въ третьемъ-же численность казаковъ-инородцевъ достигаетъ почти половины. Въ Нерчинско заводскомъ округѣ населеніе состоитъ приблизительно на треть изъ крестьянъ, притомъ бывшихъ горнозаводскихъ, двѣ трети—изъ казаковъ русскаго происхожденія. Въ округахъ Баргузинскомъ и Верхнеудинскомъ населеніе—исключительно крестьяне и инородцы, причемъ, однако, въ первомъ инородцы составляютъ большинство, крестьяне—всего около четверти населенія, во второмъ, напротивъ, инородцы составляютъ съ небольшимъ треть, остальное населеніе —крестьяне разныхъ категорій. Наконецъ, въ округахъ Читинскомъ и Селенгинскомъ населеніе состоитъ изъ

*) VI, 34.

представителей всѣхъ трехъ разрядовъ; большую половину населенія въ обоихъ составляютъ инородцы, причемъ въ Селенгинскомъ часть ихъ зачислена въ казаки; русскіе въ Селенгинскомъ округѣ—исключительно крестьяне и составляютъ около трети населенія; въ Читинскомъ процентъ крестьянъ приблизительно такой-же, но кромѣ того имѣется еще не большое число (7,6%) казаковъ русскаго происхожденія *).

Средняя по всему Забайкалью густота населенія **) достигаетъ 1,27 человѣкъ на кв. версту, и такимъ образомъ Забайкалье въ данномъ отношеніи стоитъ выше трехъ изъ сибирскихъ губерній, имѣющихъ густоту населенія въ 1,18, 0,78 и 0,25, и уступаетъ только Томской, гдѣ плотность населенія достигаетъ 2,52 душъ; изъ губерній Европейской Россіи ниже по густотѣ населенія стоитъ только Архангельская, и уже въ занимающей предпослѣднее мѣсто Олонецкой губерніи плотность населенія (3,2) въ два съ половиною раза больше, нежели въ Забайкальѣ. Изъ отдѣльныхъ округовъ ***) гуще всего населенъ Селенгинскій, гдѣ на кв. версту приходится до 3,4 душъ; за нимъ слѣдуетъ Нерчинскій съ 2,4 душами, затѣмъ Троицкосавскій, Верхнеудинскій, Читинскій и Нерчинско-Заводскій съ густотою населенія, колеблющеюся между 1,7 и 1,3 на кв. версту, Акшинскій съ 1,0, и наконецъ послѣднее мѣсто занимаетъ Баргузинскій округъ, гдѣ плотность населенія всего 0,17 душъ на кв. версту,—лишь немногимъ выше чѣмъ въ Якутской области.

Однако, цифры, эти полученныя путемъ приведенія общей численности населенія къ общей площади округовъ имѣютъ, если можно такъ выразиться, лишь теоретическое значеніе. Фактически заселена лишь небольшая часть пространства Забайкалья. Общая площадь занятыхъ кѣмъ либо земель, по произведенному изслѣдованіемъ учету ****), составляетъ менѣе 15 милліоновъ десятинъ или 27,3% общей площади области, а 72,7% или почти три четверти ея приходится на долю пустопорожнихъ, т. е. совершенно незаселенныхъ и почти совершенно не используемыхъ земель. Наибольшее количество занятыхъ земель имѣется въ Селенгинскомъ округѣ, гдѣ процентъ пустопорожнихъ падаетъ нѣсколько ниже половины, и въ Нерчинскомъ, гдѣ онъ поднимается немного выше половины: въ округахъ Читинскомъ, Акшинскомъ и Нерчинско-Заводскомъ занятыя земли составляютъ около двухъ пятыхъ, въ Троицкосавскомъ и Верхнеудинскомъ—около одной четвер-

*) VI, 55.
**) VI, 33.
***) VI, 35.
****) VI, 30, VIII 2—5.

ти общей площади; наконецъ въ Баргузинскомъ процентъ занятыхъ земель падаетъ до 2,1%, процентъ-же пустопорожнихъ поднимается до 97,9%. Если теперь оставить въ сторонѣ пустопорожнія земли, густота населенія которыхъ можетъ быть принята равною нулю, то густота заселенности собственно занятыхъ земель выразится для цѣлой области въ 4,66 душъ на кв. версту, округа же расположатся совершенно иначе, нежели по густотѣ населенія, вычисленной по отношенію къ общему пространству: Баргузинской округъ, по послѣднему признаку занимающій послѣднее мѣсто, даетъ самую высокую цифру заселенности занятыхъ земель—8,1 душъ на кв. версту; за нимъ слѣдуютъ округа Троицкосавскій и Селенгинскій съ 7,6 и 6,5 душами, затѣмъ Верхнеудинскій, Нерчинскій и Нерчинско-Заводскій съ 5,4, 5,0 и 4,3 душами на кв. версту, послѣднія-же мѣста занимаютъ округа Читинскій съ 3,5 и Акшинскій съ 2,6 душами на кв. версту занятыхъ земель.

Небезынтересный затѣмъ вопросъ, какъ часто размѣщаются селенія на территоріи области и отдѣльныхъ округовъ.*) Въ общемъ выводѣ по области одно селеніе приходится на каждыя 364 кв. версты, въ поокружныхъ-же цифрахъ наблюдаются чрезвычайно рѣзкія колебанія; гуще всего расположены селенія въ Селенгинскомъ округѣ, гдѣ на одно селеніе приходится всего 88 кв. верстъ, рѣже всего—въ Акшинскомъ съ 611 и особенно въ Баргузинскомъ съ 2712 кв. верстами на каждое селеніе; въ остальныхъ пяти округахъ число кв. верстъ, приходящихся на одно селеніе, колеблется между 204 и 405. Различія въ густотѣ расположенія селеній обусловливаются прежде всего различіями въ общей густотѣ населенія округовъ, но кромѣ того—и различіями въ размѣрахъ селеній, причемъ этотъ послѣдній факторъ дѣйствуетъ иногда параллельно первому, иногда—въ обратномъ направленіи. Первое мѣсто по среднему размѣру селеній**) занимаетъ Акшинскій округъ, гдѣ среднее число душъ населенія поднимается до 643, второе—Верхнеудинскій съ 552, третье—Нерчинско-Заводскій съ 424 душами; послѣднее мѣсто занимаетъ Селенгинскій округъ, гдѣ средній размѣръ селенія не превышаетъ 281 души, въ остальныхъ-же четырехъ округахъ онъ колеблется между 321 и 388 душами. Зависимости въ среднихъ размѣрахъ селеній отъ географическаго положенія округовъ не замѣчается; въ частности совершенно не наблюдается того пониженія размѣровъ селеній въ направленіи съ юга на сѣверъ, которое констатировало въ трехъ изъ сибирскихъ гу-

*) VI, 35.
**) Тамъ-же.

берній и только въ Иркутской маскируется разными другими вліяніями. Авторъ очерка о населеніи, помѣщеннаго въ 6-мъ томѣ «Матеріаловъ», не пытается выяснить тѣхъ обстоятельствъ, отъ которыхъ зависятъ колебанія средняго размѣра селеній, и я, при данной степени моего знакомства съ результатами изслѣдованія, также не могу пытаться дать такого объясненія. Не могу только не привести цифръ, показывающихъ зависимость среднихъ размѣровъ селеній отъ принадлежности населенія къ тѣмъ или другимъ изъ важнѣйшихъ этнографическибытовыхъ группъ. Если, именно, привести общее число наличнаго приписного крестьянскаго, казачьяго и инородческаго населенія къ числу селеній каждой категоріи, *) то получится въ среднемъ на каждое крестьянское селеніе по 478 душъ, на казачье 364 и на инородческое 315 душъ обоего пола. Такимъ образомъ и въ Забайкальѣ можно констатировать, хотя и въ слабой степени, то самое явленіе, которое отмѣчено для четырехъ сибирскихъ губерній—меньшій размѣръ инородческихъ селеній въ сравненіи съ крестьянскими. Что касается до казачьихъ селеній, то они въ данномъ отношеніи занимаютъ середину между крестьянскими и инородческими; и это совершенно естественно, такъ какъ казаки—мы увидимъ это изъ дальнѣйшаго—по бытовымъ и хозяйственнымъ условіямъ стоятъ на промежуточной ступени между крестьянами и инородцами.

Приведенныя цифровыя данныя, конечно, не исчерпываютъ вопроса о характерѣ разселенія жителей Забайкалья. Мы должны поэтому намѣтить характерныя черты разселенія, хотя-бы постольку, поскольку это необходимо для правильнаго пониманія тѣхъ явленій изъ области землевладѣнія и землепользованія, которыя должны составить главный предметъ настоящаго очерка. Наименѣе своеобразныхъ чертъ въ этомъ отношеніи представляетъ русское населеніе области, какъ крестьянское, такъ и казачье; типъ его разселенія—это тотъ-же типъ, который мы встрѣчаемъ, въ тѣхъ или другихъ разновидностяхъ, по всему вообще пространству культурной полосы Сибири. Селенія крестьянъ и казаковъ **) обыкновенно расположены на берегахъ рѣкъ и рѣчекъ и рѣдко—при ключахъ. Вверхъ и внизъ отъ селенія, вдоль рѣки, а равно и по дну всѣхъ падей, выходящихъ въ долину рѣки и лежащихъ въ районѣ владѣній селенія, находятся обыкновенно покосы, а по склонамъ падей, «на склонахъ», полосою, ширина которой зависитъ, преимущественно, отъ густоты населенія данной мѣстности, разбросаны пашни, поднимающіяся иногда до самой вершины хребтовъ,

*) См. итоговыя таблицы.
**) VIII, 10--11

«на увалы». Самые хребты заняты обыкновенно лѣсомъ, молодымъ и вырубленнымъ большею частью вблизи селеній и густымъ, смѣшаннаго возраста, на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи отъ жилья. Ближайшая къ селеніямъ часть площади угодій каждаго даннаго селенія представляетъ собою по большей части огороженный присельный выгонъ или «поскотину»*)—названіе, примѣняемое какъ къ самому выгону, такъ и къ окружающей его городьбѣ. Поскотина «иногда бываетъ круглая съ замкнутою городьбою, а иногда городьба дѣлается большимъ крыломъ и упирается концами или въ рѣчку, или въ утесъ; если два или болѣе селеній пользуются выгономъ сообща, то и городьба обходитъ вокругъ всѣхъ этихъ селеній, достигая въ длину иногда нѣсколькихъ десятковъ верстъ». Это—картина, хорошо извѣстная и обитателямъ, и изслѣдователямъ любой изъ губерній Сибири. Въ тѣхъ общинахъ, однако,—и это уже нѣкоторая особенность Забайкалья—у которыхъ пашенъ сравнительно мало и большая часть сѣнокосовъ лежитъ вдали отъ селенія, «присельный выгонъ не огораживается, а вмѣсто этого всѣмъ селеніемъ сообща, или артелями, или наконецъ отдѣльными лицами, обносятся городьбою присельные пашни и покосы; послѣдніе впрочемъ, въ такихъ случаяхъ всегда огораживаются всею общиной».

Одну изъ характерныхъ особенностей разселенія въ многоземельныхъ районахъ Сибири составляетъ развитіе заимочной жизни, вліяющее здѣсь и на характеръ хозяйства, и на складъ землевладѣнія. Изслѣдователи Забайкалья при разработкѣ собраннаго матеріала не посвятили вопросу о заимкахъ такого вниманія, какъ изслѣдователи смежной Иркутской губерніи; составить себѣ понятіе о характерѣ и значеніи заимокъ въ Забайкальѣ можно только по болѣе или менѣе отрывочнымъ замѣчаніямъ, разбросаннымъ въ разныхъ томахъ «Матеріаловъ»**), а частью по даннымъ поселенныхъ и итоговыхъ таблицъ. Изъ этихъ послѣднихъ мы узнаемъ прежде всего, что изъ общаго числа 93421 учтеннаго изслѣдованіемъ хозяйствъ заимки имѣютъ 4206 или 4, 5% общаго числа. При этомъ у крестьянъ—старожиловъ хозяйства съ заимками составляютъ 2, 7% (796 хозяйствъ изъ 28950), у казаковъ—русскихъ—4,0% (995 изъ 24671) и у инородцевъ—7,3% (2184 изъ 30108); такимъ образомъ заимочная жизнь у инородцевъ значительно болѣе развита, нежели у крестьянъ, а казаки и въ этомъ отношеніи занимаютъ середину. Богаче всего заимками округа Верхнеудинскій, Акшинскій и Нерчинско-заводскій (% хозяйствъ съ заимками 8,5,—6,9 и 5,3), бѣднѣе всего Баргузинскій и Троиц-

*) XIII, 69.

**) V, 29—32, 68, 69, 86; VI, 20—25; X, 79—80; XIII, 70 и слѣд.

косавскій (0,9 и 0, 8%), въ остальныхъ округахъ процентъ хозяйствъ съ заимками колеблется между 1, 9, и 2,9%. Никакой географической правильности въ колебаніяхъ этихъ цифръ не замѣчается, и въ «Матеріалахъ» мы не находимъ объясненія столь различному въ разныхъ мѣстностяхъ Забайкалья развитію заимочной жизни.

Спрашивается далѣе, являются ли заимки въ Забайкальѣ, дѣйствительно, формою *разселенія*, какъ въ Иркутской губерніи, или исключительно формою *хозяйства*, какъ въ нѣкоторыхъ районахъ Западной Сибири? Изъ исторической части «Матеріаловъ» видно, что заимка, какъ форма разселенія, сыграла въ исторіи колонизаціи Забайкалья существенную роль: «при малѣйшемъ чувствѣ тѣсноты или недовольствѣ качествомъ земли, лицо, желавшее владѣть исключительно на себя и притомъ наивозможно лучшею почвою, сворачивало въ сторону отъ общаго направленія движенія по пріобрѣтенію земель и устраивало на облюбованномъ мѣстѣ заимку. Рядомъ съ нею возникали другія. Постепенно выросталъ новый поселокъ, который исподволь надвигался на сосѣдній поселокъ своими угодьями до предѣла, полагаемаго встрѣчнымъ на него движеніемъ чужихъ владѣній». Но на ряду съ такого рода заимками—зародышами будущихъ селеній, издавна существовали и заимки временныя, имѣвшія исключительно хозяйственное значеніе. Различіе между двумя типами заимокъ было хорошо отмѣчено еще въ 50—хъ годахъ составителемъ цитируемыхъ въ «Матеріалахъ» правилъ по регулированію заимочнаго владѣнія: «сибирскіе жители, читаемъ мы въ этихъ правилахъ, устраиваютъ на пашняхъ и сѣнокосахъ особыя отъ мѣста ихъ жительства заимки, въ которыхъ нѣкоторые имѣютъ только временное пребываніе единственно для избѣжанія напрасной потери времени, нужнаго для переѣзда изъ домовъ къ полямъ, а другіе и постоянное жительство,—нерѣдко даже на дачахъ чужихъ или земляхъ казенныхъ, заселившись первоначально изъ разсчетовъ на лучшее состояніе земли или на близость къ онымъ обильныхъ промысловъ звѣря и т. п.» Но важное значеніе заимки, какъ формы разселенія, отошло, какъ можно думать, въ область прошедшаго: въ «Матеріалахъ» мы встрѣчаемъ, правда, рядъ примѣровъ селеній, возникшихъ сравнительно недавно путемъ разрастанія заимокъ. Но въ настоящее время, по свидѣтельству автора монографіи о формахъ землепользованія, «заимка въ Забайкальѣ играетъ большею частью вспомогательную роль,—это жилье на пашнѣ или покосѣ, куда хозяева этихъ пашенъ и покосовъ переѣзжаютъ только на опредѣленное вре-

мя года, не теряя связи съ селеніемъ, гдѣ находится все ихъ хозяйство. Заимки, какъ самостоятельный населенный пунктъ, какъ ядро будущихъ новыхъ селеній и колонизаціонный авангардъ, сравнительно рѣже встрѣчаются въ Забайкальской области»,—и притомъ возникаютъ по преимуществу внѣ районовъ поселенныхъ пользованій, на казенно—оброчной землѣ, и существуютъ на основаніи договоровъ съ завѣдующими этою землею органами государственной власти. Итакъ, типичная современная забайкальская заимка—не форма разселенія, а явленіе чисто хозяйственнаго порядка. При этомъ возникновеніе заимокъ лишь сравнительно рѣдко обусловливается потребностями земледѣльческаго хозяйства; наиболѣе распространенный типъ заимокъ—это заимки *скотоводческія*, лѣтнія или зимнія. Лѣтнія заимки, встрѣчающіяся исключительно у богатыхъ скотомъ казаковъ нѣкоторыхъ станицъ Акшинскаго округа, представляютъ собою «холостое строеніе съ небольшими загородками для скота», куда дойный скотъ и телята перегоняются на время лѣтней пастьбы; «цѣль постройки этого рода заимки—воспользоваться свѣжимъ, просторнымъ выгономъ тамъ, куда скотъ съ присельнаго выгона за дальнимъ разстояніемъ не заходитъ». Гораздо болѣе распространенный типъ, особенно у инородцевъ,—зимнія заимки, иначе «зимники» или «зимовья», встрѣчающіяся опять-таки исключительно у богатыхъ скотомъ домохозяевъ; такія заимки, въ которыхъ строятся и жилые дома, и помѣщенія для скота, и нерѣдко небольшіе амбары, устраиваются исключительно при сѣнокосныхъ мѣстахъ и имѣютъ цѣлью отчасти—избѣжать перевозки—сѣна съ дальнихъ покосовъ въ селеніе, главнымъ же образомъ «пользоваться просторнымъ и сравнительно богатымъ кормомъ, выгономъ для осенней и весенней, а, когда возможно—и зимней пастьбы скота» по сѣнокоснымъ отавамъ. Особенно развитыя, какъ я упомянулъ, у инородцевъ, скотоводческія заимки собственно у русскаго населенія встрѣчаются по преимуществу въ восточномъ Забайкальѣ и особенно въ Читинскомъ округѣ, гдѣ число хозяйствъ съ такого рода заимками и у крестьянъ, и у казаковъ достигаетъ 10, 1%; затѣмъ—у Акшинскихъ казаковъ (6,9%) и у казаковъ и крестьянъ Нерчинско-заводскаго округа (6, 0 и 5, 3%).

Перейдемъ теперь къ кочевому населенію.

Одна изъ существеннѣйшихъ заслугъ Забайкальскаго изслѣдованія заключается именно въ томъ, что оно всесторонне выяснило кочевой, по преимуществу, характеръ мѣстнаго инородческаго населенія—обстоятельство, почти вовсе оставленное безъ вниманія изслѣдованіемъ Иркутской и Енисейской губерній.

Весьма любопытныя данныя мы можемъ, прежде всего, извлечь изъ табличнаго матеріала. Мы извлекаемъ изъ него, прежде всего, слѣдующія относительныя величины, особо для каждаго изъ трехъ разрядовъ инородческаго населенія:

Разряды инородческаго населенія.	На каждыя 100 хозяйствъ приходится домовъ.	На каждые 100 домовъ приходится.			На каждыя 100 хозяйствъ приходится.	
		Юртъ въ лѣтникахъ.	Юртъ въ зимникахъ.	Юртъ переносныхъ.	Имѣющихъ лѣтники.	Имѣющихъ только переносныя юрты.
Инородцы осѣдлые	139	2	2	0	2,4	0,1
« кочевые	73	136	40	88	65,1	11,8
Казаки-инородцы	63	136	43	110	68,2	5,8

Такимъ образомъ инородцы, числящіеся осѣдлыми, дѣйствительно могутъ считаться перешедшими къ осѣдлому образу жизни—количество домовъ у нихъ значительно превышаетъ число домохозяйствъ, юрты же, эти необходимые спутники кочевого быта, почти совершенно отсутствуютъ. Напротивъ, кочевые инородцы и инородцы-казаки несомнѣнно сохранили, въ большей или меньшей мѣрѣ, слѣды кочевого быта. Довольно замѣтная часть ихъ—11, 8% кочевыхъ инородцевъ и 5, 8% инородцевъ-казаковъ кочевники чистаго типа, совершенно не имѣющіе постоянныхъ жилищъ и круглый годъ проводящіе въ переносныхъ юртахъ. Затѣмъ, почти три четверти кочевыхъ инородцевъ и почти двѣ трети казаковъ имѣютъ уже дома; но кромѣ того около двухъ третей тѣхъ и другихъ имѣютъ особыя лѣтнія помѣщенія, въ видѣ неподвижныхъ юртъ на лѣтникахъ. Такимъ образомъ переходною ступенью отъ кочевого къ чисто осѣдлому быту является у забайкальскихъ инородцевъ,—и это составляетъ ихъ существенную особенность въ сравненіи, напримѣръ, съ киргизами Степного края—такая форма быта, при которой *перекочевки совершаются между двумя постоянными жилищами—зимнимъ и лѣтнимъ*. Затѣмъ, нѣкоторыя заключенія относительно послѣдовательности, въ которой совершается переходъ отъ кочевого къ осѣдлому быту, можно сдѣлать изъ сопоставленія приводимыхъ въ нижеслѣдующей табличкѣ цифровыхъ данныхъ, относящихся къ кочевому (включая казаковъ) инородческому населенію отдѣльныхъ округовъ Забайкалья:

Въ округахъ.	На каждыя 100 хозяйст. приходится домовъ.	На каждые 100 домовъ приходится.			На каждыя 100 хозяйствъ приходится.	
		Юртъ въ лѣтникахъ.	Юртъ въ зимникахъ	Юртъ переносныхъ.	Имѣющихъ лѣтники.	Имѣющихъ только переносныя юрты.
	1	2	3	4	5	6
Баргузинскомъ . .	121	71	36	0	74.8	0,0
Верхнеудинскомъ .	83	164	19	77	88,7	0,8
Селенгинскомъ . .	76	143	77	73	75,5	0,6
Троицкосавскомъ .	57	138	74	125	63,0	2,1
Читинскомъ . . .	40	104	8	227	31.8	34.8
Акшинскомъ	39	122	1	197	36,1	6,5

Ясно, что инородцы восточнаго Забайкалья стоятъ несравненно ближе къ кочевому быту, нежели инородцы западнаго Забайкалья, и что въ этомъ послѣднемъ признаки перехода къ осѣдлому быту гораздо рѣзче проявляются въ сѣверныхъ округахъ—Верхнеудинскомъ и особенно Баргузинскомъ, нежели въ южныхъ: въ направленіи съ востока на западъ и съ юга на сѣверъ правильно и весьма быстро возростаетъ относительное число домовъ—этихъ несомнѣнныхъ признаковъ осѣдлаго или, по крайней мѣрѣ полуосѣдлаго быта, и съ такою же правильностью понижается относительное число переносныхъ юртъ; чистые кочевники, имѣющіе одинъ только переносныя юрты, въ Читинскомъ округѣ составляютъ еще болѣе трети всѣхъ инородцевъ, въ другомъ округѣ восточнаго Забайкалья, Акшинскомъ,—6,5%; изъ округовъ западнаго Забайкалья только въ самомъ южномъ—Троицкосавскомъ—процентъ чистыхъ кочевниковъ достигаетъ еще 2, 1%, въ остальныхъ же трехъ округахъ чистые кочевники совершенно, или почти совершенно, исчезаютъ; напротивъ, число домовъ, которое въ обоихъ округахъ восточнаго Забайлья состовляетъ двѣ пятыхъ общаго числа домохозяйствъ, уже въ самомъ южномъ изъ округовъ западнаго Забайкалья поднимается почти до трехъ пятыхъ, въ Селенгинскомъ и Верхнеудинскомъ—до $^3/_5$ и $^5/_6$, а въ Баргузинскомъ уѣздѣ значительно превышаетъ число домохозяйствъ, такъ, что здѣсь, очевидно, болѣе или менѣе всѣ инородцы живутъ въ домахъ; что касается до постоянныхъ лѣтнихъ жилищъ, то сопоставленіе цифръ предпослѣдняго столбца таблички съ цифрами 1, 2 и 4 столбцовъ позволяетъ ясно видѣть, что постоянные лѣтники—переходная бытовая форма отъ чисто кочеваго къ чисто осѣдлому быту: по

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

пяти уѣздамъ процентъ домохозяйствъ съ лѣтниками очень близко подходятъ къ процепту домохозяйствъ съ домами, и обѣ эти величины измѣняются параллельно съ числомъ постоянныхъ юртъ въ лѣтникахъ и въ обратномъ направленіи съ числомъ юртъ переносныхъ. Отсюда естественно сдѣлать выводъ, что кочевникъ, обзаводящійся домомъ для зимняго жилья, при этомъ еще не сразу перестаетъ кочевать,—онъ только замѣняетъ переносную юрту юртою постоянною, которую ставитъ на своемъ лѣтникѣ. Исключеніе изъ указанной правильности составляетъ Баргузинскій округъ: здѣсь, при весьма высокой цифрѣ домовъ, число хозяйствъ съ лѣтниками, и особенно—юртъ въ лѣтникахъ, сравнительно невелико, а это значитъ, что въ Баргузинскомъ округѣ значительная часть номинально кочевыхъ инородцевъ совершенно прекратила кочеваніе. Своеобразный характеръ имѣютъ, наконецъ, колебанія числа юртъ въ зимникахъ: ничтожныя въ восточномъ Забайкальѣ, соотвѣтствующія цифры достигаютъ наивысшаго уровня въ округахъ Троицкосавскомъ и Селенгинскомъ и замѣтно падаютъ по округамъ Верхнеудинскому и Баргузинскому, въ которыхъ сильнѣе всего проявляются признаки перехода инородцевъ къ осѣдлому быту. Это значитъ, что прежде нежели строить себѣ дома, переходящія къ осѣдлости инородцы строятъ себѣ на зимникахъ, какъ и на лѣтникахъ, болѣе простыя и дешевыя жилища—юрты, которыя уже затѣмъ, по мѣрѣ укорененія осѣдлыхъ привычекъ, замѣняются и вытѣсняются домами. Данныя описательнаго харктера, по вопросу о разселеніи кочевыхъ инородцевъ, мы находимъ въ 6—мъ, 8—мъ, 10-мъ и 13-мъ томахъ «Матеріаловъ» *).

«Забайкальскаго кочевого инородца, говоритъ авторъ, монографіи о скотоводствѣ, г. Разумовъ **), нельзя смѣшивать съ бродячими инородцами, такъ какъ онъ кочуетъ всегда по одной и той—же опредѣленной территоріи ***) и при каждой перемѣнѣ своей стойбы ставитъ юрту на извѣстномъ, тоже разъ на всегда опредѣленномъ мѣстѣ. Сколько разъ именно въ теченіе года кочевникъ перемѣняетъ свое мѣстожительство, зависитъ отъ большей или меньшей степени его богатства или—что то—же самое—отъ числа головъ его скота. Кочевникъ, имѣющій небольшое количество скота, имѣетъ толь-

*) См. гл. обр. X, 59—61, XIII, 74—76, а также VIII, 11 и VI, 6.

**) XIII, 24.

***) Въ 10 томѣ «матеріаловъ», въ работѣ г. Кроля, (стр. 60) имѣются невполнѣ согласныя съ изложеніемъ въ текстѣ указанія: отмѣчается, именно, что хотя наиболѣе сохранившіе кочевой типъ буряты и имѣютъ свои излюбленныя мѣста кочевокъ, но эти мѣста мѣняются въ зависимости отъ урожая травъ, отъ большей или меньшей суровости зимы, отъ количества выпадающихъ въ томъ или другомъ мѣстѣ снѣжныхъ осадковъ и т. п. причинъ».

ко лѣтникъ («засулапъ») и зимникъ («угульджепъ»); болѣе богатый имѣетъ уже четыре мѣста кочевокъ—къ двумъ указапнымъ у него прибавляется еще осенникъ («хабурджепъ») и весенникъ («намурджапъ»); наконецъ самые богатые изъ кочевыхъ инородцевъ мѣняютъ мѣсто стойбы своего скота до 10-12 разъ, причемъ кромѣ того имѣютъ всѣ указанные четыре вида стойбищъ. Какъ характеръ кочевокъ инородцевъ, такъ и характеръ разселенія, находится, по словамъ автора монографіи о формахъ землепользованія, г. Кроля *), «въ весьма тѣсной зависимости отъ того, въ какихъ жилищахъ живутъ тѣ или другіе инородцы, передвижныхъ войлочныхъ или деревянныхъ, отъ того, въ какой степени сохранился у нихъ кочевой бытъ, и, наконецъ, отъ чисто климатическихъ и почвенныхъ условій. Такъ напримѣръ—продолжаетъ г. Король, буряты, кочующіе въ юго—восточной и южной частяхъ Агинскаго вѣдомства, живутъ большею частью въ войлочныхъ юртахъ; около такихъ юртъ почти нигдѣ никакихъ огорожей и никакихъ постоянныхъ пристроекъ нѣтъ. Остаются такіе буряты на одномъ мѣстѣ со своимъ скотомъ до тѣхъ поръ, пока не найдутъ, что корма стало маловато; тогда юрта снимается и переносится на другое мѣсто. Такимъ образомъ—заключаетъ г. Кроль, передвижная войлочная юрта нисколько не связываетъ хозяина ея съ мѣстомъ, гдѣ она стоитъ. Сегодня она въ одной пади, черезъ недѣлю или двѣ переносится въ другую, черезъ мѣсяцъ въ третью. Деревянная юрта—продолжаетъ цитируемый авторъ—уже сама по себѣ создаетъ извѣстныя длящіяся отношенія хозяина къ землѣ. Обыкновенно, около деревянной юрты имѣются также нѣкоторыя пристройки и огорожи; гдѣ лѣсъ имѣется въ достаточномъ количествѣ, тамъ площадь, занимаемая инородцами подъ усадьбы-бываетъ довольно велика: такъ, на лѣтникахъ, кромѣ юртъ-имѣются часто амбары, сараи, скотные дворы, особые горожъники для овецъ, навѣсы для лошадей и т. д. На зимнихъ стойбищахъ, кромѣ юрты, а иногда и теплаго дома, имѣются нерѣдко и теплыя стайки для рогатаго скота, глухія стайки для овецъ, дворы, гдѣ кормятъ скотъ, гумна, на которыхъ стоятъ зароды сѣна, а иногда и хлѣба. На осенпихъ и весенпихъ стойбищахъ составъ усадебныхъ мѣстъ нѣсколько приближается къ типу зимнихъ, но не такъ обширенъ».

Что-же такое, при описанномъ характерѣ быта кочевыхъ инородцевъ, инородческое селеніе? И можно ли, вообще, говорить о «селеніяхъ» по отношенію къ этой многочисленной группѣ населенія Забайкальской области? На эти вопросы оба цити-

*) X, 59—60.

рованные автора даютъ совершенно согласный отвѣтъ: «всѣ кочевые инородцы, говоритъ г. Кроль *), за рѣдкими, развѣ, исключеніями, живутъ не правильно расположенными селеніями, а отдѣльными юртами или группами юрт, довольно далеко одна отъ другой отстоящими—лѣтомъ въ районѣ лѣтняго выпуска, поближе къ рѣчкѣ, колодцамъ, а зимой—въ районѣ покосовъ, въ распадкахъ, гдѣ теплѣе, гдѣ скотъ больше защищенъ отъ вѣтровъ, гдѣ ветошь лучше».

«Лѣтники кочевыхъ инородцевъ, говоритъ г. Разумовъ **), расположены всегда въ извѣстныхъ, спеціально предназначенныхъ для нихъ падяхъ, въ видѣ небольшихъ группъ безпорядочно разбросанныхъ по степи войлочныхъ или деревянныхъ юртъ. Такая группа юртъ называется «хоттонъ»; каждый «хоттонъ», размѣры котораго неопредѣленны, располагается вблизи какого нибудь водовмѣстилища—рѣчки, ключа, или прѣснаго озера, изъ которыхъ инородцы пользуются водою и для себя, и для своего скота». Наконецъ, въ томъ же смыслѣ высказывается и г. Калмыковъ, разработавшій матеріалъ по землевладѣнію***): «ни зимники, ни лѣтники, говоритъ онъ, не представляютъ собою чего-либо похожаго на селеніе, такъ какъ одни домохозяева ставятъ свои юрты совсѣмъ особнякомъ, другіе группами, соединяясь по два, по три и болѣе; такія отдѣльныя группы юртъ называются «хоттонами», терминъ, очевидно, болѣе или менѣе равнозначущій киргизскому «кстау» или «хозяйственному аулу». «Словомъ—заключаетъ послѣдній изъ цитированныхъ авторовъ—населеннаго пункта въ точномъ смыслѣ слова кочевая община не имѣетъ: лѣтнія юрты кочевниковъ раскиданы «хоттонами» по всей территоріи выгоновъ, зимою—по всей территоріи покосовъ».

Ниже мы должны будемъ установить самое понятіе *инородческой общины*; здѣсь мы можемъ ограничиться приведенными цитатами и замѣтить, что, какъ при статистической сводкѣ цифроваго матеріала, такъ и при текстовой разработкѣ данныхъ по цѣлому ряду вопросовъ, изслѣдователи Забайкалья соединяли мельчайшія бытовыя инородческія единицы, «хоттоны» или иначе улусы, въ болѣе или менѣе искусственныя группы, такъ называемыя «булуки». Булукъ—единица чисто податного происхожденія, возникшая благодаря разложенію родового строя. «Отбываніе междудворной гоньбы—читаемъ мы въ 6-мъ томѣ «Матеріаловъ» ****), практиковавшееся прежде по родамъ, послѣ смѣшенія родовъ сдѣлалось окончательно невозможнымъ, и

*) X,59.
**) XIII, 74-75.
***) VIII, 11.
****) VI,1 12,

потому степныя думы и инородныя управы принуждены были прибѣгнуть къ искусственному раздѣленію инородцевъ на общины, члены которыхъ и разверстываютъ между собою междудворную гоньбу; въ каждую такую общину включены инородцы, имѣющіе стойбища въ нѣсколькихъ сосѣднихъ другъ другу урочищахъ, и эта община называется «булукъ»—часть, участокъ. «Такимъ образомъ, заключаетъ составитель 6-го тома, сами инородцы пришли къ необходимости учредить у себя подраздѣленіе на территоріальныя общины». Однако съ подобнымъ отождествленіемъ понятій *булука и территоріальной общины* едва—ли можно согласиться, такъ какъ оно противурѣчитъ данными, приводимымъ въ монографіи о формахъ землепользованія*): «булуки, читаемъ мы здѣсь, на которые были разбиты во время изслѣдованія вѣдомства и управы восточнаго Забайкалья, не были податными единицами, ибо въ булукѣ сплошь и рядомъ жили инородцы разныхъ родовъ, платящіе подати черезъ свои инородныя управы; они не были также административными единицами, такъ какъ спеціально булучныхъ властей часто нѣтъ. Обыкновенно инородцевъ, живущихъ въ одномъ булукѣ, связывала общая поскотинная повинность и совмѣстное отбываніе междубулучной подводной повинности. Но иногда въ булукѣ не оказывалось поскотины, а недѣльную гоньбу два—три булука отбывали сообща; тогда булукъ окончательно терялъ свое содержаніе и представлялъ собою, въ лучшемъ случаѣ, географическій терминъ, къ которому тяготѣли тѣ или другіе инородцы». У инородцевъ западнаго Забайкалья «булукъ уже всегда представляетъ собою географическій населенный пунктъ—долину, падь, или степь—на которомъ живутъ бурятскія семейства, совмѣстно нѣсколько юртъ (2,5,10,20,60); поэтому каждая бурятская община состоитъ тамъ всегда изъ нѣсколькихъ булуковъ, но никогда не случалось, чтобы тамошній булукъ состоялъ изъ нѣсколькихъ покосныхъ общинъ», какъ въ вѣдомствахъ восточнаго Забайкалья. Прежде, чѣмъ перейти къ дальнѣйшему изложенію, мы должны сказать нѣсколько словъ объ обычномъ у забайкальскихъ инородцевъ характерѣ расположенія земельныхъ угодій. Вся территорія общины, читаемъ въ 8—мъ томѣ «Матеріаловъ»**), кромѣ хребтовъ и самыхъ вершинъ падей, занятыхъ лѣсомъ, если таковой имѣется, распадается обыкновенно на два вида угодій—покосы и выгонъ. Территорія общины большею частью состоитъ изъ одной или нѣсколькихъ падей, верховья которыхъ заняты обыкновенно по-

*) X, 10-11.
**) VIII, 11

косами, а низовья выгономъ; покосы отъ выгона отдѣляются почти всегда загородкою—поскотиной; на покосахъ находятся «зимники», на выгонахъ—«лѣтники»; пашни, если таковыя имѣются, располагаются обыкновенно отдѣльными клочками среди покосовъ преимущественно по склонамъ падей; удобряемые и орошаемые покосы почти всегда находятся вблизи самыхъ «зимниковъ». Въ отличіе отъ русскихъ крестьянъ, у которыхъ усадебныя мѣста, въ видѣ общаго правила, тяготѣютъ къ пашнямъ,—у кочевыхъ и полукочевыхъ инородцевъ зимнія стойбища, изъ котораго мало по малу развивается усадебная осѣдлость, тяготѣетъ по преимуществу къ покосамъ. Съ наступленіемъ осени, говоритъ г. Кроль въ 10—мъ томѣ «Матеріаловъ»*), «кочевые инородцы переселяются на осеннія, а у кого ихъ нѣтъ—на зимнія стойбища. Тамъ у нихъ сѣнокосы, гдѣ заготовлено сѣно на зиму, тамъ же на убранныхъ сѣнокосахъ и въ распадкахъ, смежныхъ съ сѣнокосами, имѣется хорошій подножный кормъ въ видѣ сочной, петронутой еще ветоши. Такъ какъ, притомъ, у инородцевъ всегда имѣется большой запасъ навоза, которымъ они усердно удобряютъ свои покосы, то они стараются свои зимнія стойбища ставить или очень близко около своихъ покосовъ, или на самихъ покосахъ», и такимъ образомъ «не покосы тяготѣютъ къ инородческимъ усадьбамъ, а обратно; часто у инородцевъ усадебное мѣсто обращается въ покосъ, а покосъ въ усадебное мѣсто, не только на зимнемъ пастбищѣ, но и на лѣтнемъ». Первостепенное значеніе покосныхъ угодій выражается въ характерномъ для забайкальскихъ кочевниковъ обычаѣ огораживанія этого рода угодій: «въ тѣхъ мѣстахъ, читаемъ мы въ 13—мъ томѣ**), гдѣ вблизи лѣтниковъ находятся у инородцевъ сѣнокосныя угодья, угодья эти отдѣляются отъ выгоннаго мѣста поскотинами. Характерное отличіе всѣхъ вообще инородческихъ поскотинъ отъ обычнаго типа городьбы у русскихъ и вообще у осѣдлаго населенія заключается въ томъ, что у русскихъ обыкновенно огораживается *приселъный выгонъ*, и затѣмъ внѣ городьбы остаются, какъ пахотныя и сѣнокосныя земли, такъ и удаленные отъ селеній выгоны и вообще некультурныя земли; у кочевыхъ инородцевъ огораживается не выгонъ, а *болѣе интенсивныя угодья* и въ частности—сѣнокосы». При этомъ «величина и форма инородческихъ поскотинъ очень разнообразны и зависятъ, какъ отъ размѣровъ защищаемыхъ поскотиною угодій, такъ и отъ числа лицъ, принимающихъ участіе въ ея городьбѣ. Иногда поскотина

*) X, 60—61.
**) XIII, 75.

окружаетъ участокъ одного, двухъ домохозяевъ, величиною въ 2—5 десятинъ; иногда она въ видѣ громадной подковы отсѣкаетъ вершины нѣсколькихъ падей занятыя сѣнокосами,и упирается концами въ хребетъ,—наконецъ, иногда поскотина въ видѣ ломаной линіи тянется на многіе десятки верстъ, черезъ земли нѣсколькихъ инородческихъ общинъ.

II.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы должны будемъ, съ нѣкоторою подробностью, познакомить читателя съ исторіей и современнымъ складомъ землевладѣнія крестьянъ, казаковъ и инородцевъ Забайкалья. Теперь мы переходимъ къ вопросу объ основахъ хозяйственнаго быта разныхъ разрядовъ забайкальскаго населенія и въ частности—о степени развитія у нихъ земледѣлія, скотоводства и значеніи важнѣйшихъ промысловъ. Но предварительно—забѣгая нѣсколько впередъ—мы должны привести нѣкоторыя данныя о размѣрахъ землевладѣнія *) русскаго и инородческаго населенія области, являющихся, несомнѣнно, основнымъ моментомъ, опредѣляющимъ какъ весь складъ хозяйства, такъ и тѣ явленія, въ области формъ землепользованія, которыя будутъ ближайшимъ предметомъ нашего изученія. Изъ общей площади занятыхъ земель Забайкалья, которая, какъ мы указывали выше, опредѣлена изслѣдованіемъ въ 14.826.925 десятинъ,1.820.939 дес. или 12, 2% состоитъ въ пользованіи крестьянской части населенія, и въ частности бывшихъ государственныхъ крестьянъ; 5.334.889 дес. или 35, 9%—въ пользованіи казаковъ, 6.780.677 дес. или 45, 7%—въ пользованіи инородцевъ; остальныя 890.420 десятинъ или 6, 2% общей площади занятыхъ земель составляютъ частью земли бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ (5, 7%), частью—земли заводовъ, золотыхъ пріисковъ, городовъ, монастырей и т. п. (0, 5%.) Если привести эти цифры въ соотношеніе съ численностью мужскихъ душъ, то въ среднемъ на душу окажется всей земли, включая неудобную, у крестьянъ по 20, 5 дес., у казаковъ по 58, 7 дес., у инородцевъ по 84,9 дес., если же считать только одинъ удобныя земли,—у первыхъ получится по 16, 6 дес., у вторыхъ 40, 9 и у третьихъ по 57, 4 десятины. Поокружныя данныя приведены въ нижеслѣдующей таблицѣ:

*) VIII, 6—7.

Въ округахъ.	На мужскую душу приходится земли всей удобной.		
	У крестьянъ.	У казаковъ.	У инородцевъ.
Баргузинскомъ	21,8 / 14,0	—	38,3 / 9,3 (?)
Верхнеудинскомъ	15,1 / 13,5	—	101,8 / 94,1
Селенгинскомъ	21,6 / 18,7	60,4 / 42,3	36,0 / 28,3
Троицкосавскомъ	—	44,2 / 31,8	—
Читинскомъ	32,6 / 22,5	51,8 / 43,2	122,0 / 61,1
Акшинскомъ	—	84,4 / 47,2	—
Нерчинскомъ	—	53,0 / 43.2	—
Нерчинско-заводскомъ	—	55,1 / 29,9	—

Такимъ образомъ казаки какъ въ общемъ выводѣ по области, такъ и въ отдѣльности по тѣмъ округамъ, по которымъ возможно сравненіе, болѣе чѣмъ вдвое богаче землею, нежели крестьянское населеніе. Инородцы въ общемъ по области итогѣ приблизительно въ полтора раза лучше обезпечены землею, чѣмъ казаки, и приблизительно въ четверо лучше нежели крестьяне. Но по отдѣльнымъ округамъ цифры земельнаго обезпеченія инородцевъ подвержены весьма рѣзкимъ колебаніямъ; поэтому въ то время, какъ по округамъ Верхнеудинскому и Читинскому инородческое землевладѣніе чрезвычайно значительно, по Селенгинскому и Баргузинскому размѣры его падаютъ значительно ниже размѣровъ казачьяго землевладѣнія и менѣе нежели вдвое превышаютъ размѣры землевладѣнія крестьянъ тѣхъ-же округовъ. Сравнивая, затѣмъ, поокружныя цифры землевладѣнія крестьянъ и казаковъ, мы видимъ, что крестьяне восточнаго Забайкалья значительно лучше обезпечены землею, нежели крестьяне западной части области;—по отношенію же къ казакамъ никакой правильности въ географическомъ распредѣленіи колебаній относительныхъ цифръ не замѣчается.

Если обратиться къ даннымъ относительно болѣе мелкихъ территоріальныхъ единицъ, то сравнительно небольшія колебанія окажутся въ группѣ крестьянъ. Именно въ Баргузинскомъ округѣ, въ поволостныхъ цифрахъ, среднiй на душу размѣръ земельнаго обезпеченія крестьянъ колеблется между

8,9 и 15,3 дес., въ Верхнеудинскомъ—между 8,0 и 21 дес., въ Селенгинскомъ между 9,2 и 26,5 дес. удобной земли; такимъ образомъ въ цѣломъ рядѣ волостей западнаго Забайкалья (Горячинской, Мухоръ-Шибирской, Нижнеарымской, Бичурской, Кударинской) средніе размѣры землевладѣнія падаютъ ниже 10 десятинъ на наличную душу и составляютъ на треть или даже на половину менѣе той пропорціи, которая поземельно-устроительнымъ закономъ 1896 года признана нормально—необходимою для сибирскихъ крестьянъ. Въ восточной части области такихъ малоземельныхъ волостей нѣтъ: здѣсь обезпеченность землею крестьянскихъ волостей не падаетъ ниже 16, 4 дес., высшій же предѣлъ поднимается до 32, 9 удобныхъ десятинъ. Болѣе рѣзкія колебанія въ размѣрахъ землевладѣнія наблюдаются у казаковъ. Въ постаничныхъ цифрахъ средніе на наличную душу размѣры землевладѣнія колеблются: въ Селенгинскомъ округѣ между 12,5 и 83, 0 дес., въ Читинскомъ—между 29 и 42, въ Акшинскомъ —между 7, 3 и 242, 2 дес., въ Нерчинскомъ—между 35, 6 и 78, 3, въ Нерчинско—Заводскомъ, по имѣющимся неполнымъ даннымъ,—между 14, 6 и 100, 2 десятинъ.Столь же рѣзки колебанія у инородцевъ: въ двухъ вѣдомствахъ Цонгольскомъ и Кударинскомъ—размѣры землевладѣнія крайне незначительны, не превышая 9, 4 и 10, 1 удобныхъ десятинъ на наличную мужскую душу; въ Баргузинской степной думѣ и Тунгусской инородной управѣ средній размѣръ землевладѣнія поднимается до 19, 0 дес., въ Армакской управѣ, Селенгинскомъ вѣдомствѣ и Закаменской управѣ—до 24,7, 29,8 и 34, 0, въ Хоринскомъ вѣдомствѣ—до 94, 1 десятинъ, а въ отдѣльныхъ управахъ Урульгинскаго вѣдомства средній размѣръ землевладѣнія колеблется между 79,3 и 449,3 дес. *).

Такъ какъ характеръ хозяйства и въ частности—размѣры и относительное значеніе земледѣлія и скотоводства и самые типы земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства, опредѣляются на первомъ мѣстѣ степенью земельной обезпеченности населенія, то, въ виду крайняго разнообразія въ размѣрахъ этой послѣдней, естественно предположить, что и во всѣхъ указанныхъ отношеніяхъ Забайкальская область должна представить въ высшей степени пеструю картину. И предположеніе это вполнѣ оправдывается дѣйствительностью.

Общая по области площадь запашекъ въ 1897 году составляла, по даннымъ мѣстнаго изслѣдованія, 528.955 десятинъ, изъ которыхъ 326.215 дес. было засѣяно хлѣбами, остальные же 202.740 десятинъ находились подъ паромъ. Въ среднемъ

*) По Агинскому вѣд. въ «Матеріалахъ» приведена цифра въ 19, 2 дес., которая кажется намъ довольно сомнительною

на домохозяйство это составляетъ 5,6 дес. запашки и 3,6 дес. засѣянной площади,—и такимъ образомъ въ общемъ по области итогѣ земледѣліе оказывается значительно менѣе развитымъ, нежели въ губерніяхъ Иркутской и особенно Енисейской: въ первой средній на дворъ размѣръ запашки достигаетъ 9,0 дес., во второй—10,2 дес., и даже въ уѣздахъ съ наименѣе развитымъ земледѣліемъ—Киренскомъ и Енисейскомъ—средніе размѣры запашекъ, насколько о нихъ можно судить по оффиціальнымъ даннымъ (7,1 и 8.1 дес.), значительно выше, нежели въ Забайкальѣ.

Причинъ слабаго развитія земледѣлія въ Забайкальской области естественнѣе всего искать въ своеобразномъ характерѣ ея населенія. И дѣйствительно—беря отдѣльно четыре важнѣйшіе разряда этого послѣдняго, мы находимъ, что въ среднемъ на дворъ запахиваютъ: крестьяне старожилы—8,8 дес., казаки русскаго происхожденія—7, 0, кочевые инородцы вмѣстѣ съ инородцами—казаками всего 2,2 дес., инородцы осѣдлые—7,8 десятинъ. Цифры эти, прежде всего, подтверждаютъ, что оффиціально числящіеся кочевыми инородцы, въ общемъ дѣйствительно стоятъ весьма близко къ кочевому быту, и что земледѣліе у нихъ играетъ сравнительно ничтожную роль; напротивъ, инородцы, числящіеся осѣдлыми, состоятъ таковыми не только номинально, но и въ дѣйствительности: средній размѣръ запашки у нихъ лишь немногимъ ниже, нежели у крестьянъ—старожиловъ, и выше, нежели у казаковъ русскаго происхожденія.

Но въ то же время цифры показываютъ, что малое развитіе земледѣлія въ Забайкальѣ не можетъ быть объяснено одними только этнографическими особенностями состава населенія: средніе размѣры запашекъ и въ отдѣльности по каждому разряду забайкальскаго населенія оказываются значительно ниже, нежели по соотвѣтственнымъ разрядамъ населенія Иркутской и Енисейской губерній: забайкальскіе крестьяне—старожилы запахиваютъ въ среднемъ по 8,8 дес., тогда какъ по губерніямъ Иркутской и Енисейской соотвѣтственныя цифры 13,1 и 14,4 дес.; забайкальскіе казаки засѣваютъ въ среднемъ по 7,0 дес., и Енисейскіе—12,1 дес.; инородцы въ Забайкальской области запахиваютъ въ среднемъ: кочевые 2,2, осѣдлые—7,8 дес.; соотвѣтственныя цифры для инородцевъ изслѣдованной части Иркутской губерніи 10,5 и 9,9 дес., для кочевыхъ инородцевъ Енисейской губерніи—2, 7 дес. Такимъ образомъ только Енисейскіе кочевые инородцы по слабому развитію земледѣлія стоятъ довольно близко къ забайкальскимъ, а осѣдлые инородцы Забайкалья по степени

развитія земледѣлія мало уступаютъ иркутскимъ; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ по Забайкалью получаются значительно меньшія цифры, нежели, въ соотвѣтственныхъ группахъ, по Енисейской и Иркутской губерніямъ, откуда необходимо сдѣлать выводъ, что этнографическія особенности не могутъ считаться ни единственною, ни даже главною причиною малаго развитія земледѣлія въ Забайкальской области. Такъ именно смотритъ на дѣло и изслѣдованіе. «Горный характеръ страны, говоритъ авторъ посвященнаго земледѣлію тома, г. Бутовичъ*), хрящеватость почвы, крайне рѣзкій климатъ (сухость весны, продолжительные лѣтніе дожди, ранніе заморозки, малоснѣжныя суровыя зимы) все это , конечно, сказывается неблагопріятными послѣдствіями на общемъ положеніи земледѣльческой промышленности въ краѣ, полагая, съ одной стороны, ея развитію подчасъ трудно преодолимыя естественныя преграды, съ другой, дѣлая ее зачастую экономически менѣе выгодною, нежели другія отрасли мѣстнаго хозяйства». Извѣстное значеніе цитируемый авторъ придаетъ, правда, и этнографическимъ условіямъ, преобладанію инородцевъ, у которыхъ земледѣліе начало развиваться лишь съ приходомъ русскихъ. Но «и русскій колонизаторъ, попавъ въ крайне своеобразную по климату и почвеннымъ условіямъ страну, населенную лишь кое гдѣ полудикими кочевниками, долженъ былъ усиленно бороться съ окружающею его средою, въ то же время пріурочивая къ ней свое хозяйство, въ значительной мѣрѣ отрѣшаясь отъ обычнаго склада жизни и занятій русскаго человѣка и многое перенимая у инородцевъ». Наконецъ не малое значеніе, въ данномъ случаѣ, имѣло возникновеніе въ Забайкальѣ горныхъ заводовъ, дававшихъ населенію значительные заработки и отвлекавшихъ его отъ хлѣбопашества. «Совокупность всѣхъ этихъ условій, заключаетъ г. Бутовичъ, конечно далеко не представляла благопріятной почвы для успѣшнаго распространенія въ краѣ земледѣлія, которое подъ вліяніемъ воздѣйствія администраціи, стало прививаться исключительно лишь въ наилучшихъ по своимъ естественнымъ условіямъ мѣстностяхъ.

Въ остальной части края земледѣліе распространялось туго, причемъ развитіе его шло какъ бы въ подспорье къ другимъ промысламъ сельскаго населенія. Этотъ характеръ второстепеннаго въ мѣстномъ хозяйствѣ занятія хлѣбопашество во многихъ частяхъ области сохраняетъ и понынѣ».

Такъ какъ намъ предстоитъ въ дальнѣйшемъ изучать распространенность въ Забайкальскомъ краѣ различныхъ формъ землепользованія, стоящихъ—какъ мы увидимъ—въ тѣснѣйшей

*) XI, 212—214

связи съ общимъ складомъ хозяйства и въ частности—со степенью развитія земледѣлія, то мы должны, хотя бы съ рискомъ утомить читателя, привести нѣкоторыя данныя о размѣрахъ и значеніи земледѣлія въ различныхъ мѣстностяхъ Забайкальской области.

Нижеслѣдующія цифры, извлеченныя изъ итоговыхъ таблицъ, изображаютъ средніе на домохозяйство размѣры земледѣлія по округамъ, въ общемъ для всего населенія выводѣ и особо для каждаго его разряда:

Въ округахъ.	Въ среднемъ на домохозяйство запахиваютъ.				
	Все населеніе.	Крестьяне-старожилы.	Казаки русскіе.	Инородцы кочевые и казаки	Инородцы осѣдлые.
Баргузинскомъ	1,8	4,1	—	0,8	4,6
Верхнеудинскомъ	7,4	11,1	—	2,2	8,3
Селенгинскомъ	4.1	6,2	6,9	3,0	7,3
Троицкосавскомъ	6,0	—	7,8	4,0	—
Читинскомъ	4,0	8,6	5,9	1,3	2,8
Акшинскомъ	3,7	—	4,2	0,4	—
Нерчинскомъ	8,3	—	8,3	—	—
Нерчинско-заводскомъ	5,5	3,8	7,6	—	—

Такимъ образомъ даже въ округахъ съ наиболѣе развитымъ земледѣліемъ—Верхнеудинскомъ и Нерчинскомъ—средніе размѣры запашекъ лишь немногимъ выше, нежели по наименѣе земледѣльческимъ уѣздамъ Иркутской и Енисейской губерній. Округа эти расположены—одинъ въ восточномъ, другой въ западномъ Забайкальѣ, но оба—въ средней по широтѣ части области; вторую группу по среднимъ размѣрамъ запашекъ составляютъ округа Троицкосавскій и Нерченско—заводскій, распложенные одинъ на крайнемъ юго—западѣ, другой на крайнемъ востокѣ; за ними слѣдуютъ округа Селенгинскій, Читинскій и Акшинскій, занимающіе среднюю часть области, со средними размѣрами запашекъ отъ 3, 7 до 4,1 дес; и наконецъ на послѣднемъ мѣстѣ стоитъ Баргузинскій округъ, гдѣ средніе размѣры запашекъ падаютъ до 1,8 дес. Обращаясь затѣмъ къ отдѣльнымъ разрядамъ населенія, нельзя не остановиться прежде всего на осѣдлыхъ инородцахъ, и не обратить вниманія на то, что въ двухъ округахъ, Селенгинскомъ и Баргузинскомъ, они запахиваютъ не только не меньше, но даже нѣсколько больше русскихъ крестьянъ; напротивъ, осѣдлые ино-

родцы Читинскаго округа имѣютъ лишь незначительныя запашки, и слѣдовательно ихъ переходъ къ осѣдлому быту является скорѣе номинальнымъ, нежели фактическимъ.

Кочевые инородцы въ округахъ Селенгинскомъ и Троицкосавскомъ представляются, въ значительной мѣрѣ, перешедшими къ земледѣлію: размѣры запашекъ у нихъ достигаютъ уже половины размѣровъ запашекъ у русскаго населенія; значительно менѣе развито земледѣліе у кочевыхъ инородцевъ округовъ Читинскаго и Нижнеудинскаго, къ которымъ принадлежатъ такія многоземельныя вѣдомства, какъ Хоринское, Агинское и Урульгинское, совершенно не испытывающія до сихъ поръ необходимости преобразованія основъ своего хозяйственнаго быта; наконецъ въ округахъ Акшинскомъ и Баргузинскомъ кочевые инородцы почти вовсе не занимаются земледѣліемъ; совершенно понятное по отношенію къ Акшинскому округу, малое развитіе земледѣлія въ Баргузинскомъ округѣ не можетъ не возбудить въ читателѣ нѣкотораго недоумѣнія, такъ какъ именно здѣсь инородцы представляютъ наиболѣе признаковъ перехода къ осѣдлому быту; очевидно, что, сдѣлавшись осѣдлыми, Баргузинскіе инородцы не сдѣлались земледѣльцами, а благосостояніе ихъ зиждется по преимуществу на различныхъ промыслахъ. Колебанія въ поокружныхъ цифрахъ въ группѣ казаковъ русскаго происхожденія не велики; обращаетъ на себя вниманіе только незначительность запашекъ въ Акшинскомъ округѣ, гдѣ казаки—въ большей мѣрѣ скотоводцы, нежели земледѣльцы. Въ группѣ крестьянъ выдѣляются, съ одной стороны, верхнеудинскіе, лишь немногимъ уступающіе, по размѣрамъ запашекъ, крестьянамъ Иркутской и Енисейской губерній, съ другой—крестьяне округовъ Баргузинскаго и Нерчинско—заводскаго; въ первомъ незначительность запашекъ—результатъ естественныхъ условій, неблагопріятствующихъ экстенсивному развитію земледѣлія, и заставляющихъ населеніе основывать свое благосостояніе на промыслахъ; во второмъ крестьяне, бывшіе горнозаводскіе, не имѣли возможности увеличить своихъ запашекъ, благодаря особымъ условіямъ своего землевладѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ отвлекались отъ земледѣлія связанными съ развитіемъ горнозаводскаго дѣла неземледѣльческими заработками.

Въ приложенной къ 11—му «Матеріаловъ» таблицѣ всѣ волости, вѣдомства и станицы области разбиты на пять группъ: съ запашкою менѣе 3—хъ дес., отъ 3 до 6, отъ 6 до 9, отъ 9 до 12 и свыше 12 десятинъ, на наличное хозяйство, причемъ параллельно приведены цифровыя данныя, могущія служить для характеристики основъ хозяйства каждой изъ этихъ

группъ. Таблица эта, по глубокому интересу сгруппированныхъ въ ней данныхъ, заслуживала бы болѣе подробнаго анализа; но такъ какъ для насъ вопросы собственно хозяйственнаго быта имѣютъ, въ данное время, лишь второстепенное значеніе, то мы ограничимся лишь тою краткою характеристикой каждой изъ указанныхъ группъ, которая дана въ текстовой части 11-го тома *), и только нѣсколько точнѣе выяснимъ территоріальное ихъ распредѣленіе.

Къ группѣ со среднимъ размѣромъ запашекъ не болѣе трехъ десятинъ принадлежатъ всѣ инородческія вѣдомства Забайкальской области,—кромѣ двухъ вѣдомствъ Читинскаго округа,—девять казачьихъ станицъ, въ томъ числѣ пять инородческихъ станицъ Селенгинскаго и Троицкосавскаго и четыре русскія станицы Акшинскаго округа, и крестьянскія волости: Шилкинская, Нерчинско—Заводскаго округа, Петровскій заводъ, Верхнеудинскаго и Горячинское общество, Баргузинскаго округа. Характерныя черты этихъ мѣстностей—«весьма большой процентъ хозяйствъ, совершенно не пашущихъ, и незначительность запашки на каждое занимающееся земледѣліемъ наличное домохозяйство; равнымъ образомъ, для большинства инородческихъ и казачьихъ населенныхъ мѣстъ этой группы отличительною чертою служитъ громадное количество скота, приходящееся на одно наличное домохозяйство, а для административныхъ единицъ русскаго населенія, а также для тунгусской инородной управы и Кударинскаго вѣдомства (оба западнаго Забайкалья)—значительная распространенность занятій ремеслами и мѣстными промыслами, при отпускѣ, помимо того, рабочихъ на заработки болѣе чѣмъ изъ 47% наличныхъ дворовъ». По преобладающему типу занятій разсматриваемая группа мѣстностей распадается на нѣсколько подгруппъ: крестьянское населеніе принадлежащихъ къ ней волостей имѣетъ промыслово—ремесленный характеръ, казаки и инородцы являются по преимуществу скотоводами, причемъ можно различить чисто скотоводческіе районы—каковы Агинское и Баргузинское вѣдомства и большая часть Хоринскаго; скотоводческо - звѣропромышленные—Тунгузская управа, Баргузинскаго округа, двѣ управы Селенгинскаго округа и одна станица Акшинскаго округа,—и скотоводческо - земледѣльческіе, которые составляютъ преобладающій типъ и въ которыхъ «система хозяйства. хотя и пастбищная, но съ нѣкоторыми зачатками земледѣлія».

Въ Баргузинскомъ уѣздѣ есть всего одна крестьянская волость—Читканская, отнесенная къ группѣ со средними размѣрами запашки отъ 3 до 6 десятинъ; къ этой же группѣ

*) XI; 210—212.

вмѣстѣ со слѣдующею, съ средними размѣрами запашекъ отъ 6 до 9 десятинъ, принадлежитъ большинство волостей и станицъ Забайкальской области, а такъ же два вѣдомства Читинскаго округа—Оловское и Маньковское. При этомъ, однако, въ Акшинскомъ округѣ и у казаковъ Селенгинскаго округа встрѣчаются исключительно станицы со средними размѣрами запашекъ отъ 3 до 6 десятинъ; въ Верхнеудинскомъ округѣ, напротивъ, волости съ наименьшимъ размѣромъ запашекъ принадлежатъ къ группѣ съ запашками въ 6—9 десятинъ; та-же группа преобладаетъ въ Нерчинско-Заводскомъ округѣ; въ округахъ же Троицкосавскомъ, Читинскомъ, Нерчинскомъ, а такъ-же у крестьянъ Селенгинскаго округа, волости и станицы съ запашкою отъ 3 до 6 и отъ 6 до 9 десятинъ приблизительно одинаково многочисленны. Волости и станицы этихъ двухъ группъ характеризуются, по словамъ автора 11-го тома, «наиболѣе распространенною для Забайкалья системою хозяйства, въ которой на ряду съ земледѣліемъ имѣютъ широкое распространеніе какъ мѣстные промыслы, такъ, главнымъ образомъ, скотоводство; при этомъ въ однихъ мѣстностяхъ это послѣднее оттѣсняетъ мѣстные промыслы на второй планъ и даетъ своеобразный типъ земледѣльческо-скотоводческаго хозяйства (главнымъ образомъ станицы Акшинскаго уѣзда); въ другихъ, напротивъ, скотоводство уступаетъ мѣсто промысламъ и ремесламъ (главнымъ образомъ волости, и частью станицы, Селенгинскаго округа); и наконецъ, въ третьихъ и земледѣліе, и скотоводство, и промыслы играютъ болѣе или менѣе одинаково важную роль въ системѣ мѣстнаго хозяйства»; къ этой именно третьей подгруппѣ принадлежитъ значительное большинство тѣхъ мѣстностей Забайкалья, въ которыхъ средніе размѣры запашекъ колеблются между 3 и 9 десятинами.

Наконецъ къ двумъ высшимъ по размѣрамъ запашекъ группамъ принадлежитъ большинство крестьянскихъ волостей Верхнеудинскаго округа, занимающихъ сплошную полосу на югъ отъ Верхнеудинска, вдоль западной границы округа, причемъ—надо замѣтить—волости съ запашкою свыше 12 десятинъ преобладаютъ здѣсь надъ волостями съ запашкою отъ 9 до 12 дес.; затѣмъ—пять казачьихъ станицъ Нерчинскаго округа, тянущихся сплошною полосою на сѣверо-востокъ отъ Нерчинска, вдоль праваго берега Шилки, нѣсколько станицъ въ округахъ Читинскомъ и Селенгинскомъ, и Посольская волость, Селенгинскаго округа. Всѣ эти мѣстности «въ виду: 1) значительной площади запашки, приходящейся въ нихъ на наличное хозяйство, 2) меньшаго по сравненію съ прочими частями края количе-

ства скота, упадающаго на одинъ дворъ, и 3) сравнительно малаго % домохозяйствъ, занимающихся неземледѣльческими промыслами,—должны быть отнесены къ району по преимуществу земледѣльческому».

Вопросъ о потребительномъ значеніи земледѣлія не имѣетъ отношенія къ непосредственно-интересующему насъ вопросу о формахъ землевладѣнія и землепользованія; не входя, поэтому, ни въ какія подробности *), упомянемъ только, что изъ восьми округахъ Забайкальской области только два—Верхнеудинскій и Нерчинскій, какъ и можно было ожидать, въ виду сравнительно большого размѣра запашекъ, продовольствуются собственнымъ хлѣбомъ и имѣютъ хлѣбные излишки; въ округахъ Читинскомъ, Нерчинско-Заводскомъ, Троицкосавскомъ и Селенгинскомъ земледѣліе приблизительно обезпечиваетъ продовольственныя потребности населенія, но не даетъ, въ общемъ по округамъ итогѣ, излишковъ, которые вывозились бы за ихъ предѣлы. Наконецъ въ округахъ Баргузинскомъ и Акшинскомъ земледѣліе совершенно не удовлетворяетъ продовольственнымъ потребностямъ населенія и главная масса потребляемаго хлѣба доставляется изъ сосѣднихъ округовъ.

Гораздо болѣе непосредственное вліяніе на порядки землепользованія имѣютъ способы земледѣльческаго хозяйства и въ частности—системы полеводства, на которыхъ мы и должны, поэтому, остановиться нѣсколько подробнѣе.

Наиболѣе типичною для Забайкалья, какъ и для западнѣе лежащихъ мѣстностей Сибири, системою полеводства является система, которой, съ легкой руки пишущаго эти строки, усвоено названіе залежно—паровой, т. е. система, «при которой посѣвы чередуются съ парами и залежью»**). Въ отличіе отъ прежде—изслѣдованныхъ частей Сибири, гдѣ не найдено никакихъ слѣдовъ системы чисто переложной, въ Забайкальѣ, именно въ восточной его части, такая система, повидимому, еще недавно практиковалась въ широкихъ размѣрахъ; однако, «въ настоящее время и въ Забайкальской области почти уже нѣтъ такихъ мѣстностей, гдѣ бы производительныя силы почвы возстановлялись исключительно путемъ залежи»: паръ, правда въ значительныхъ размѣрахъ, примѣняется, въ связи съ залежью, даже представляющихъ для земледѣлія еще громадный просторъ, въ инородческихъ вѣдомствахъ и въ Акшинскомъ округѣ, а затѣмъ все вообще Забайкалье, разсматриваемое какъ цѣлое, представляетъ картину постепеннаго вытѣсненія залежи паровою обработкою—другими словами перехода къ чисто—паровой системѣ, а въ западномъ Забай-

*) См. «Забайкалье. Сводъ Матеріаловъ и т. д.», стр. 275.
**) XI. 75.

кальѣ и къ хозяйству съ удобреніемъ. Авторъ монографіи о земледѣліи, г. Бутовичъ, объясняетъ такое быстрое, при маломъ, въ общемъ, развитіи земледѣлія, распространеніе пара нѣкоторыми естественно—историческими особенностями области: главное значеніе пара въ томъ , что онъ способствуетъ вывѣтриванію почвы и обогащенію ея питательными веществами, а затѣмъ—является важнымъ средствомъ борьбы противъ засухъ. А «такъ какъ, во I—хъ, Забайкалье постоянно и въ сильной степени страдаетъ отъ засухъ, и, во 2—хъ, отличается обиліемъ горныхъ пашенъ, нуждающихся въ усиленномъ вывѣтриваніи», то отсюда вытекаетъ «исключительно важное значеніе для описываемаго края паровой обработки» *).

Эволюція системъ полеводства въ Забайкальѣ опредѣляется, какъ вездѣ, степенью относительнаго изобилія пахатныхъ угодій: «въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ не замѣчается земельнаго утѣсненія, выгоднѣе по мѣрѣ устарѣнія пашенъ, вмѣсто увеличенія интнесивности обработки, вводить въ культуру свѣжіе участки, и наоборотъ, съ уменьшеніемъ земельнаго простора замѣна ослабѣвающихъ полей новыми, цѣлинными, дѣлается все затруднительнѣе, вслѣдствіе чего періодъ эксплоатаціи ихъ постепенно удлиняется, сроки залежи укорачиваются, а вмѣстѣ съ тѣмъ и развивается болѣе усиленная паровая обработка**)»; вторые и третьи посѣвы по жнивамъ, обычные при возможности часто перемѣнять поля, мало по малу выходятъ изъ употребленія, и сѣвообороты все болѣе приближаются къ двухпольному типу.

Наиболѣе экстенсивные типы земледѣльческаго хозяйства ***) преобладаютъ въ восточномъ Забайкальѣ, именно въ большинствѣ (8 изъ 12) казачьихъ станицъ Акшинскаго округа, въ Агинскомъ и нѣкоторыхъ другихъ вѣдомствахъ и управахъ Читинскаго округа, и въ одной волости бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ Нерчинско-Заводскаго округа; въ западномъ Забайкальѣ сходный характеръ имѣетъ хозяйство лишь въ Баргузинской инородной управѣ. Система полеводства «можетъ быть охарактеризована здѣсь въ качествѣ переходной отъ залежной къ залежно—паровой»: площадь паровъ занимаетъ всего отъ 3, 5 до 13, 3% всей запашки, посѣвы по жниву составляютъ отъ 18 до 37, 6% мягкихъ полей; пови къ посѣву 1897 г. было поднято отъ 6, 6 до 37%, залежи—отъ 6, 8 до 48,8% всей площади запашки; обычный способъ веденія хозяйства—«посѣвы непосредственно по залежи или по повинным землямъ,

*) XI, 81.
**) XI, 82.
***) XI, 84—92.

причемъ хлѣбъ высѣвается обыкновенно нѣсколько разъ подрядъ, и затѣмъ такая пашня бросается въ залежь».

Мало отличаются по характеру земледѣлія мѣстности слѣдующей группы, также принадлежащей цѣликомъ къ восточному Забайкалью, а именно: часть Читинскаго и Акшинскаго округовъ, не отнесенная къ предыдущей группѣ; большинство (10 изъ 17) станицъ Нерчинскаго округа, а также четыре станицы и одна крестьянская волость Нерчинско-Заводскаго. Здѣсь «система хозяйства, являясь залежно—паровою, часто скорѣе приближается къ залежной, нежели къ паровой: пары занимаютъ здѣсь отъ 13 до 29% всей площади мягкихъ полей, посѣвы по жнивамъ—отъ 12 до 35%; новины подъ посѣвъ 1897 года было поднято отъ 1, 2 до 14%, залежи—отъ 2, 3 до 38% всего пространства мягкихъ полей. Въ сравнительно рѣдкихъ случаяхъ, мѣстные хозяева придерживаются правильнаго чередованія посѣвовъ съ парами впредь до оставленія даннаго участка въ залежь; большое распространеніе имѣетъ «такой способъ культуры, при которомъ за каждымъ годомъ пара или посѣвомъ по залежи слѣдуетъ нѣсколько хлѣбовъ подъ рядъ, или же посѣвы перемежаются то съ парами, то съ кратковременною залежью, пока поле не забрасывается въ залежь на болѣе продолжительный срокъ».

Слѣдующую группу составляютъ, кромѣ нѣсколькихъ отдѣльныхъ станицъ Нерчинско—Заводскаго округа, всѣ не вошедшія въ предыдущую группу станицы Нерчинскаго округа, а затѣмъ значительная часть западнаго Забайкалья: всѣ станицы Селенгинскаго округа и Селенгинское инородческое вѣдомство, половина (5 изъ 11) станицъ Троицкосавскаго округа, Хоринское вѣдомство и одна крестьянская волость Верхнеудинскаго округа. Здѣсь количество заготовленныхъ паровъ составляетъ уже 34, 5—47% общей площади запашки, посѣвы по жниву всего 0, 5—8%; нови подъ посѣвъ 1897 года было поднято отъ 0 до 4, 3%, залежи—отъ 2 до 19, 6%. Въ этомъ районѣ распашка новей теряетъ, такимъ образомъ, свое значеніе, и только подъемъ залежей продолжаетъ играть довольно существенную роль; «посѣвы, прерываясь періодически кратковременною залежью, въ общемъ чередуются съ парами по типу двухполья; въ болѣе рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается чередованіе по типу трехпольнаго сѣвооборота, а иногда годъ или два посѣвовъ смѣняются и просто залежью»: и наоборотъ—въ нѣкот. общинахъ встрѣчаются и поля, разрабатываемыя безъ оставленія въ залежь въ теченіе болѣе ста лѣтъ, причемъ сѣвооборотъ уже окончательно приближается къ двухпольному.

Вся остальная часть западнаго Забайкалья—крестьянскія волости Верхнеудинскаго (кромѣ одной) и Селенгинскаго округовъ, большая половина казачьихъ станицъ Троицкосавскаго, единственная крестьянская волость Баргузинскаго, а въ восточной части области—четыре станицы Нерчинско—Заводскаго и одна—Нерчинскаго округа, составляютъ область господства чистаго двухполья. Если выдѣлить четыре волости Селенгинскаго округа, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, то процентъ нови падаетъ здѣсь до 0-2%, залежи до 0-1,7%, процентъ посѣвовъ на жнивахъ колеблется между 0 и 4, 7%, пары же занимаютъ отъ 44 до 50% всей площади запашки. Всего ближе къ чистому двухполью хозяйство въ названныхъ мѣстностяхъ западнаго Забайкалья. «Посѣвы по жниву, новь и залежь играютъ, вообще, меньшую роль, нежели въ принадлежащихъ къ той же группѣ мѣстахъ восточной половины области; въ этихъ послѣднихъ, иногда въ разсчетѣ на плодородіе почвы, сѣется на лучшихъ земляхъ и хлѣбъ на хлѣбъ, тогда какъ въ волостяхъ и станицахъ западнаго Забайкалья такіе посѣвы если и дѣлаются, то почти исключительно вслѣдствіе неуправокъ и вообще различныхъ случайностей». Существенныя особенности представляетъ затѣмъ хозяйство въ ближайшихъ къ устью Селенги четырехъ волостяхъ Селенгинскаго округа: здѣсь общая площадь залежей и нови еще меньше, нежели въ остальныхъ частяхъ того же района—менѣе 1% распаханной площади; между тѣмъ площадь пара значительно ниже (41-43%), а посѣвы на жнивахъ въ годъ изслѣдованія составляли отъ 9 до 14% всей площади запашки. Это наводитъ на предположеніе, что полевое хозяйство въ этой части Забайкалья «переживаетъ переходное состояніе отъ двухполья къ трехполью съ удобреніемъ». И дѣйствительно: здѣсь унаваживаніе, которое лишь въ видѣ болѣе или менѣе разрозненныхъ попытокъ встрѣчается какъ въ большей части западнаго Забайкалья, такъ и въ той части восточнаго, которая расположена между Аргунью и Шилкой,—«какъ бы стало входить въ систему полеводства и получило извѣстную правильность»: въ этой мѣстности регулярно унаваживаются всѣ присельныя пашни, причемъ ежегодно унаваживается отъ 10 до 20% всей посѣвной площади,—и именно на этихъ присельныхъ, унаваживаемыхъ поляхъ, гдѣ хлѣбъ лишь въ случаѣ «неуправки» высѣвается на неунавоженную полосу, вошли въ обычный порядокъ посѣвы по жнивамъ и сѣвооборотъ, такимъ образомъ, приближается къ трехпольному.

До правильнаго раздѣленія общественныхъ полей на клинья дѣло еще нигдѣ не дошло; однако путемъ частныхъ соглашеній

между хозяевами въ общественныхъ или артельныхъ загородкахъ, нерѣдко установляется однообразное чередованіе хлѣбовъ съ паромъ, что дастъ возможность пользоваться парами въ качествѣ выгона и вмѣстѣ съ тѣмъ удобрять ихъ посредствомъ толоки *).

Чтобы покончить съ земледѣліемъ, необходимо сказать еще нѣсколько словъ объ искусственномъ орошеніи полей. Мы видѣли выше, что развитіе въ области земледѣлія ставится изслѣдованіемъ въ связь съ распространеніемъ здѣсь русскаго населенія. Между тѣмъ въ отношеніи искусственнаго орошенія «мѣстное населеніе, какъ удостовѣряетъ авторъ монографіи о земледѣліи **), пошло по стопамъ древнѣйшихъ обитателей страны, населявшихъ ее значительно раньше колонизаціи русскими и примѣнявшихъ искусственное орошеніе, повидимому, въ широкихъ размѣрахъ»; это доказывается значительнымъ количествомъ сохранившихся древнихъ оросительныхъ сооруженій, которыя нынѣ частью заброшены, частью же использованы нынѣшнимъ населеніемъ области при устройствѣ ирригаціи полей и луговъ. Столь раннее появленіе въ Забайкальѣ и современную распространенность искусственнаго орошенія, при преобладаніи, въ другихъ отношеніяхъ, экстенсивныхъ способовъ хозяйства — результатъ частыхъ, повторяющихся иногда по нѣсколько лѣтъ подъ рядъ засухъ, при которыхъ «единственнымъ вѣрнымъ средствомъ обезпеченія урожая является примѣненіе ирригаціи, устройство которой къ тому же облегчается изобиліемъ горныхъ рѣчекъ съ высокимъ паденіемъ». Не имѣя возможности входить въ подробности относительно техники ирригаціи, замѣтимъ только, что наиболѣе распространеннымъ типомъ оросительныхъ сооруженій можетъ считаться «канава, шириною около $1^1/_2$ арш. и глубиной отъ $^3/_4$ до 1 арш., обходящаяся населенію (при денежной оцѣнкѣ затрачиваемаго натурою труда) отъ 50 до 100 рублей за 1 версту»; причемъ однако мѣстами канавы достигаютъ $1^1/_2$ и даже 2 арш. глубины, и наоборотъ—встрѣчаются мѣстности, гдѣ вода проводится по простымъ бороздамъ, сдѣланнымъ сохою ***). Въ западной части области искусственное орошеніе «примѣняется въ гораздо большей степени и въ болѣе интенсивной формѣ, нежели на востокѣ» ****). Въ западномъ Забайкальѣ искусственное орошеніе практикуется по преимуществу въ бассейнахъ рр. Баргузина и Селенги—въ Баргузинскомъ и Селенгинскомъ уѣздахъ; въ первомъ ирригація примѣняется во

*) XI, 85-86, 93-94.
**) XI, 102.
***) XI, 103.
****) XI, 106.

всѣхъ безъ исключенія инородческихъ общинахъ и въ большинствѣ селеній крестьянской Читканской волости, причемъ орошается отъ 25 до 100%, въ большинствѣ селеній и общинъ около 60% всѣхъ пахатныхъ полей. По системѣ р. Селенги искусственное орошеніе примѣняется издавна въ бассейнахъ рѣкъ Уды, Хилка, Чикоя, Джиды и самой Селенги,—между прочимъ въ инородческихъ вѣдомствахъ Хоринскомъ и Селенгинскомъ, въ инородныхъ управахъ Цонгольской, Армакской и Закаменской и т. д., причемъ въ однихъ селеніяхъ и общинахъ орошаются лишь небольшія площади, и искусственное орошеніе является дѣломъ интересующимъ лишь отдѣльныхъ домохозяевъ, въ другихъ площадь орошаемыхъ пашенъ достигаетъ сотенъ десятинъ и составляетъ 50, 75 и даже 100% общей площади пахатныхъ полей. Въ восточной половинѣ области искусственное орошеніе встрѣчается въ долинѣ р. Ингоды и отчасти—въ бассейнахъ Аргуни и Онона,—но «ирригація примѣняется здѣсь въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ и является дѣломъ новымъ, не имѣющимъ, въ отношеніи устройства ирригаціонныхъ сооруженій и самаго способа поливки, той практики», которая издавна выработалась въ западномъ Забайкальѣ *). Изслѣдованіе не пытается дать объясненія этому различію между двумя частями области; но едва-ли не правильно будетъ искать причины его въ томъ, что восточная половина области въ отношеніи какъ общаго годового количества осадковъ **), такъ и въ особенности—по количеству лѣтнихъ дождей, стоитъ въ гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели западная, и слѣдовательно далеко не въ такой мѣрѣ нуждается въ искусственномъ орошеніи.

Говоря выше о значеніи земледѣлія, мы видѣли, что въ значительной части Забайкалья, въ отличіе отъ ранѣе изслѣдованныхъ мѣстностей Сибири (если не считать, до извѣстной степени, инородческихъ районовъ Иркутской и отчасти—Енисейской губерній) скотоводство становится основнымъ источниковъ благосостоянія населенія. Въ виду этого мы не можемъ обойтись безъ того, чтобы не привести нѣкоторыхъ данныхъ о размѣрахъ скотоводства и о значеніи его какъ въ общемъ по цѣлой области итогѣ, такъ и по отдѣльнымъ районамъ и разрядамъ населенія.

Общее количество скота въ итогахъ по всей области и по каждому изъ трехъ главныхъ разрядовъ населенія выразится въ слѣдующей табличкѣ ***):

---

*) XI, 109.
**) IV, 164—167.
***) XIII, 14—15, 18—19.

	Лошадей.	Рогатого скота.	Овецъ.	Козъ.	Свиней.	Всего скота безъ перевода на крупный.
	Въ абсолютныхъ цифрахъ:					
Въ волостяхъ	144217	240307	179860	16189	77357	657930
Въ станицахъ	232340	352910	390409	61130	53616	1090405
Въ вѣдомствахъ	251731	711896	631073	100711	7783	1703194
Всего по области .	628288	1305113	1201342	178030	138756	3451529
	на каждыя 100 душъ населенія приходится:					
Въ волостяхъ	72,8	121,3	90,8	8,3	39,1	332,2
Въ станицахъ	127,3	193,4	214,0	33,4	29,3	597,4
Въ вѣдомствахъ	153,7	434,8	385,5	61,5	4,7	1040,2
У всего населенія области .	115,4	239,8	220,9	32,7	25,2	634,0

Интересно, прежде всего, какъ велики размѣры скотовод-ства въ Забайкальѣ въ сравненіи съ размѣрами его въ двухъ среднесибирскихъ губерніяхъ—другими словами—наблюдается ли въ Забайкальѣ такой избытокъ въ развитіи скотоводства, который вознаграждалъ бы сравнительно слабое развитіе земледѣлія. Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ слѣдующая табличка:

	На 100 душъ населенія приходится всего скота, безъ перевода на крупный:		
	Въ Забайкальѣ.	Въ Иркутской губерніи.	Въ Енисейской губерніи
У крестьянъ	332	219	382
У казаковъ	597		
У инородцевъ	1040	459	1003
У всего населенія .	634	298	444

Въ общемъ, для всего населенія области въ итогѣ скотоводство оказывается, такимъ образомъ, вдвое болѣе развитымъ, нежели въ Иркутской губерніи и почти въ полтора раза болѣе, нежели въ Енисейской. Но если сопоставлять аналогичныя группы населенія, то дѣйствительный перевѣсъ въ степени развитія

скотоводства окажется у Забайкальской области только по сравненію съ Иркутскою губ. У Енисейскихъ инородцевъ, столь же мало занимающихся земледѣліемъ, скотоводство почти такъ же развито, какъ и у забайкальскихъ; размѣры же скотоводства у забайкальскихъ крестьянъ даже меньше, нежели у Енисейскихъ, и такимъ образомъ недостаточное у первыхъ развитіе земледѣлія возмѣщается не изъ избытка доходовъ отъ скотоводческаго хозяйства, а изъ какихъ-либо другихъ источниковъ, именно—отъ дохода отъ промысловыхъ и неземледѣльческихъ заработковъ.

Если, затѣмъ, сравнивать между собою три разряда населенія, то окажется, что развитіе скотоводства у нихъ обратно пропорціонально развитію земледѣлія: инородцы запахивающіе значительно меньше, имѣютъ скота почти вдвое больше, нежели казаки и втрое больше, нежели крестьяне. Въ 13-мъ томѣ «Матеріаловъ», посвященномъ скотоводству, данныя о размѣрахъ этого послѣдняго сопоставляются лишь по поименованнымъ тремъ крупнымъ разрядамъ населенія. Между тѣмъ, ни казаки, ни инородцы не представляютъ собою однородной массы: среди первыхъ рѣзко отличаются казаки-русскіе отъ инородцевъ, среди вторыхъ—инородцы, состоящіе въ разрядѣ кочевыхъ, отъ перечисленныхъ въ осѣдлые. Подсчитывая общее количество скота, по итоговымъ таблицамъ, отдѣльно для каждаго изъ этихъ болѣе мелкихъ разрядовъ, мы находимъ, что у казаковъ русскаго происхожденія на 100 душъ населенія приходится скота, безъ перевода на крупный, 568 головъ, у казаковъ инородцевъ—796, у кочевыхъ инородцевъ 1057 и у осѣдлыхъ инородцевъ—всего 323 головы скота.

Такимъ образомъ казаки русскіе, разсматриваемые отдѣльно отъ инородцевъ, имѣютъ все же на 7% болѣе скота, нежели крестьяне, откуда ясно, что большее развитіе скотоводства у казаковъ не можетъ быть сведено къ однимъ этнографическимъ причинамъ, а обусловливается, очевидно, большимъ земельнымъ просторомъ и вообще большимъ удобствомъ казачьей территоріи для скотоводства. Но и этнографическій элементъ, въ данномъ случаѣ, не лишенъ извѣстнаго значенія: казаки—инородцы, поставленные, въ остальномъ, въ болѣе или менѣе сходныя условія, держатъ, однако, гораздо болѣе скота, нежели казаки русскаго происхожденія. Затѣмъ, средняя цифра скотоводства у осѣдлыхъ инородцевъ даже ниже, нежели соотвѣтственная цифра у крестьянъ,—и это обстоятельство лишній разъ подтверждаетъ справедливость того сдѣланнаго нами ранѣе, на основаніи другихъ признаковъ, вывода, что ино-

родцы, перечисленные въ разрядъ осѣдлыхъ, дѣйствительно отстали отъ скотоводческо—кочевого быта.

Приведемъ затѣмъ полностью интересную табличку, напечатанную на стр. 26-й 13-го тома «Матеріаловъ», въ которой данныя объ относительныхъ размѣрахъ скотоводства, по округамъ и группамъ населенія, приведены параллельно съ данными объ относительныхъ размѣрахъ земледѣлія.

Въ округахъ.	На 100 душъ населенія приходится.							
	У крестьянъ.		У казаковъ.		У инородцевъ.		У всѣхъ разрядовъ населенія.	
	Десят. запаш.	Головъ скота.	Десят. запаш.	Головъ скота.	Десят. запаш.	Головъ скота.	Десят. запаш.	Головъ скота.
Баргузинскомъ . .	72	264	—	—	17	1187	36	852
Верхнеудинскомъ .	152	294	—	—	49	1101	118	564
Селенгинскомъ . .	100	266	61	775	53	691	71	555
Троицкосавскомъ .	—	—	110	503	—	—	110	503
Читинскомъ . . .	121	523	95	494	24	1256	67	911
Акшинскомъ . . .	—	—	60	1317	—	—	60	1317
Нерчинскомъ . . .	—	—	127	424	—	—	127	423
Нерч.-заводскомъ .	61	282	101	362	—	—	87	335
По области .	125	332	102	597	39	1040	92	634

Если прежде всего остановиться на общихъ для цѣлой области итоговыхъ цифрахъ, то окажется, что въ общемъ для всѣхъ трехъ группъ населенія выводѣ на одну десятину запашки приходится 7,0 головъ скота; но въ отдѣльности для крестьянъ соотвѣтственная цифра будетъ всего 2,6, для казаковъ 5,9, для инородцевъ 26,3. Такимъ образомъ относительное значеніе скотоводства у казаковъ болѣе чѣмъ вдвое, у инородцевъ въ десять разъ выше, нежели у крестьянъ. Въ соотношеніи между цифрами запашки, съ одной стороны и цифрами скотоводства, съ другой наблюдается, какъ отмѣчаетъ авторъ монографіи о скотоводствѣ, г. Разумовъ, почти точная обратная пропорціональность: цифры запашекъ у крестьянъ, казаковъ и инородцевъ относятся между собой какъ 3: $2^1/_2$: 1 цифры скотоводства—какъ 1: 2: 3. Значеніе этого обстоятельства станетъ особенно ясно, если принять въ соображеніе, что въ западной, а частью и въ средней Сибири, подобной обратной зависимости не наблюдается; въ частности, въ западно—сибирскихъ губерніяхъ размѣры скотоводства колеблются скорѣе въ прямомъ, нежели въ обратномъ отношеніи къ размѣрамъ земледѣлія. Отсюда—кажется намъ—вытекаетъ выводъ, что скотоводство, которое въ западной сибири является, въ значительной мѣрѣ, *спутникомъ* основаннаго на земле-

дѣліи крестьянскаго благосостоянія, въ Забайкальѣ является *самостоятельнымъ источникомъ благосостоянія*, конкурирующимъ съ земледѣліемъ, причемъ побѣда въ борьбѣ за первенство принадлежитъ той изъ этихъ двухъ отраслей, развитію которой болѣе благопріятствуютъ, по данной отдѣльной мѣстности или группѣ населенія, тѣ или другія конкретныя условія и преимущественно степень земельнаго простора. Гораздо менѣе ясно обратная зависимость между размѣрами земледѣлія и скотоводства выражается въ поокружныхъ цифрахъ; съ полною правильностью она проявляется только при сравненіи крайнихъ группъ—крестьянъ и инородцевъ: у первыхъ размѣры запашекъ и въ отдѣльности по каждому округу значительно больше, размѣры скотоводства гораздо меньше, нежели у вторыхъ; но въ поокружныхъ цифрахъ по средней группѣ—казаковъ—не замѣчается никакой правильности: Селенгинскіе казаки имѣютъ большую запашку, а въ то же время—и большее скотоводство, нежели Селенгинскіе инородцы; Нерчинско—Заводскіе казаки имѣютъ больше запашки и въ то—же время—больше скота, нежели крестьяне того—же округа, а Читинскіе казаки и въ томъ, и въ другомъ отношеніи уступаютъ Читинскимъ крестьянамъ. Если теперь сопоставить между собою среднія поокружныя цифры скотоводства особо для каждой изъ трехъ группъ населенія. то въ группѣ крестьянъ окажутся лишь незначительныя колебанія: выдѣляются по высокому—почти вдвое большему нежели въ другихъ—развитію скотоводства крестьяне Читинскаго округа: въ остальныхъ четырехъ округахъ среднее количество скота колеблется у крестьянъ въ такихъ узкихъ предѣлахъ, какъ 264 и 294. Не очень значительны колебанія и въ группѣ инородцевъ: по незначительнымъ размѣрамъ скотоводства выдѣляются только Селенгинскіе инородцы, имѣющіе на 100 душъ всего 691 голову скота; по остальнымъ округамъ соотвѣтственныя цифры колеблются между 1101 и 1256. Напротивъ, въ группѣ казаковъ колебанія чрезвычайно широки; крайнія мѣста занимаютъ казаки Нерчинско—Заводскіе, у которыхъ размѣры скотоводства лишь немногимъ превышаютъ среднюю по области цифру скотоводства у крестьянъ, и Акшинскіе, у которыхъ на сто душъ приходится 1317 гол. скота болѣе чѣмъ у наиболѣе богатыхъ скотомъ Читинскихъ инородцевъ.

На вопросъ о причинахъ колебаній поокружныхъ цифръ до нѣкоторой степени отвѣчаетъ нижеслѣдующая табличка, въ которой сопоставлены среднія на 100 душъ цифры скотоводства со средними на душу размѣрами землевладѣнія.

Въ округахъ.	У крестьянъ.		У казаковъ.		У инородцевъ.	
	На 100 душъ скота.	На душу земли.	На 100 душъ скота.	На душу земли.	На 100 душъ скота.	На душу земли.
Баргузинскомъ	294	21	—	—	1187	38
Верхнеудинскомъ	294	15	—	—	1101	101
Селенгинскомъ	266	22	775	60	691	36
Троицкосавскомъ	—	—	503	44	—	—
Читинскомъ	523	33	495	51	1256	122
Акшинскомъ	—	—	1317	84	—	—
Нерчинскомъ	—	—	424	53	—	—
Нерч.-заводскомъ	282	?	362	55	—	—
По области	332	20	597	59	1040	85

Табличка эта съ полною ясностью показываетъ, что степень развитія скотоводства стоитъ въ тѣснѣйшей зависимости отъ размѣровъ земельнаго обезпеченія населенія отдѣльныхъ группъ и мѣстностей. Въ общихъ по области итогахъ цифры скотоводства измѣняются почти параллельно съ цифрами земельнаго обезпеченія—не полная пропорціональность тѣхъ и другихъ—слѣдствіе различій въ способахъ содержанія скота. Обращаясь затѣмъ къ поокружнымъ цифрамъ, мы видимъ, что у крестьянъ скотоводство болѣе всего развито въ Читинскомъ округѣ, стоящемъ выше всѣхъ* и по размѣрамъ ихъ земельнаго обезпеченія; у казаковъ первыя два мѣста по обоимъ признакамъ занимаютъ Акшинскій и Селенгинскій округа, у инородцевъ первое мѣсто въ томъ и другомъ отношеніи принадлежитъ Читинскому округу, послѣднее—Селенгинскому. Нѣкоторую аномалію представляютъ только Баргузинскіе инородцы, которые по степени земельнаго обезпеченія стоятъ почти втрое ниже сосѣднихъ Верхнеудинскихъ, по размѣрамъ же скотоводства—не только не ниже, не даже нѣсколько выше послѣднихъ—аномалія, для которой данныя «Матеріаловъ» не даютъ удовлетворительнаго объясненія.

Естественною, по мѣрѣ сокращенія земельнаго простора, тенденціею хозяйственнаго развитія является постепенный переходъ отъ чисто-скотоводческаго, къ земледельческо-скотоводческому, а затѣмъ—къ чисто земледѣльческому хозяйству, связанный съ сокращеніемъ размѣровъ скотоводства. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что такое сокращеніе—если бы сопоставлять данныя за продолжительный періодъ времени—обнаружилось-бы и для Забайкальской области. Но процессъ сокращенія скотоводства идетъ, можно думать, весьма медленно, и въ частности для того небольшого промежутка времени, относительно котораго

имѣются данныя въ «Матеріалахъ», сокращенія и вовсе не наблюдается; мало того—данныя эти позволяютъ заключить о цѣкоторомъ возрастаніи количества скота.

Изслѣдованіемъ получены изъ оффиціальныхъ источниковъ погодныя свѣденія о количествѣ скота за семилѣтіе 1889—1895 гг.;*) изъ этихъ свѣденій видно, что количиство скота, въ 1889 г. составлявшее 2,581817 гол., къ 1895 г. достигло 3,330,533 гол., причемъ возрастаніе шло съ замѣчательною правильностью—ни одинъ годъ за все семилѣтіе не представляетъ пониженія по сравненію съ предыдущимъ. Затѣмъ, изслѣдованіе включило въ программу поселеннаго опроса особый вопросъ о томъ, «какъ измѣнилось на памяти населенія количество скота», и на основаніи полученныхъ на этотъ вопросъ отвѣтовъ составило любопытную картограмму, приложенную къ 13- тому «Матеріаловъ». Разсматривая эту картограмму, мы только, въ относительно небольшихъ районахъ видимъ упадокъ скотоводства: въ западномъ Забайкальѣ—въ мѣстности, расположенной по р. Чикою, частью по нижнему теченію Хилка, а также по Селенгѣ, ниже впаденія въ нее первой изъ названныхъ рѣкъ; въ восточной части области—главнымъ образомъ въ южной и восточной части Нерчинскаго округа, а также въ рядѣ мѣстностей, расположенныхъ по теченію Шилки. Въ ряду другихъ районовъ, напр. въ восточной части Акшинскаго округа, во многихъ мѣстностяхъ, расположенныхъ по теченію Шилки и Ингоды, а въ западномъ Забайкальѣ—главнымъ образомъ въ окрестностяхъ Селенгинска, скотоводство находится въ стаціонарномъ состояніи. Наконецъ на сѣверѣ и юго—западѣ Западнаго Забайкалья, по всему верхнему теченію Хилка, а также въ обширной, скотоводческой, по преимуществу юго—западной части восточнаго Забайкалья и въ мѣстностяхъ, лежащихъ къ сѣверу отъ теченія Шилки, количество скота, сколько можно судить по распросными даннымъ, болѣе или менѣе значительно увеличилось.

Независимо отъ общаго количества скота, для оцѣнки значенія скотоводства, весьма важно и распредѣленіе его по видамъ. Таблицы даютъ богатѣйшій матеріалъ для выясненія этой стороны дѣла, лишь въ слабой мѣрѣ использованный въ текстовой части «Матеріаловъ». Но такъ какъ эта сторона дѣла имѣетъ лишь отдаленное отношеніе къ основной темѣ настоящаго очерка, то и мы не будемъ входить здѣсь въ какія либо подробности, а приведемъ, въ дополненіе къ цифрамъ, напечатаннымъ выше, на 53 стр. настоящаго очерка лишь небольшую табличку, помѣщенную въ 13 томѣ «Матеріаловъ»

*) XIII, 32.
**) XIII, 17

и показывающую распредѣленіе скота по видамъ у каждой изъ трехъ группъ забайкальскаго населенія.

	На 100 головъ скота приходится.					На 100 душъ населенія десятинъ запашки.
	Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Козъ.	Свиней.	
У крестьянъ	22	36	27	3	12	126
У казаковъ	21	32	36	6	5	102
У инородцевъ	15	42	37	5	1	40
У всего населенія .	18	38	35	5	4	92

«Изъ приведеннаго сопоставленія—заключаетъ авторъ монографіи о скотоводствѣ, г. Разумовъ,—видно, что процентъ лошадей и свиней находится въ прямой зависимости отъ количества земледѣлія, а количество овецъ въ обратной. Большое количество свиней въ земледѣльческомъ хозяйствѣ и почти полное отсутствіе ихъ въ хозяйствахъ инородцевъ—скотоводъ вполнѣ понятно, такъ какъ кормомъ для этого вида домашнихъ животныхъ служатъ преимущественно продукты земледѣлія. Процентъ рогатаго скота не имѣетъ ясно выраженной зависимости отъ размѣровъ земледѣлія; однако въ группѣ инородцевъ, имѣющихъ наименьшую запашку, процентъ этотъ самый высокій. Если сложить вмѣстѣ процентъ рогатаго скота и овецъ, то въ итогѣ получится для крестьянъ 63, для казаковъ 68 и для инородцевъ 79; цифры эти даютъ основаніе сдѣлать выводъ, что размѣры продуктивнаго скотоводства въ Забайкальской области находятся въ обратной зависимости отъ размѣровъ земледѣлія, процентъ лошадей—добавимъ отъ себя—въ прямой зависимости именно потому, что лошади, для скотоводовъ, играющія роль по преимуществу продуктивнаго скота, у земледѣльцевъ являются необходимымъ инвентаремъ земледѣльческаго хозяйства.

Довольно любопытныя сопоставленія получатся далѣе, если обратиться къ напечатаннымъ на стр. 53 цифрамъ, показывающимъ число головъ каждаго рода скота на каждыя 100 душъ населенія. Превышеніе размѣровъ инородческаго скотоводства надъ крестьянскимъ и казачьимъ обнаружится не только по отношенію ко всему вообще скоту, но и отдѣльно по отношенію къ каждому его виду (кромѣ свиней); но степень этого превышенія весьма различна: размѣры коневодства у

инородцевъ всего вдвое больше, нежели у крестьянъ; количество рогатаго скота въ $3^1/_2$ раза, овецъ—болѣе нежели вчетверо, козъ—почти въ 8 разъ выше, нежелиу крестьянъ, и такимъ образомъ скотоводческій характеръ инородческаго населенія слабѣе всего отражается на количествѣ лошадей, сильнѣе—на количествѣ рогатаго скота, и еще сильнѣе—на количествѣ мелкаго скота.

Если, затѣмъ, остановиться отдѣльно на скотоводствѣ забайкальскихъ инородцевъ, то преобладающая роль окажется принадлежащею рогатому скоту, количество котораго, даже безъ перевода на крупный, нѣсколко превышаетъ численность овецъ и почти втрое больше, нежели количество содержимыхъ инородцами лошадей. Въ этомъ—характерная особенность скотоводческаго хозяйства забайкальскихъ инородцевъ по сравненію, напр, съ киргизами Степного края. У забайкальскихъ инородцевъ на каждыя сто головъ скота, безъ перевода на крупный, приходится всего 15 лошадей, 42 рогатыхъ и 37 овецъ; у киргизъ одного изъ южныхъ уѣздовъ Акмолинской области—Атбасарскаго, подворно описанныхъ экспедиціею Ф.А. Щербины, на каждыя сто головъ скота приходится всего 9,3 рогатыхъ; но за то 22,5 лошадей и 64,5 овецъ; и даже въ Кокчетавскомъ уѣздѣ, расположенномъ сѣвернѣе и по естественнымъ условіямъ болѣе удобномъ для разведенія рогатаго скота, лошади составляютъ 32, $4^0/_0$—вдвое болѣе, а рогатый скотъ всего 19, $3^0/_0$—вдвое менѣе, нежели у забайкальскихъ инородцевъ. Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ подробно останавливаться на вопросѣ о способахъ содержанія скота у разныхъ группъ забайкальскаго населенія. Отсылая читателя, по этому вопросу, къ интересной и содержательной работѣ г. Разумова, *) мы приведемъ здѣсь лишь нѣкоторыя чисповыя данныя, способныя храктеризовать относительное значеніе двухъ главнѣйшихъ способовъ содержанія скота—подножнаго корма и довольствія сѣномъ, непосредственно отражающихся, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, на формахъ пользованія сѣнокосными угодьями.

Въ одномъ изъ приложеній къ 13-му тому «Матеріаловъ» помѣщены извлеченныя изъ поселенныхъ бланковъ данныя, особо для каждой волости, станицы и вѣдомства, относительно времени начала и конца, а также средней продолжительности пастьбы, а въ текстѣ выведены среднія цифры продолжительности пастьбы, по каждому округу и по каждой группѣ населенія, отдѣльно для каждаго вида скота и въ среднемъ для всего скота вообще. *) Средняя продолжительность пастьбы всего вообще скота выразится въ слѣдующихъ цифрахъ:

*) XIII, особ. 65—103.
*) XIII, 67—68.

Въ округахъ.	Число дней подножнаго корма.		
	У крестьянъ.	У казаковъ.	У инородцевъ.
Баргузинскомъ	176	—	222
Верхнеудинскомъ	192	—	243
Селенгинскомъ	175	223	229
Троицкосавскомъ	—	207	—
Читинскомъ	229	190	210
Акшинскомъ	—	230	—
Нерчинскомъ	—	196	—
Нерч.-заводскомъ	211	202	—

Въ общихъ же по области итогахъ средняя продолжительность пастьбы разныхъ категорій скота у различныхъ группъ населенія изобразится слѣдующимъ образомъ:

	Число дней содержанія на подножномъ корму.					
	Рабочій скотъ и лошади.	Дойныя коровы.	Гулевой рогатый скотъ.	Гулевыя лошади.	Овцы и козы.	Среднее для всего скота.
У крестьянъ	153	180	205	224	221	196
У казаковъ	152	?	226	238	242	208
У инородцевъ	153	199	243	282	252	225

Средняя продолжительность пастьбы скота для Иркутской и Енисейской губерній установлена мѣстнымъ изслѣдованіемъ въ 184 дня, причемъ поуѣздныя цифры по Енисейской губ. колеблются между 170 и 196 днями. Такимъ образомъ у забайкальскихъ крестьянъ продолжительность пастьбы совпадаетъ съ установленною для наиболѣе благопріятныхъ по естественнымъ условіямъ мѣстностей Енисейской губерніи; у казаковъ, а тѣмъ болѣе у инородцевъ, продолжительность пастьбы больше—у первыхъ на 12, а у вторыхъ на 29 дней, и такимъ образомъ скотоводство у казаковъ, а тѣмъ болѣе у инородцевъ, въ гораздо большей мѣрѣ приближается къ кочевому типу, нежели у крестьянъ. Сопоставляя среднія по области цифры продолжительности пастьбы у каждой изъ трехъ группъ населенія съ приведенными выше цифрами средней обезпеченности землею и скотомъ, мы находимъ полное подтвержденіе сдѣланнаго изслѣдователями Енисейской губерніи вывода, что продолжительность пастьбы увеличивается по мѣрѣ возрастанія обезпеченности скотомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—прибавимъ—и степени земельнаго простора: короче всего періодъ пастьбы у наименѣе обезпе-

ченныхъ землею и наименѣе богатыхъ скотомъ крестьянъ, длиннѣе всего—у инородцевъ, стоящихъ по степени земельнаго простора и по размѣрамъ скотоводства на первомъ мѣстѣ; казаки же занимаютъ середину во всѣхъ этихъ отношеніяхъ.

Весьма любопытно далѣе, что разница въ разсматриваемомъ отношеніи, между отдѣльными разрядами населенія совершенно сглаживается для рабочаго скота, продолжительность пастьбы котораго у всѣхъ трехъ разрядовъ одинакова, и сравнительно слабо выражается по отношенію къ дойному скоту, достигая между крайними группами населенія всего 19 дней; рѣзче—въ 31 день—разница выражается по отношенію къ овцамъ, еще рѣзче—въ 38 дней—по отношенію къ гулевому рогатому скоту, а по отношеію къ гулевымъ лошадямъ—она достигаетъ огромной цифры въ 58 дней. Приблизительно то же замѣчается и въ поуѣздныхъ цифрахъ: продолжительность пастьбы колеблется для рабочаго скота въ такихъ сравнительно тѣсныхъ предѣлахъ, какъ 146 и 161, для дойныхъ коровъ между 170 и 202; для овецъ и козъ крайнія цифры 185 и 275, для гулевого рогатаго скота—185 и 267, и наконецъ продолжительность пастьбы гулевыхъ лошадей, падая у Селенгинскихъ и Баргузинскихъ крестьянъ до 188 и даже 185, у Селенгинскихъ казаковъ поднимается до 318, у Верхнеудинскихъ инородцевъ—даже до 365 дней, и такимъ образомъ гулевыя лошади у этихъ инородцевъ круглый годъ содержатся на подножномъ корму. Все это очень характерно, такъ какъ даетъ весьма ясное понятіе о той послѣдовательности, въ которой совершается переходъ отъ чисто—кочевого типа скотоводства къ осѣдлому. Затѣмъ, въ поокружныхъ цифрахъ трудно усмотрѣть какую-либо правильность: только въ округахъ западнаго Забайкалья крестьяне, казаки и инородцы располагаются въ отношеніи продолжительности пастьбы въ такомъ-же порядкѣ, какъ въ среднихъ по области выводахъ. Въ восточной половинѣ области такой правильности не наблюдается: крестьяне здѣсь, подъ вліяніемъ причинъ, для которыхъ мы не нашли объясненія въ «Матеріалахъ»—выпасаютъ скотъ значительно дольше, нежели остальныя группы населенія. Если же сравнивать поокружныя данныя для обѣихъ половинъ области, то окажется, что крестьяне восточнаго Забайкалья выпасаютъ скотъ значительно дольше, нежели крестьяне западной части области; у казаковъ же и инородцевъ различія между двумя частями области не замѣчается и напротивъ—періодъ пастьбы въ западныхъ округахъ скорѣе болѣе продолжителенъ, нежели въ восточныхъ. И это понятно, потому что по отношенію къ этимъ двумъ группамъ населенія вовсе или почти вовсе не

замѣчается тої разницы въ размѣрахъ землевладѣнія, которая, очевидно, обусловливаетъ различіе въ способахъ содержанія скота между крестьянами двухъ половинъ области.

Въ нижеслѣдующей табличкѣ приведены, затѣмъ, важнѣйшія относительныя цифры, могущія выяснить значеніе сѣнокошенія для отдѣльныхъ группъ населенія, особо для каждаго округа и въ итогѣ для цѣлой Забайкальской области:*)

Въ округахъ.	Накошено сѣна. на работника.			Пудовъ сѣна на кормовую единицу скота.			Кормовыхъ единицъ скота на 100 душъ населенія.		
	Крестьяне.	Казаки.	Инородцы.	Крестьяне.	Казаки.	Инородцы.	Крестьяне.	Казаки.	Инородцы.
Баргузинскомъ . .	379	—	949	37	...	31	249	—	855
Верхнеудинскомъ .	200	—	1284	24	—	43	209	—	847
Селенгинскомъ . .	265	396	388	32	27	23	220	411	475
Троицкосавскомъ .	—	302	—	—	25	—	—	215	—
Читинскомъ . . .	360	365	638	25	23	19	378	410	916
Акшинскомъ . . .	—	859	—	—	26	—	—	891	—
Нерчинскомъ . . .	—	422	—	—	33	—	—	349	—
Нерч.-заводскомъ .	376	556	—	43	50	—	239	296	—
По области .	266	504	780	30	31	29	248	431	764

«При разсмотрѣніи этой таблицы—говоритъ авторъ монографіи о скотоводствѣ, не замѣчается ясно выраженной зависимости между обезпеченностью населенія сѣнокосомъ и скотомъ, съ одной стороны, и количествомъ сѣна на кормежную единицу скота, — съ другой, изъ чего слѣдуетъ, что количество сѣна на кормежную единицу скота находится въ зависимости не только отъ двухъ указанныхъ факторовъ, но и отъ продолжительности періода пастьбы скота, отъ качества выгоновъ и массы другихъ причинъ, вліянія которыхъ такъ тѣсно связаны между собою, что не поддаются анализу. Но за то изъ таблицы усматривается почти совершенно правильно выраженная зависимость между обезпеченностью населенія сѣнокосными угодьями и количествомъ кормежныхъ единицъ на 100 душъ населенія: чѣмъ больше количество сѣна на работника, тѣмъ больше и количество скота на 100 душъ населенія. Разсматривая тѣ-же цифры въ округахъ со смѣшаннымъ населеніемъ, нельзя не замѣтить, что крестьянское населеніе въ отношеніи обезпеченности сѣнокосными угодьями и скотомъ занимаетъ послѣднее мѣсто, инородческое населеніе — самое богатое, а казачье занимаетъ среднее мѣсто между этими двумя группами; въ соотвѣтствующихъ цифрахъ

*) XIII, 101.

итога по области замѣчается почти правильная пропорціональность между соотвѣтствующими цыфрами по тремъ разрядамъ населенія».

Затѣмъ, однако, приведенныя въ табличкѣ цифры интересны еще и въ другомъ отношеніи: онѣ свидѣтельствуютъ не только объ обезпеченности забайкальскихъ инородцевъ *сѣнокосами*, но и о высокомъ развитіи у нихъ *сѣнокошенія* — этого признака перехода отъ чисто кочевыхъ къ болѣе культурнымъ хозяйственнымъ формамъ: въ среднемъ на работника инородцы накашиваютъ 780 пудовъ сѣна или около 150 копенъ— цифра, почти вдвое превышающая среднія размѣры сѣнокошенія (425 пуд.) у киргизъ Кокчетавскаго уѣзда—того изъ уѣздовъ Акмолинской области, въ которомъ въ наибольшей мѣрѣ наблюдаются признаки перехода къ осѣдлому быту, въ полтора раза большая, нежели у полуосѣдлыхъ киргизъ Кустанайскаго уѣзда, Тургайской области (503 пуда). Забайкальскіе инородцы, отчасти благодаря изобилію естественныхъ луговъ, отчасти благодаря унаваживанію и орошенію сѣнокосовъ, заготовляютъ такое количество сѣна, что, въ общемъ выводѣ по области, могутъ давать своему многочисленному скоту не меньшее почти количество сѣна, нежели какое даютъ, при втрое меньшихъ размѣрахъ скотоводства, забайкальскіе крестьяне. A priori можно было бы думать, что количества сухого корма будутъ обратно пропорціональны продолжительности пребыванія скота на подножномъ корму. Между тѣмъ забайкальскіе инородцы, которые большую часть года—частью даже цѣлый годъ—держатъ скотъ на подножномъ корму, тѣмъ не менѣе даютъ ему, въ среднемъ, столько-же сѣна, какъ и крестьяне. А отсюда само собою напрашивается выводъ, что сокращеніе времени пастьбы у крестьянъ по сравненію съ инородцами возмѣщается не увеличеніемъ сѣнокошенія, а другими кормовыми средствами—соломой, мякиной и т. п. побочными продуктами хлѣбопашества, и что, наоборотъ, продолжительная пастьба и зимнее тебеневаніе части скота у инородцевъ возмѣщаетъ не недостатокъ сѣна, а отсутствіе или недостаточность именно этихъ вспомогательныхъ кормовъ, побочныхъ продуктовъ земледѣлія.

III.

Выяснивъ въ предыдущемъ изложеніи основы хозяйственнаго быта разныхъ группъ забайкальскаго населенія, мы должны перейти теперь къ тѣмъ вопросамъ, которые составляютъ ближайшій предметъ настоящаго очерка—именно къ вопросамъ о землевладѣніи и землепользованіи.

Правильное понятіе о современномъ состояніи землевладѣнія въ Забайкальскомъ краѣ можно составить себѣ лишь въ томъ случаѣ, если предварительно познакомиться съ его исторіей, и мало того—съ исторіею заселенія края. Естественно поэтому, что забайкальская экспедиція, главною задачею которой было—распутать необычайную путаницу исторически-сложившихся земельныхъ отношеній, посвятила особое вниманіе исторіи его заселенія и правительственныхъ мѣръ по урегулированію землевладѣнія; этимъ вопросамъ посвящены особый, 5—ый томъ и вводная часть 7-го тома, заключающая въ себѣ спеціальный очеркъ исторіи поземельно—устроительныхъ работъ.

Опасеніе чрезмѣрно расширить рамки настоящаго очерка не позволяетъ намъ и въ настоящемъ случаѣ входить въ какія—либо подробности. Мы позволимъ себѣ только привести цѣликомъ краткій, но содержательный и рельефный очеркъ болѣе ранней исторіи землевладѣнія изъ составленнаго Н. И. Разумовымъ «Свода матеріаловъ». Перепечатывая его полностью, мы—думается намъ—поступаемъ въ интересахъ читателя, потому что «Сводъ», по характеру изданія, мало доступенъ для публики, а между тѣмъ пишущій эти строки былъ—бы не въ состояніи набрасать въ сжатомъ видѣ болѣе яркую картину первоначальной исторіи забайкальскаго землевладѣнія.

«Русскіе завоеватели-колонизаторы Забайкалья—такъ начинаетъ составитель «Свода»—встрѣтили здѣськоренныхъ обывателей страны тунгусовъ, бурятъ и монголовъ, которые вели или бродячій, или кочевой образъ жизни,занимаясь скотоводствомъ и охотой.

«Связи съ землею у инородцевъ не существовало. Не вкладывая въ нее труда, они легко покидали пространства, на которыхъ нѣкоторое время обживались со своими стадами. Вездѣ было приволье....Уходя отъ притѣсненій русскихъ ясачныхъ сборщиковъ, инородцы откочевывали къ монголамъ, но притѣсненія послѣднихъ заставляли ихъ снова возвращаться къ русскимъ. Въ отношеніи пользованія землями интересы аборигеновъ и завоевателей еще не сталкивались, и потому ни съ той, ни съ другой стороны не было рѣчи о какихъ либо правахъ на землю, хотя вся политика правительства относительно колонизаціи страны, по мнѣнію составителя «свода», заставляетъ думать, что всѣ вновь пріобрѣтенныя пространства становились государственною собственностью. Главнымъ образомъ это вытекаетъ изъ того. что пользованіе этими землями всегда обусловливалось вознагражденіемъ казны въ томъ или другомъ видѣ.

«Несмотря на громадное пространство забайкальскихъ земель и на ничтожную численность инородческаго населенія, всѣ сколько-нибудь удобныя для охоты и скотоводства земли, въ моментъ появленія здѣсь русскихъ, фактически были въ пользованіи инородцевъ. Инородческія земли составляли какъ-бы фонъ, на которомъ, по мѣрѣ движенія колонизаціи, мало по малу начали появляться пятна

казачьихъ и крестьянскихъ поселеній. Русскіе селились вначалѣ самовольно, гдѣ кто пожелаетъ, и владѣли захваченными угодьями безъ всякой санкціи со стороны правительства; только начиная съ первой половины XVIII вѣка послѣднее стало требовать отъ воеводъ веденія «писцовыхъ книгъ» съ подробною регистраціею лицъ, владѣющихъ землею». и поземельныхъ новинностей. Съ этого-же времени владѣніе санкціонируется указами воеводскихъ канцелярій и практикуется «отводъ» земель. Отводъ производится по челобитью отдѣльныхъ лицамъ; отводовъ же цѣлымъ селеніямъ, по всей вѣроятности, не было. Проситель указывалъ землю, которую желалъ получить въ надѣлъ, и если, «по сказкѣ мѣстныхъ обывателей и доѣзду доѣздчиковъ», она оказывалась «порожжа» и никому въ дачу не дана», то проситлю выдавался владѣтельный указъ, въ которомъ обозначались границы участка путемъ перечисленія урочищъ или указаніемъ смежныхъ владѣльцевъ; иногда опредѣлялась и мѣра земли. Въ томъ, что отводимая земля дѣйствительно «порожжа«, удостовѣрялись. какъ упомянуто посылкою туда «доѣздчиковъ«, Если прибывшіе для свидѣтельства доѣздчики никого не встрѣчали во время осмотра, это считалось достаточнымъ для заключенія о пустопорожности земель; русскіе челобитчики получали отводъ и строили заимки. Послѣдующія жалобы инородцавъ на появленіе въ ихъ мѣстахъ русскихъ заимокъ, если таковыя возникали по отводамъ, оставлялись властями безъ вниманія.

«При обширности малаизвѣстнаго края и слабости правительственнаго надзора, распространеніе владѣній русскаго люда не могло ограничиться одними отводами. За предѣлами послѣднихъ землепользованіе русскаго населенія постепенно расширялось, уходя все дальше вглубь страны. Мѣстныя власти, по необходимости, должны были мириться съ подобнымъ, само собою слагающимся, землеустройствомъ, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ подобный порядокъ не вызывалъ столкновеній съ инородцами. Когда же поступали жалобы послѣднихъ, то приходилось, по возможности, уберегать русскія хозяйства отъ разоренія. Къ 70—мъ годамъ XVIII столѣтія относится любопытный указъ Иркутскаго губернатора Бриля, предписывавшій различать между русскими самовольными засельщиками людей, не обзаведшихся полнымъ хозяйствомъ и такихъ, «коп съизстари неодиодворкомъ въ иновѣрческихъ кочевыхъ мѣстахъ поселились». Первыхъ повелѣвалось согнать и зимовья ихъ изломать, вторыхъ, напротивъ того, «оставить какъ есть«. Такимъ образомъ, политика безусловнаго сахраненія за инородцами всѣхъ почитаемыхъ ими «ясачными» земель постепенно стала уступать мѣсто политикѣ охраненія землепользаванія бурятъ и тунгусовъ настолько, насколько это вызывалось дѣйствительными ихъ нуждами.

«Такимъ образомъ или «по указу», или самовольно на инородческихъ или пустопарожнихъ земляхъ возникала группа русскихъ заимокъ; къ этимъ послѣднимъ приселялись новоселы и образовывалось селеніе, которое по мѣрѣ своего роста расширяло во всѣ стороны свое землевладѣніе....Нарастаніе окружности земель извѣстнаго населеннаго пункта не могло быть правильнымъ. Земли

занимались не къ ряду. Захватчикъ выбиралъ подчасъ дальнѣйшія мѣста, оставляя безъ разработки ближайшія, считая первыя по какимъ—либо причинамъ болѣе удобными, нежели вторыя. Мало по малу между находящимися по сосѣдству населенными пунктами сама собою опредѣлялась грань тяготѣвшихъ къ тому или другому изъ нихъ пространствъ . . . .

«Такимъ образомъ захватное землевладѣніе среди русскаго населенія являлось господствующимъ. Предѣлы ему полагались только естественными условіями края, сосѣдствомъ инородцевъ и наконецъ столкновеніями среди самихъ колонизаторовъ, при стремленіи занять одно и то—же земельное пространство. Во многихъ случаяхъ поземельныя столкновенія русскихъ, какъ съ инородцами, такъ и другъ съ другомъ разрѣшались самимъ населеніемъ полюбовными соглашеніями. Однако они не всегда оказывались возможными. Тогда считавшая себя обиженною сторона обращалась съ жалобою къ мѣстнымъ властямъ, и послѣднія такимъ образомъ привлекались къ дѣлу поземельнаго устройства, интереснаго для нихъ въ дѣйствительности лишь постольку, поскольку оно способствовало сохраненію общественнаго спокойствія. Поэтому и все административное вмѣшательство въ поземельныя отношенія населенія имѣло характеръ примирительный, а самыя принимаемыя властями мѣры, какъ постановленныя по отдѣльнымъ частнымъ случаямъ, не отличались послѣдовательностью, а въ общемъ имѣли чисто временное значеніе».

Къ изложенному необходимо еще добавить, что самый характеръ правительственной дѣятельности по части упорядоченія землевладѣнія въ значительной мѣрѣ опредѣлялся оброчнымъ характеромъ этого послѣдняго, исключавшимъ необходимость установленія опредѣленныхъ нормъ: «въ интересахъ правительства—говоритъ авторъ исторической части «Матеріаловъ», г. Щербачевъ*)—было, чтобы каждый землевладѣлецъ разработывалъ наивозможно большее количество земли. По этому крестьянину отводилось все то количество земли, которое онъ желалъ получить, если только по рабочему составу семьи и достатку его можно было предполагать исправное выполненіе взятыхъ на себя обязательствъ. Государству было важно только то, чтобы всѣ культивируемыя земли приносили доходъ, а потому роль мѣстнаго начальства сводилась къ наблюденію, чтобы населеніе не выходило за предѣлы отводовъ, въ случаѣ же такихъ захватовъ—къ привлеченію занятыхъ земель въ оброкъ». Нѣсколько иную роль правительство должно было взять на себя только съ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія, когда стали приниматься мѣры къ заселенію Забайкалья**) «вопросъ о колонизаціи края, всѣ удобныя земли котораго оказывались занятыми, неизбѣжно выдвинулъ за собою вопросъ

*) V, 28.
*) V, 33—38; VII, 16.

о нормѣ надѣленія, такъ какъ этимъ единственно путемъ возможно было выдѣлить нѣкоторую часть удобныхъ пространствъ подъ устройство новыхъ селеній». Вмѣстѣ съ тѣмъ и самая дѣятельность правительственныхъ органовъ пріобрѣтаетъ нѣсколько болѣе систематическій характеръ: правительство приступаетъ къ сплошной съемкѣ крестьянскихъ и смежныхъ съ ними инородческихъ и пустопорожнихъ земель,—причемъ, однако, дѣйствія землеустроительнаго характера продолжали вестись безъ опредѣленнаго плана и заключались по прежнему въ удовлетвореніи отдѣльныхъ ходатайствъ, вызванныхъ недостаткомъ земель или споромъ съ сосѣдями,—съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ основу отводовъ теперь уже полагалась норма сначала 15 десятинная для старыхъ жителей края и 30—десятинная для новыхъ поселенцевъ, позже 12—15 десятинная для многоземельныхъ и 8—десятинная для малоземельныхъ мѣстностей. Результатомъ, съ съ одной стороны, подобной безпорядочности работъ, а съ другой—слабости и качественной неудовлетворительности межевыхъ силъ была совершенная, оффиціально признанная негодность планового матеріала, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и полная неустойчивость земельныхъ отношеній: «надѣленія, въ смыслѣ указанія постоянныхъ неизмѣнныхъ границъ, не было вовсе; дачи сокращались или увеличивались въ силу самыхъ различныхъ соображеній; съ одной стороны, проводился принципъ соразмѣрности количества земли числу ревизскихъ душъ, съ другой—признавались границы дачъ, гдѣ это позволялъ просторъ, по указаніямъ самихъ крестьянъ, безъ всякаго соотвѣтствія съ числомъ владѣльцевъ».

Сенаторская ревизія конца 40—хъ годовъ выяснила крайнюю неудовлетворительность положенія межевого и поземельноустроительнаго дѣла и убѣдила въ невозможности упорядочить его безъ созданія особаго учрежденія для систематическаго приведенія въ извѣстность казенныхъ земель и для отвода надѣловъ населенію. Въ 1851 г. появилось такъ называемое «межеваніе казенныхъ земель», вошедшее въ составъ главнаго управленія восточной Сибири, въ 1871 г. преобразованное или вѣрнѣе—переименованное въ съемочное отдѣленіе просуществовавшее подъ новымъ названіемъ до 1887 года. *) На основаніи составленной въ 1853 году инструкціи, въ концѣ 50—хъ и началѣ 60—хъ годовъ, были произведены обширныя съемочныя работы, направленныя преимущественно къ съемкѣ фактическаго пользованія крестьянъ и послужившія основнымъ матеріаломъ для работъ по составленію проектовъ надѣленія крестьянъ. Основанія для этихъ работъ были установлены состоявшимся въ 1868 г.

*) V, 37—39; VII, 18—23.

журналомъ Совѣта главнаго управленія Восточной Сибири, распространившимъ и на Забайкалье тѣ самыя нормы, по которымъ отводились надѣлы и по ту сторону Байкала—15 дес. на ревизскую душу, съ добавкою 3 дес. на приростъ населенія и 3 дес. на приселеніе ссыльныхъ—всего 21 дес... Въ періодъ времени съ 1874 по 1880 годъ проекты надѣла были составлены по большинству крестьянскихъ волостей; но почти всѣ результаты работъ межеванія и съемочнаго отдѣленія погибли при Иркутскомъ пожарѣ 1879 года. Съ этого времени и до самаго упраздненія съемочнаго отдѣленія съемочныя и землеустроительныя работы производились въ Забайкальѣ въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ,—съ 1887 года онѣ и вовсе потеряли сплошной характеръ и «стали исполняться по особымъ каждый разъ распоряженіямъ областного правленія и въ размѣрахъ, доступныхъ личнымъ средствомъ техническаго состава мѣстной чертежной». Впрочемъ, въ самое послѣднее время работы по отводу крестьянамъ надѣловъ вновь усилились, отчасти въ виду участившихся ходатайствъ о дополнительномъ надѣлѣ, отчасти—въ виду стремленія правительства, ради лѣсоохранительныхъ цѣлей, положить конецъ неопредѣленности границъ крестьянскаго землевладѣнія; при этомъ, однако, отводы надѣловъ, и раньше не притязавшіе на значеніе окончательнаго поземельнаго устройства, въ послѣдніе годы именно съ 1895 г., окончательно приобрѣли провизорный характеръ: проектированныя земли только предоставляютя во временное пользованіе крестьянъ, безъ утвержденія надѣла, которое отлагается до окончанія выработки «предположеній о землеустройствѣ въ области».

Въ общемъ результатѣ изложеннаго «съемочный матеріалъ по крестьянскимъ землямъ Забайкалья—по свидѣтельству компетентнаго спеціалиста по межевымъ вопросамъ, г. Рудина*), «весьма обширенъ и, за немногими исключеніями, охватываетъ землепользованіе всѣхъ селеній. Но значеніе этого матеріала весьма различно. Такъ, для однихъ селеній имѣются планы, составленные по приведеніи въ исполненіе проектовъ надѣла, утвержденныхъ генералъ—губернаторомъ (и такимъ образомъ—прибавимъ отъ себя—весь циклъ поземельно-устроительныхъ дѣйствій представляется совершенно законченнымъ); для другихъ —проекты, одобренные генералъ-губернаторомъ, но при условіи предоставленія проектированныхъ земель лишь во временное пользованіе крестьянъ, впредь до общаго землеустройства въ области; для третьихъ—проектные планы, не разсмотрѣнные еще въ областномъ правленіи; для чет-

*) VII, 22.

вертыхъ—планы, составленные въ періодъ съ начала текущаго столѣтія до учрежденія межеванія казенныхъ земель, значительно устарѣвшіе, какъ показываютъ послѣдующія работы по смежнымъ землямъ, и наконецъ для пятыхъ—столь же устарѣвшіе и притомъ разрозненные матеріалы, сохранившіеся послѣ пожара 1879 года отъ работъ чиновъ межеванія и съемочнаго отдѣленія. По нѣкоторымъ изъ селеній двухъ послѣднихъ категорій состоялись въ послѣднее время распоряженія областнаго правленія о приступѣ къ составленію проектовъ ихъ земельнаго надѣла, оставшіяся неисполненными».

Все сказанное относится только къ крестьянамъ бывшимъ государственнымъ. Другую, меньшую по численности, но крайне интересную по своимъ историческимъ судьбамъ категорію составляютъ бывшіе приписные къ заводамъ крестьяне и горнозаводскіе рабочіе*). Первые случаи приписки крестьянъ къ Нерчинскимъ заводамъ имѣли мѣсто непосредственно вслѣдъ за послѣдовавшимъ въ 1704 году учрежденіемъ заводовъ, и затѣмъ численность приписныхъ крестьянъ непрерывно увеличивалась путемъ переселенія въ призаводскую мѣстность людей изъ болѣе населенныхъ мѣстностей Сибири и путемъ приписки мѣстныхъ казенныхъ крестьянъ. Къ 1763 году численность приписныхъ достигла 6026 душъ; затѣмъ въ 1764 и 1765 годахъ было приписано еще 3485, въ 1774 г.—2150 мужскихъ душъ. Съ 1775 года приписка свободныхъ крестьянъ къ заводамъ прекратилась, и горнозаводское населеніе увеличивалось исключительно насчетъ ссыльнаго элемента.

Приписывавшіеся къ заводамъ люди получали различное назначеніе: одни изъ нихъ сажались на пашню, причемъ должны были ставить на заводы провіантъ и заниматься перевозкою заводскихъ матеріаловъ; другіе поступали прямо на заводы, для работъ непосредственно по рудному и плавильному дѣлу. Тягость положенія приписныхъ крестьянъ въ сравненіи съ другими разрядами крестьянства очень скоро заставила правительство освободить ихъ отъ податей, которыя было положено уплачивать изъ заводскихъ суммъ, засчитывая уплату въ заработокъ; выставляемыхъ же приписными рекрутъ было повелѣно направлять на заводы частью для обращенія въ мастеровыхъ, частью—для содержанія заводскихъ карауловъ—и такимъ образомъ окончательно закрѣпилось раздѣленіе заводскаго населенія на двѣ категоріи: собственно приписныхъ крестьянъ и людей горнозаводской команды.

*) V, 41—52; VII, 8 и 23.

Тяжелѣе всего было, несомнѣнно, положеніе мастеровыхъ горнозаводской команды: поставляемые приписными крестьянами вмѣсто рекрутъ, эти люди, по цитируемымъ въ «Матеріалахъ» словамъ Муравьева-Амурскаго, имѣли «одинаковыя съ каторжными обязанности, съ тѣмъ лишь различіемъ, что самый тяжкій преступникъ несъ эти обязанности не долѣе 20 лѣтъ, тогда какъ рекрутъ изъ крестьянъ—безсрочно» . Реформа 19 февраля 1861 года, давшая имъ личную свободу, и обще-крестьянское административное устройство, очень неудовлетворительно устроила ихъ въ земельномъ отношеніи. Право на надѣленіе землею было предоставлено особымъ закономъ 8 марта 1861 г. только тѣмъ изъ горнозаводскихъ людей, которые ко времени освобожденія имѣли осѣдлость и пользовались уже сельско-хозяйственными угодьями. При этомъ усадьбы съ огородами, садами, конопляниками и гумнами предоставлялись ихъ владѣльцамъ въ собственность, пахатныя и сѣнокосныя расчистки—въ пожизненное пользованіе; пахатныя земли, независимо отъ величины ихъ, подлежали сохраненію, впрочемъ только «по возможности», за обработывавшими ихъ домохозяевами изъ платежа оброка, покосы предоставлялись въ оброчное же пользованіе цѣлыхъ обществъ по разсчету десятины на ревизскую душу; наконецъ по отношенію къ выгонамъ и водопоямъ законъ предоставляетъ бывшимъ горнозаводскимъ людямъ лишь право на общее съ заводоуправленіемъ пользованіе.

Отведенные на изложенныхъ основаніяхъ надѣлы вскорѣ оказались совершенно недостаточными; тотчасъ же вслѣдъ за изданіемъ закона 8 марта 1861 г., возникъ по этому вопросу объ отводѣ бывшимъ горнозаводскимъ людямъ надѣловъ по установленной для казенныхъ крестьянъ пропорціи. Это предположеніе, однако, не осуществилось, а взамѣнъ того былъ установленъ отводъ на арендномъ правѣ, дополнительныхъ пахотныхъ и сѣнокосныхъ участковъ. Что касается до выгоновъ, то таковые первоначально были предоставлены разсматриваемой категоріи крестьянъ въ обширномъ размѣрѣ—на 7331 ревизскую душу было отведено свыше 76 тыс. десятинъ или въ среднемъ болѣе 10 дес. на душу; но такъ какъ по закону 8 марта крестьянамъ предоставлялось право только на «необходимый» выгонъ, то въ начали 70—хъ годовъ ранѣе предоставленные имъ выгоны были подвергнуты, по распоряженію кабинета Его Величества, значительной урѣзкѣ—въ пропорціи всего 320 саж. на ревизскую душу.

Дѣйствительное землепользованіе бывшихъ горнозаводскихъ рабочихъ, составившихъ послѣ освобожденія три волости въ

Нерчинско-Заводскомъ и одну волость въ Верхнеудинскмъ округѣ *) «совершенно вышло изъ рамокъ, намѣченныхъ ему уставными грамотами» и «нерѣдко ничего не имѣетъ общаго» съ отводами 60—годовъ; это фактическое пользованіе создавалось частью путемъ захвата пустопорожнихъ земель, частью путемъ арендныхъ отношеній; первоначальный захватъ по большей части также переходилъ, затѣмъ, въ оброчное владѣніе: заводское управленіе, узнавая о совершившихся захватахъ, налагало на захваченную землю оброчные платежи, а иногда захватчики, чтобы закрѣпить за собою захваченныя и арендованныя земли , и сами просили о зачисленіи ихъ въ оброкъ. Измѣнились, отчасти, и самыя основанія землевладѣнія. Именно, право отчужденія усадебныхъ земель до 1895 года вполнѣ признававшееся за горнозаводскими людьми, было подвергнуто ограниченію: горнозаводское начальство предписало крестьянскимъ обществамъ не продавать усадебныхъ мѣстъ безъ его разрѣшенія. «Такое распоряженіе—говоритъ авторъ 10—го тома «Матеріаловъ» *), безусловно противорѣчитъ понятію о правѣ собственности на усадебную землю,—правѣ, категорически предоставленномъ крестьянамъ уставными грамотами. Любопытно разъясненіе, которое дѣлаетъ по этому поводу лѣсничій Нерчинскаго горнаго округа: право крестьянъ на усадебныя мѣста, согласно этому разъясненію, потому неполно, что уставныя грамоты были введены только въ видѣ опыта на 20 лѣтъ. Выходитъ такъ—замѣчаетъ цитируемый авторъ—будто можно представить кому-либо право собственности на землю, т. е, право владѣть, пользоваться и распоряжаться ею на вѣчно также и на 20 лѣтъ. Гдѣ источникъ этого недоразумѣнія—изслѣдованіемъ не выяснено.»

Немногимъ лучше, нежели положеніе горнозаводскихъ мастеровыхъ, было въ эпоху принудительнаго труда положеніе другого разряда горнозаводскаго населенія—приписныхъ къ заводамъ крестьянъ *). Еще Сперанскій, описывая положеніе Нерчинскаго края, замѣчалъ: «труднѣе изъяснить, какъ краій сей можетъ въ настоящемъ положеніи его держаться, нежели понять причины чрезмѣрной его дороговизны и общей бѣдности»; положеніе Нерчинскихъ крестьянъ Сперанскій считалъ худшимъ, нежели положеніе крѣпостныхъ, «ибо помѣщичьи крестьяне, когда состоятъ на барщинѣ, не платятъ уже денежнаго оброка, а перчинскіе, напротивъ того, отправляютъ и работы, и платятъ въ казну оброчныя деньги наравнѣ съ другими». Чрезмѣрная тягость заводскихъ повинностей внушила

*) V, 51; X, 142 и сл.
*) X, 149—150
*) V, 46—47.

въ 40-хъ годахъ мѣстной администраціи мысль, ради увеличенія числа тяглыхъ душъ, приписать къ заводамъ всѣхъ государственныхъ крестьянъ Нерчинскаго края. Но предположеніе это не получило осуществленія: «государственные крестьяне—писалъ по этому поводу ревизовавшій Сибирь въ 40-хъ годахъ сенаторъ Толстой—по приписке къ заводамъ отъ обремененія повинностями придутъ, вѣроятно, въ равное съ нынѣшними приписными крестьянами бѣдное положеніе». А назначенный на постъ генералъ-губернатора Муравьевъ-Амурскій счелъ приписку крестьянъ къ заводамъ дѣломъ «не только вполнѣ безполезнымъ, но и, можно сказать, безчеловѣчнымъ». Благодаря его настояніямъ, въ 1851 году состоялось перечисленіе всѣхъ приписныхъ къ заводамъ крестьянъ, въ числѣ 28992 человѣкъ, въ составъ Забайкальскаго казачьяго войска, и съ этого момента «исторія бывшихъ приписныхъ крестьянъ сливается съ исторіею забайкальскаго казачества». Съ переходомъ въ составъ послѣдняго прекратились и предпринятыя вслѣдствіе спеціальнаго закона 13 марта 1842 года работы по отводу земли приписнымъ крестьянамъ, по разсчету 12 дес. на ревизскую душу, съ прибавкою $^1/_{10}$ на прибылыхъ,—причемъ, однако, до 1851 года работы эти успѣли завершиться по 73 изъ общаго числа 284 приписныхъ селеній *).

Основное ядро Забайкальскаго казачества **) составляютъ коренные казаки русскаго происхожденія. Этотъ разрядъ казачества не былъ созданъ какимъ либо правительственнымъ актомъ—«онъ складывался самъ собою, съ момента появленія за Байкаломъ русскихъ завоевателей. Подвигаясь вглубь страны, объясачивая инородцевъ и ставя остроги, казачьи партіи постепенно образовали особый служилый классъ—видъ иррегулярнаго войска, несшаго въ краѣ какъ военную, такъ и гражданскую службу». Вначалѣ правительство отводило казакамъ землю и старалось пріохочивать ихъ къ земледѣлію; но, обремененное службою, казачье населеніе съ теченіемъ времени стало постепенно переходить къ городскому образу жизни, и къ концу XVIII столѣтія большинство казаковъ землями уже не пользовалось, а жило исключительно на казенный паекъ, впадая, въ виду незначительности казенныхъ окладовъ, въ крайнюю нищету; со времени Сперанскаго неоднократно принимались мѣры къ упорядоченію быта казаковъ, но всѣ эти мѣры, по своей разрозненности и безсвязности, не приводили къ цѣли. Второй крупный разрядъ казаковъ казаки-инородцы, возникъ въ 1728 году, по иниціативѣ графа Саввы Рагузинскаго, который обратилъ вниманіе на пригодность къ

*) V, 47—48.

**) V, 47, 55—79; VII, 9—10, 23—27; X, 154.

пограничной службѣ кочевавшихъ въ Забайкальѣ инородцевъ и исходатайствовалъ выдачу «братскимъ инозе́мцамъ» знаменъ «за прилежность ихъ къ службѣ». Въ зависимости отъ того, какой характеръ принимали отношенія Россіи къ Китаю, измѣнялось и отношеніе русскаго правительства къ забайкальскому инородческому казачеству—возникало даже предположеніе о возвращеніи зачисленныхъ въ казаки инородцевъ въ первобытное состояніе и объ учрежденіи взамѣнъ этого русскихъ казачьихъ частей. Предположеніе это, однако, не получило осуществленія, и когда въ 1851 году, въ виду ожидавшейся возможности наступательнаго движенія на Китай, было сформировано Забайкальское казачье войско, въ составъ его вошли какъ упомянутые выше казаки русскаго происхожденія, такъ и инородческое войско. Тогда же обращены были въ казаки приписные къ заводамъ крестьяне Нерчинскаго округа, составляющіе третью крупную группу забайкальскаго качества, въ общей же сложности въ составъ войска было зачислено 51461 человѣкъ, въ томъ числѣ въ шесть конныхъ полковъ 21125, въ 12 пѣшихъ баталіоновъ—30336 человѣкъ. Положеніемъ 1851 года были опредѣлены и земли, имѣвшія поступить во владѣніе войска; сюда были отнесены: земли, принадлежавшія пограничнымъ казакамъ, и пустолежащія земли вдоль пограничной линіи; земли бывшихъ инородческихъ полковъ, городового полка и станичныхъ казаковъ Верхнеудинскаго уѣзда; всѣ казенно-оброчныя статьи, оказавшіяся въ чертѣ войсковыхъ земель; земли приписныхъ крестьянъ и станичныхъ казаковъ Нерчинскаго округа, кромѣ занятыхъ заводами, рудниками и т. п. заведеніями, а такъ же лѣсовъ, необходимыхъ для дѣйствія этихъ послѣднихъ; и земли крестьянъ, которые будутъ зачислены въ казачье сословіе. Всѣ эти земли, по тому же закону, должны были быть раздѣлены на 6 полковыхъ и 12 баталіонныхъ округовъ, причемъ каждому округу надлежало отвести «способной къ хлѣбопашеству земли» по расчету: на штабъ-офицера по 400 дес., на оберъ-офицера 200, на казака 30 и на церковный причтъ 99 десятинъ.

До сформированія Забайкальскаго казачьяго войска землевладѣніе тѣхъ группъ населенія, которыя вошли въ его составъ, создавалось частью путемъ правительственныхъ отводовъ, главнымъ же образомъ—путемъ вольнаго захвата, причемъ и тѣ селенія или отдѣльныя семьи, которыя первоначально владѣли землею по отводамъ, распространяли свои владѣнія заимочнымъ способомъ. «Ко времени сформированія Забайкальскаго казачьяго войска, говоритъ авторъ историческаго обзо-

ра, г. Щербачевъ, составившія его разнородныя части населенія вовсе не были устроены въ земельномъ отношеніи; кромѣ того, это населеніе не жило въ какомъ-либо одномъ мѣстѣ», а размѣщалось «частью по сосѣдству съ деревнями крестьянъ и кочевьями инородцевъ, частью пользуясь съ ними безъ разграниченія землею, некопецъ, какъ это было съ приписными крестьянами, опоясывая своими поселеніями заводскія дачи. Поэтому, прежде всего пришлось обратиться къ приведенію въ извѣстность земель казачьяго пользованія, а такъ какъ во многихъ случаяхъ предполагалось, что это послѣднее не достигло вновь назначенной положеніями 1851 года 30-десятинной общей душевой нормы, то необходимо было коснуться и сосѣднихъ съ ними пространствъ, какъ свободныхъ, такъ и занятыхъ другимъ населеніемъ». Затѣмъ нѣкоторыя добавочныя указанія относительно основаній надѣленія казаковъ были даны составленною въ 1852 инструкціею для казачьихъ межевыхъ партій; изъ нихъ самымъ существеннымъ было указаніе относительно прирѣзки каждому полковому и баталіонному округу, въ запасъ, по 15000 десятинъ. А въ концѣ 60-хъ годовъ начала землеустройства забайкальскихъ казаковъ были значительно измѣнены—опять-таки въ благопріятную казачеству сторону, общимъ закономъ 21 апрѣля 1869 года о поземельномъ устройствѣ въ казачьихъ войскахъ; изъ постановленій этого закона надо отмѣтить: установленіе надѣленія не по полковымъ или баталіоннымъ округамъ, а по станицамъ; допущеніе повышеній или пониженій нормы въ зависимости отъ качества и положенія земель; увеличеніе размѣра церковныхъ участковъ до 300 дес.; установленіе войскового запаса въ размѣрѣ трети отводимыхъ станицамъ надѣловъ, и, наконецъ—оставленіе во владѣніи казаковъ, сверхъ нормы, земель, раздѣланныхъ ими изъ подъ болотъ и лѣсовъ.

Поземельно-устроительныя работы въ Забайкальскомъ войскѣ начались въ 1852 году со сплошной съемки въ нынѣшнихъ I и III военныхъ отдѣлахъ. Къ составленію проектовъ надѣленія было приступлено только въ 1860 году, причемъ въ виду обнаруженной съемкою крайней чрезполосицы, вызывавшей даже мысль объ обращеніи въ казаки всѣхъ живущихъ чрезполосно съ казаками инородцевъ, сущность производившихся работъ свелась къ раздѣлу общихъ владѣній казаковъ и инородцевъ, съ дополненіемъ надѣловъ первыхъ до нормы насчетъ смежныхъ свободно-казенныхъ земель и оброчныхъ статей. При составленіи проектовъ обнаружилось однако такое громадное количество споровъ, что для разбирательства ихъ въ 1867 году была командирована на мѣста особая комиссія,

и затѣмъ уже, только въ 1875 году, составленъ былъ окончательный проектъ надѣла казаковъ. Однако и этотъ окончательный проектъ не былъ одобренъ главнымъ управленіемъ иррегулярныхъ войскъ, которое указало на необходимость таксировать земли и затѣмъ сообразовать размѣры отводовъ съ качествомъ угодій.

Иркутскій пожаръ уничтожилъ почти весь плановой матеріалъ и по казачьимъ землямъ. Приходилось начинать работы сначала. Новыя работы велись главнымъ образомъ въ III-мъ отдѣлѣ и сводились почти до самаго послѣдняго времени «къ возстановленію уничтоженныхъ пожаромъ съемочныхъ документовъ, причемъ нерѣдко, въ виду увеличившагося населенія станицъ, проектировались дополнительные надѣлы путемъ полюбовныхъ разводовъ населенія разныхъ группъ: казаковъ, крестьянъ и инородцевъ; тамъ же, гдѣ полюбовнаго соглашенія не удавалось достигнуть, принимались спорные отводы. Производство работъ должно было однако пріостановиться благодаря протестамъ министерства Императорскаго Двора, которое нашло, что въ казачьи отводы захвачена гораздо большая часть площади Нерчинскаго округа, нежели слѣдовало по закону 1851 года. Казачье начальство находило, напротивъ, что работы идутъ въ ущербъ интересамъ войска, способствуя съуженію границъ предоставленныхъ ему закономъ 1851 года владѣній. Поэтому въ 1897 году было признано необходимымъ пріостановить работы прежняго типа и прежде всего заняться опредѣленіемъ внѣшнихъ границъ и общей площади территоріи войска. Однако, и это дѣло до настоящаго времени не закончено и разрѣшеніе трудной задачи о границахъ казачьяго землевладѣнія досталось уже на долю Высочайше учрежденнаго совѣщанія о поземельномъ устройствѣ Забайкальской области.

Такая безрезультатность работъ, направленныхъ къ обмежеванію земель Забайкальского войска, по объясненію автора исторической части «Матеріаловъ», г. Щербачева, является результатомъ внутренняго противорѣчія между задачею приведенія въ извѣстность земель фактическаго пользованія и задачею землеустройства или «вѣрнѣе — возможнаго расширенія размѣровъ казачьяго землевладѣнія». Всѣ предпринимавшіяся въ Забайкальскомъ войскѣ мѣры по опредѣленію фактическаго пользованія, говоритъ г. Щербачевъ*), носили всегда, въ дѣйствительности, землеустроительный характеръ. Всѣ работы по казачьему войску стремились всегда удержать за войскомъ какъ можно больше земель, чтобы не только дать отдѣльнымъ станицамъ полные душевые надѣлы,

*) V, 78—79.

но и приграничить въ территорію войска запасъ земель, «остававшихся пока еще не занятыми посторонними владѣльцами». Однако, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, благодаря скученности населенія въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, даже отводъ причитающихся станицамъ надѣловъ по нормальному душевому размѣру оказывался невозможнымъ, что и вызывало недовольство мѣстнаго казачьяго начальства. Хотя бы межеваніе и было предпринято съ цѣлью опредѣленія фактическаго пользованія, но всякій разъ, когда послѣднее послѣ межеванія оказывалось малымъ, всѣ работы признавались неудовлетворительными, и изыскивались мѣры къ открытію по сосѣдству недостающаго количества земли: производились соглашенія съ неказачьимъ населеніемъ, отводились станицамъ дополнительные надѣлы—словомъ начиналось настоящее землеустройство». Въ результатѣ, какъ уже упоминалось, до настоящаго времени не достигнуто ни приведеніе въ извѣстность территоріи, ни землеустройство казачьяго населенія. «Дѣйствительно, если во многихъ случаяхъ и достигалось освобожденіе замежеваннаго въ черту войсковыхъ владѣній пространства отъ претензій сосѣдняго населенія, то за то въ другихъ замежеваніе земель, фактически занятыхъ неказачьимъ населеніемъ, вело только къ безконечнымъ спорамъ и столкновеніямъ на мѣстѣ. Споры эти приходилось разрѣшать мѣстному начальству, которое должно было поневолѣ руководствоваться главнымъ образомъ принципомъ охраненія общественнаго спокойствія, почему одинъ и тотъ же лугъ или выгонъ часто поступалъ въ одномъ году въ пользованіе казаковъ, въ другомъ году—къ крестьянамъ или инородцамъ, затѣмъ снова обратно, и т. п.. Этотъ временный характеръ разрѣшеніе поземельныхъ споровъ стало носить особенно въ послѣдніе годы», когда всѣ вообще подобныя дѣла стали уже разрѣшаться лишь «впредь до поземельнаго устройства».

Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ изложеннымъ заключеніемъ автора историческаго обзора стоитъ утвержденіе автора монографіи о формахъ землепользованія, г. Кроля*), что землепользованіе Забайкальскихъ казаковъ является наиболѣе урегулированнымъ въ правовомъ отношеніи». Забайкальскіе казаки, по мнѣнію г. Кроля, «могутъ считаться не только болѣе обезпеченными землею, нежели крестьяне, но ихъ права на владѣемыя ими земли гораздо болѣе гарантированы отъ посторонихъ посягательствъ, нежели права другихъ разрядовъ населенія». Какъ намъ кажется, въ данномъ случаѣ г. Кроль едва-ли правъ. Изъ приведеннаго на придыдущихъ страницахъ общаго очерка видно, что не только отдѣльныя земельныя

*) X, 154.

единицы казачьяго населенія не имѣютъ законно—утвержденныхъ надѣловъ, но даже общія границы казачьихъ территорій до сихъ поръ не установлены, и слѣдовательно казачье землевладѣніе такъ же мало, если не еще меньше, урегулировано, нежели землевладѣніе забайкальскихъ крестьянъ, въ то же время, какъ видно изъ детальныхъ данныхъ, приводимыхъ въ 8-мъ томѣ «Матеріаловъ», современное пользованіе казаковъ до крайности перепутано съ пользованіемъ другихъ группъ населенія. Говорить при такихъ условіяхъ объ урегулированности въ правовомъ отношеніи едва-ли возможно; и если землевладѣніе казаковъ дѣйствительно болѣе ограждено отъ какихъ либо посягательствъ, нежели землепользованіе другихъ группъ населенія, то это—не въ силу какого-либо правового принципа, а просто потому, что за казаками стоитъ ревностно пекущаяся объ ихъ земельныхъ нуждахъ войсковая администрація, умѣющая противустоять не только «посягательствамъ», но, можетъ быть, и болѣе или менѣе основательнымъ требованіямъ населенія другихъ, непмѣющихъ столь сильнаго заступничества группъ.

Діаметрально противуположное слѣдуетъ сказать о землевладѣніи забайкальскихъ инородцевъ,*) которое всегда было и до сихъ поръ осталось наиболѣе доступнымъ для всякаго рода посягательствъ и нарушеній его неприкосновенности.

Выше мы уже упоминали о томъ, что политика правительства, которая первоначально была направлена къ безусловному огражденію инородческихъ земель отъ вторженія русскихъ поселенцевъ, мало по малу измѣнилось: правительство, въ принципѣ продолжавшее признавать неприкосновенность инородческихъ земель, должно было мириться съ фактами захвата инородческихъ земель, гдѣ этотъ захватъ былъ связанъ со сколько-нибудь прочнымъ хозяйственнымъ обзаведеніемъ русскихъ поселенцевъ. Инородцы, чтобы оградить свои земли отъ дальнѣйшихъ захватовъ, исхлопатывали владѣнные указы, которые, въ отличіе отъ грамотъ, выдававшихся русскимъ поселенцамъ, писались не на отдѣльныхъ лицъ, а на болѣе или менѣе обширныя родовыя группы—родоначальниковъ «съ улусными людьми», «съ товарищами» и т. п.—и обыкновенно заключали въ себѣ указаніе на цѣль ихъ выдачи—нестѣсненіе инородцевъ «въ природныхъ промыслахъ», причемъ владѣніе инородцевъ обыкновенно называлось вѣчнымъ, хотя часто ограничивалось запрещеніемъ отчужденія въ постороннія руки.

По мнѣнію автора исторической части «Матеріаловъ», указы «имѣли на практикѣ значеніе чисто временное и, повидимому, служили лишь доказательствомъ того, что пользованіе

*) V, 84—111 VII, 10-12, 27-32.

землею производится съ согласія администраціи; послѣдняя отмѣняла ихъ, издавала новые и вообще распоряжалась инородческими землями по своему усмотрѣнію». Иначе смотрятъ на значеніе своихъ документовъ сами инородцы: заявляемыя забайкальскими бурятами притязанія на право собственности по отношенію къ владѣемымъ ими землямъ составляютъ одинъ изъ самыхъ острыхъ вопросовъ забайкальскаго землевладѣнія и были однимъ изъ главныхъ поводовъ къ учрежденію особаго совѣщанія и къ производству мѣстнаго изслѣдованія.

Мы не будемъ входить здѣсь въ подробности по вопросу о правахъ инородцевъ на землю, и не позволимъ себѣ высказать по этому поводу какого-либо самостоятельнаго сужденія, такъ какъ вопросъ этотъ, по своему чисто юридическому характеру, совершенно выходитъ изъ предѣловъ компетенціи пишущаго эти строки. Замѣтимъ только, что авторъ историческаго обзора*) приходитъ относительно притязаній инородцевъ къ совершенно отрицательному заключенію. Правительство—по его мнѣнію—«а равно мѣстное начальство, въ общемъ, смотрѣло на земли занятыя инородцами, какъ на казенныя, которыми и считало себя въ правѣ распоряжаться»,—и не питаетъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что «правъ собственности за бурятами мѣстныя власти никогда не признавали». Высказаться съ подобною же категоричностью авторъ обзора не рѣшается, только относительно правъ Агинскихъ бурятъ на три формально обмежеванныя дачи, отведенныя имъ, на основаніи указа 1806 года, взамѣнъ земель, уступленныхъ подъ русскія поселенія; но «если,—говоритъ г. Щербачевъ,—относительно этого указа и можетъ быть допущено толкованіе въ пользу претензій бурятъ, благодаря нѣсколько неопредѣленной редакціи его, то это—по мнѣнію цитируемаго автора—не можетъ служить подтвержденіемъ какихъ либо правъ инородцевъ по отношенію ко всей остальной массѣ земель Забайкальской области, такъ какъ указъ 1806 г. касается исключительно тѣхъ именно трехъ дачъ, которыя въ немъ упоминаются, а потому «не можетъ служить доказательствомъ правъ на какія-либо другія земли». Правительство въ своей землеустроительной дѣятельности, новѣйшаго времени исходило именно изъ того взгляда на характеръ поземельныхъ правъ инородцевъ, который выраженъ въ только что приведенныхъ цитатахъ.

На основаніи нынѣ дѣйствующаго положенія объ инородцахъ 1822 года, кочевые инородцы, составляющіе главную массу инородческаго населенія Забайкалья, «имѣютъ для каждаго поколѣнія назначенныя во владѣніе земли, раздѣляемыя на участки самими кочующими по жребію и другимъ ихъ

*) V, 109—111.

обыкновеніямъ»; и при этомъ за ними утверждаются тѣ земли, которыми они владѣютъ, причемъ мѣстныя власти обязаны принять мѣры къ опредѣленію окружности земель, находящихся во владѣніи каждаго племени. Такимъ образомъ, по смыслу закона, *) особенностью поземельнаго уттройства инородцевъ является отсутствіе соразмѣрности между количествомъ предоставляемой во владѣніе земли и числомъ инородцевъ»: послѣднимъ «надлежало отвести столько земли, сколько въ дѣйствительности состояло въ ихъ фактическомъ пользованіи». Дѣйствительность, однако, отошла въ данномъ отношеніи весьма далеко отъ постановленій закона.

Благодаря съ одной стороны естественнымъ условіямъ края, а съ другой—распредѣленію по его территоріи русскаго населенія, земельная обезпеченность инородцевъ представлялась крайне неравномѣрною: въ однихъ мѣстностяхъ, напр. въ долинѣ Селенги, инородцы были очень сильно стѣснены въ землепользованіи, которое было совершенно недостаточно для удовлетворенія ихъ насущныхъ потребностей; въ другихъ, напр. въ Хоринскомъ и Агинскомъ вѣдомствахъ, инородцы располагали количествомъ земли, далеко превышавшимъ ихъ самыя широкія потребности. «Въ зависимости отъ столь различнаго земельнаго пользованія инородцевъ—говоритъ авторъ «историческаго обзора» *)—и требующееся по закону «приведеніе въ извѣстность ихъ земель должно было принять разный характеръ. По отношенію къ мало обезпеченнымъ оно на практикѣ превратилось прямо въ землеустройство»,—ихъ дачи увеличивались прирѣзкою оброчныхъ статей или пустолежащихъ пространствъ и даже,—если у сосѣднихъ крестьянъ оказывался излишекъ земли противъ установленной душевой нормы,—на счетъ крестьянскихъ земель; бывали даже случаи надѣленія инородцевъ по числу душъ. «Въ совершенно иномъ положеніи—продолжаетъ г. Щербачевъ,—оказалось дѣло надѣленія такихъ инородцевъ, какъ Хоринцы и Агинцы. Слѣдуя буквѣ закона, надлежало лишь опредѣлить границы ихъ пользованія и затѣмъ предоставить въ ихъ владѣніе все то пространство, которое будетъ заключаться въ намѣченныхъ предѣлахъ. Но такъ какъ эксплоатація кочевниками земель не могла быть устанавливаема ни по какимъ-либо наглядными внѣшнимъ признакамъ, какъ напр. у русскаго населенія распашки и постоянныя постройки,ни по удостовѣренію сосѣдей, русскихъ, такъ какъ послѣднихъ во многихъ случаяхъ не имѣлось, то приходилось опредѣлять грани фактическаго пользованія исключительно по указаніямъ самихъ инородцевъ». Конечно «отводъ

*) V, 103.
*) V, 104—105.

хоринскимъ и агинскимъ бурятамъ всѣхъ земель, которыя они указывали своими, былъ бы равносиленъ передачѣ имъ безъ всякой видимой надобности большого запаса земель, которыя въ будущемъ могли бы поступить въ надѣлъ другому, плохо обставленному въ земельномъ отношеніи населенію». Уже давно, поэтому, начались отдѣльныя попытки сокращенія общей площади инородческихъ земель, и«къ 60-мъ годамъ на землепользованіе иноводцевъ, занимавшихъ несоразмѣрно большую территорію, сложился вполнѣ опредѣленный взглядъ, что это землепользованіе можетъ быть затрагиваемо». Въ 1860 году было именно предписано при съемкѣ инородческихъ земель соблюдать правила, составленныя примѣнительно къ порядку, принятому при межеваніи всѣхъ вообще казенныхъ земель Восточной Сибири, т. е. производить подробную хозяйственную съемку инородческихъ земель, съ составленіемъ по каждой дачѣ плана и статистическаго описанія, а также приблизительную съемку земель въ 5—верстной полосѣ внѣ границъ инородческихъ дачъ; затѣмъ, по окончаніи съемки каждой дачи, весь матеріалъ долженъ былъ направляться къ начальнику межеванія «для соображенія, въ какихъ мѣстахъ и какое количество земель, состоящихъ въ пользованія инородцевъ, можно отдѣлить для нарѣзки узаконенной пропорціи казакамъ и крестьянамъ»*).

Какъ исторія, такъ и современное положеніе межеванія въ различныхъ волостяхъ и вѣдомствахъ весьма различны. Не входя въ подробности, достаточно сказать, что у Хоринскихъ и Агинскихъ бурятъ, а также Урульгинскихъ тунгусовъ, межевыя работы, сначала имѣвшія юридическій характеръ, позже свелись исключительно къ приведенію земель въ извѣстность, дальнѣйшія же межевыя дѣйствія пришлось отложить впредь до разрѣшенія ходатайствъ бурятъ о производствѣ на ихъ земли спеціально—коштнаго межеванія. Въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ до 1851 года было завершено приведеніе земель въ извѣстность, но съ образованіемъ Забайкальскаго казачьяго войска межевыя работы свелись къ выдѣлу земель казакамъ—бурятамъ, благодаря чему заготовленный ранѣе съемочный матеріалъ утратилъ все свое значеніе. Въ Закаменской управѣ дѣло также не пошло далѣе съемки, результаты которой остались неразсмотрѣнными за возникновеніемъ общаго вопроса о поземельномъ устройствѣ инородцевъ. Въ Баргузинскомъ вѣдомствѣ и Тунгусской управѣ были составлены и проекты отвода надѣловъ, которые однако также остались неразсмотрѣнными. Наконецъ, по Кударинскому вѣдомству еще въ 20-хъ годахъ были составлены проекты отвода надѣловъ, исполненные

*) VII, 29.

въ 1828 году съ постановкою формальныхъ межевыхъ знаковъ; но благодаря, съ одной стороны, спорамъ и захватамъ, а съ другой—прирѣзкамъ, это межеваніе въ настоящее время утратило всякое значеніе. «Такимъ образомъ—заключаетъ авторъ обзора поземельно—устроительныхъ работъ, г. Рудинъ,*) «для опредѣленія современнаго землепользованія кочевыхъ инородцевъ Забайкалья имѣются формально утвержденные планы па три дачи Агинскихъ бурятъ и большое количество плановъ, представляющихъ результатъ разновременно произведенныхъ работъ по приведенію инородческихъ земель въ извѣстность въ порядкѣ хозяйственной съемки. Планы эти остаются до сихъ поръ неразсмотрѣнными, и по многимъ землямъ (а по землямъ Селенгинскихъ инородцевъ почти сплошь) потеряли значеніе въ виду позднѣйшихъ работъ въ смежныхъ крестьянскихъ и казачьихъ дачахъ».

Что касается наконецъ до инородцевъ крещеныхъ *), то первыя распоряженія объ отводѣ имъ земель относятся къ началу XIX столѣтія, и съ этого времени работы по образованію новыхъ селеній крещеныхъ инородцевъ и по отводу имъ земли не прекращаются. Въ отношеніи нормъ надѣленія осѣдлые и крещеные инородцы, которымъ сначала полагалось отводить по 30 дес. на душу, были затѣмъ сравнены съ русскими крестьянами; но, въ отличіе отъ крестьянъ, они надѣляются до нормальной пропорціи не только изъ земель, уже состоящихъ въ ихъ пользованіи, или казенно-свободныхъ, но также и изъ земель тѣхъ кочевыхъ инородцевъ, изъ которыхъ они произошли; обыкновенно надѣленіе осѣдлыхъ инородцевъ производится по полюбовнымъ разводамъ съ кочевымъ населеніемъ, причемъ, какъ видно изъ данныхъ, приводимыхъ въ 8-мъ томѣ «Матеріаловъ», такіе выдѣлы сплошь и рядомъ были связаны съ существеннымъ ущербомъ для кочевыхъ инородцевъ и являлись источникомъ долголѣтнихъ земельныхъ споровъ и недоразумѣній.

Изъ сдѣланнаго краткаго обзора хода и положенія межевого и поземельно-устроительнаго дѣла въ Забайкальской области ясно, что плановое землевладѣніе въ области представляетъ собою до послѣдней степени хаотическую картину. Въ губерніяхъ Европейской Россіи, говоритъ авторъ обзора землеустроительныхъ работъ, г. Рудинъ *), «почти всѣ планы, представляя результатъ генеральнаго, спеціальнаго и другихъ предусмотрѣнныхъ въ межевыхъ законахъ видовъ межевыхъ дѣйствій, имѣютъ опредѣленныя и единообразныя значеніе и

*) VII, 33; см. также V, 109.
*) V, 96; VII, 11—12 и 23.
VII, 1—2.

силу... Не то въ Забайкальѣ. Здѣсь не было ни генеральнаго, ни спеціальнаго межеваній, и вообще межевые законы имѣли самое ограниченное примѣненіе; большая часть съемочныхъ и землеустроительныхъ работъ исполнялась въ силу спеціальныхъ узаконеній или административныхъ распоряженій. Такимъ образомъ, установленныя при упомянутыхъ работахъ границы и составленные планы имѣютъ весьма различное значеніе, въ зависимости отъ существа закона или распоряженія, на основаніи которыхъ производились землемѣрныя дѣйствія. Кромѣ того, многіе изъ плановъ представляютъ собою не окончательное исполненіе закона или распоряженія, а результатъ предварительныхъ дѣйствій. Наконецъ весьма нерѣдко первоначальное назначеніе земли, показанной на планѣ, измѣнялось послѣдующими распоряженіями суда или администраціи». Едва - ли не наибольшій хаосъ въ поземельныя отношенія забайкальскаго населенія былъ внесенъ именно этою неустойчивостью и нерѣдко—взаимною противурѣчивостью слѣдовавшихъ другъ за другомъ межевыхъ и поземельно - устроительныхъ дѣйствій. «Отсутствіе общаго плана поземельно - устроительныхъ работъ—говоритъ авторъ историческаго обзора, г. Щербачевъ *), не могло не отражаться на самомъ характерѣ производившагося надѣленія землею. Всякій отводъ являлся только временнымъ; по первому же ходатайству жителей селенія о дополнительномъ надѣлѣ въ виду прироста населенія, если по наличнымъ межевымъ силамъ удовлетворить ходатайство оказывалось возможнымъ, составлялся новый проектъ надѣла съ упраздненіемъ первоначальнаго. Разрозненность работъ по составленію проектовъ надѣла вела также неизбѣжно къ тому, что когда одному селенію прирѣзывался дополнительный надѣлъ, то у сосѣднихъ съ нимъ селеній нерѣдко отрѣзывались нужныя имъ угодья, въ виду чего возникали новыя ходатайства, новые проекты надѣловъ и новые споры. Нельзя забывать также, что наряду съ крестьянскимъ землеустройствомъ производилось надѣленіе казаковъ. Хотя при этомъ сосѣднее населеніе и приводилось къ миролюбивому соглашенію, однако подобныя соглашенія нисколько не гарантировали отъ заявленія претензій въ ближайшее же время. Результатомъ такой постановки дѣла явилось то обстоятельство, что почти каждый проектъ надѣла, если имъ и доволько было населеніе, для котораго онъ былъ составленъ, затрагивалъ земельные интересы сосѣдей». Наконецъ «и съ технической стороны проекты надѣловъ большею частью оказывались неудовлетворительными, такъ какъ землемѣрные чины,

*) V, 39 40.

производившіе эти работы, не были достаточно ознакомлены съ общими пріемами землеустроительнаго дѣла». Общій же выводъ изъ всего изложеннаго можетъ быть только одинъ: это—заключеніе о «неудовлетворительности межеванія занятыхъ населеніемъ земель, производившагося въ теченіе цѣлаго столѣтія и представляющаго часто, въ результатѣ, наслоеніе однихъ поземельно-устроительныхъ работъ на другія».

IV.

На предыдущихъ страницахъ мы очертили общій ходъ и современное состояніе межевого дѣла въ Забайкальѣ. Теперь намъ предстоитъ остановиться на формахъ *землевладѣнія*,—другими словами—на изученіи дѣйствительнаго склада земельныхъ отношеній между тѣми многочисленными, разнообразными по размѣрамъ и составу *группами*, на которыя распадается, въ данномъ отношеніи, населеніе Забайкальской области.

При болѣе или менѣе нормальномъ положеніи межевого дѣла, если бы столѣтнія работы по приведенію въ извѣстность и урегулированію земельныхъ отношеній создали болѣе или менѣе правильную сѣть плановыхъ дачъ, этотъ вопросъ не представлялъ-бы ни особаго интереса, ни большихъ трудностей для разрѣшенія и изслѣдованію оставалось бы только выяснить фактическій складъ земельныхъ отношеній въ тѣхъ случаяхъ, когда межеваніе пріурочило земельные отводы не къ отдѣльнымъ селеніямъ, а къ группамъ селеній, другими словами—выяснить складъ землевладѣнія внутри составныхъ юридическихъ общинъ. Не то при хаотическомъ состояніи межевой части въ Забайкальѣ: «при неудовлетворительномъ состояніи межевого дѣла—читаемъ мы въ предисловіи къ 8-му тому «Матеріаловъ»—невозможно и ожидать, чтобы современное землевладѣніе довольствовалось всегда границами, указанными ему когда-то землемѣрнымъ способомъ. Иногда проектъ надѣла совершенно измѣнялъ конфигурацію ранѣе обмежеванныхъ дачъ, состоящихъ въ пользованіи сосѣднихъ селеній, причемъ въ однихъ случаяхъ населеніе сейчасъ же измѣняло свое землепользованіе сообразно границамъ проекта, а въ другихъ, наоборотъ, продолжало пользоваться землями по прежнему, такъ что измѣненіе границъ, произведенное проектомъ, совершенно не отразилось на его землевладѣніи. Часто нѣсколько селеній, составляющихъ, по межевымъ документамъ, одно земельное общество, въ дѣйствительности владѣютъ угодьями совершенно обособленно, и такимъ образомъ фактическое владѣніе совершенно не соотвѣтствуетъ юридическому», иногда же—добавимъ къ этому—, а по отношенію къ

*) VIII. I.

такимъ угодьямъ, какъ выгонъ и лѣсъ, даже въ видѣ общаго правила, селенія, обособленныя юридически, проявляютъ болѣе или менѣе явные признаки общности фактическаго владѣнія. При такихъ обстоятельствахъ изученіе формъ *дѣйствительнаго* землевладѣнія и отношенія его къ землевладѣнію *юридическому* не могло не встрѣтиться съ большими трудностями, но въ то-же время—особенно въ виду практическихъ цѣлей изслѣдованія оно представляло значительный интересъ.

При крайне неудовлетворительномъ состояніи планового матеріала и при маломъ соотвѣтствіи его—во многихъ случаяхъ—съ фактическимъ складомъ землевладѣнія, будущему поземельному устройству едва-ли будетъ возможно опираться на имѣющійся плановой матеріалъ и исходить изъ существующихъ юридическихъ дачъ; если не вездѣ, то въ большинствѣ случаевъ, ему придется поставить крестъ на старыхъ межевыхъ работахъ и исходить болѣе или менѣе исключительно изъ фактическаго склада землевладѣнія.

Понятно, при такихъ условіяхъ, почему сводъ данныхъ о фактическомъ складѣ землевладѣнія въ Забайкальской области занимаетъ въ «Матеріалахъ» особый большой томъ (8-ой), въ которомъ, послѣ краткаго введенія, дающаго свѣдѣнія о размѣрахъ землевладѣнія разныхъ группъ Забайкальскаго населенія, приводятся, по каждой волости, станицѣ и вѣдомству особо, подробныя данныя о распредѣленіи населенія по юридическимъ общинамъ, а затѣмъ о сложившихся по отношенію къ каждому виду угодій фактическихъ общинахъ.

Къ сожалѣнію однако нельзя не замѣтить, что именно этотъ 8-ой томъ является одною изъ самыхъ слабыхъ частей того обширнаго сборника статистическихъ свѣдѣній, на основаніи котораго составленъ настоящій очеркъ. Какъ видно отчасти изъ краткаго методологическаго введенія къ «Матеріаламъ»,*) обзоръ юридическихъ и фактическихъ общинъ представляетъ собою простую перепечатку результатовъ произведенной 17 лицами механической сводки соотвѣтствующихъ данныхъ поселенныхъ бланковъ, безъ малѣйшей попытки систематизировать крайне пестрый по существу фактическій матеріалъ. При этомъ изложеніе во многихъ мѣстахъ настолько сбивчиво и неясно, что пишущій эти строки въ рядѣ случаевъ *) рѣшительно не могъ выяснить себѣ, идетъ ли рѣчь объ общемъ или раздѣльномъ владѣніи, соотвѣтствуетъ ли фактическое владѣніе плановому и т. п., что отчасти, впрочемъ, можетъ

*) 1, стр. XIV.

*) VIII, 16 41, 45, 124, 125, 127, 140, 181, 203. 206, 222, 227 и др., особенно часты подобные случаи по округамъ Верхнеудинскому, Баргузинскому Читинскому и Нерчинскому.

быть отнесено на счетъ того обстоятельства, что составитель 8-го тома нигдѣ не выяснилъ, что именно онъ разумѣетъ подъ юридическою общиною и т. п..

Крайняя запутанность составляетъ одну изъ характерныхъ чертъ забайкальскаго землевладѣнія и выражается, между прочимъ, въ томъ, что фактическое владѣніе отдѣльныхъ, обособленныхъ въ этнографическомъ, административномъ и поземельно-устроительномъ отношеніи группъ населенія сплошь и рядомъ выходитъ за юридическія границы, отдѣляющія эти группы одну отъ другой, распространяется на земли, принадлежащія къ числу казенно—свободныхъ, мало того—переходитъ даже за государственную границу и вторгается въ предѣлы Китайской имперіи.

Спутанность землевладѣнія между отдѣльными группами населенія является, въ значительной мѣрѣ, необходимымъ результатомъ историческихъ условій его разселенія и характера его хозяйства. «Общность владѣнія, говоритъ авторъ монографіи о формахъ землепользованія, г. Кроль *), представляетъ для кочевыхъ инородцевъ не одинъ только отвлеченный интересъ,—она имѣетъ для нихъ громадное практическое значеніе, такъ какъ въ неурожайные годы многіе инородцы перекочевываютъ со своимъ скотомъ на ветошь съ одного конца вѣдомства на другой». При этомъ «сплошь и рядомъ смежно живущія, хотя различныя по племенному составу группы населенія пользуются нѣкоторыми угодьями, какъ напр. пастбищами, лѣсами даже сѣнокосными мѣстами, сообща, безъ всякихъ стѣсненій. Такимъ образомъ выработалось, преимущественно въ мѣстахъ просторныхъ, особое сосѣдское совмѣстное землепользованіе, сущность котораго заключается въ полной свободѣ пользованія разными группами населенія тѣмъ или другимъ угодьемъ. Это—то самое сосѣдское землепользованіе, въ силу котораго многіе закаменскіе буряты кочуютъ въ голодные годы со своимъ скотомъ на ветошь земель армакскихъ тунгусовъ, а пограничные инородцы и казаки—въ Монголію, гдѣ они пасутъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ свои стада овецъ, рогатаго скота и лошадей почти безплатно, ибо плата,вносимая прикочевывающими, иногда такъ ничтожна, что ее правильнѣе считать подаркомъ, часто подносимымъ монголами другъ другу въ знакъ пріязни, нежели вознагражденіемъ за пользованіе пастбищами». Въ силу историческихъ условій образованія забайкальскаго казачьяго войска казаки—русскіе и особенно инородцы—живутъ настолько черезполосно съ другими разрядами населенія,*) что опредѣленіе общихъ границъ казачьей территоріи было-

*) X, 7—8.
*) VI, 77; VII, 24.

бы въ нѣкоторыхъ случаяхъ почти невозможно иначе, какъ при условіи включенія въ нее болѣе или менѣе значительныхъ крестьянскихъ дачъ; въ другихъ же случаяхъ,—напр. въ Селенгинскомъ вѣдомствѣ,—«казаки живутъ съ бурятами не только черезполосно, но перемѣшаны до такой степени, что разграниченіе ихъ въ землепользованіи невозможно произвести безъ переселенія многихъ изъ нихъ на другія мѣста». Естественно, что межевыя работы—особенно въ виду выясненной выше неудовлетворительной ихъ постановки,—не могли распутать этого клубка земельныхъ отношеній, а потому обзоръ распредѣленія населенія по юридическимъ и фактическимъ общинамъ испещренъ разнообразнѣйшими примѣрами подобной путаницы,*) которую мы позволимъ себѣ характеризовать нѣсколькими примѣрами. Такъ, поселокъ Больше-Лугскій, Харьясской станицы, Селенгинскаго округа, владѣетъ четырьмя дачами «совмѣстно съ казаками трехъ поселковъ Аракиретской станицы и съ инородцами Цонголова рода», причемъ «казачье населеніе проживаетъ и пользуется угодьями на землѣ, данной во владѣніе тайшѣ Окину»,—а въ поселкѣ и выселкѣ Харьясскихъ, той же станицы, «5 зимниковъ и 15 лѣтниковъ находятся на земляхъ инородцевъ 3-го Табангутскаго рода, остальныя же жилища находятся въ своей дачѣ»; вмѣстѣ съ тѣмъ выгономъ и лѣсомъ казаки пользуются въ своей дачѣ и въ чужихъ дачахъ, смотря потому, гдѣ кто проживаетъ. Изъ девяти селеній Янгажинской станицы, того же округа, два имѣютъ общія юридическія дачи съ бурятами и казаками Селенгинскаго округа; при этомъ «фактическое землепользованіе всѣхъ общинъ Янгажинской станицы не совпадаетъ съ юридическими границами ихъ дачъ и всюду выходитъ за ихъ предѣлы. Такъ, выгонами всѣ общины пользуются совмѣстно съ инородческими общинами тѣхъ же названій Селенгинской степной думы; часть казаковъ проживаетъ въ инородческихъ дачахъ и слѣдовательно имѣетъ тамъ свои стойбища, а равно пользуется тамъ пашнями и покосами; въ отношеніи пашенъ и покосовъ каждая община Янгажинской станицы представляется совершенно обособленною; исключеніе составляютъ Сутойскіе казаки, которые пользуются частью покосовъ совмѣстно съ инородцами Сутойской общины». Въ Оловской инородной управѣ, Читинскаго округа, «с. Аркінское и Старо-Оловское слились въ отношеніи землевладѣнія: первое — съ казачьимъ поселкомъ того же имени Курлыченской станицы Нерчинскаго округа, а второе—съ крестьянскимъ селеніемъ Оловской волости; два селенія: Усть—Дашское и Верхне—Куренгское состоятъ изъ

**) VII, 23 30, 57. 84—87, 92—93, 117, 118, 124—125, 142, 152, 159, 164 165, 175, 177, 192, 231 и мн. др..

нераздѣльно живущихъ тунгусовъ Оловской и Маньковской управъ». Поселокъ Усть—Тулунтаевскій, Акшинской станицы и округа, «владѣетъ совмѣстно съ мѣщанами города Акши и тунгусами булуковъ Тулутаевскаго и др., Кужертаевской инородной управы», причемъ одинъ изъ этихъ булуковъ состоитъ изъ кочевыхъ тунгусовъ и селенія крещеныхъ инородцевъ. Тунгусы Урульгинской управы пользуются всѣми угодьями, кромѣ сѣнокосовъ, совмѣстно съ дворянами Гантимуровыми, потомками князя Гантимурова, который до 1883 года считался владѣльцемъ всѣхъ земель управы и распредѣлялъ угодья, по своему усмотрѣнію, между отдѣльными общинами. Матусовское крестьянское общество Ундинской волости, Читинскаго округа, владѣетъ землею совмѣстно съ двумя казачьими выселками Ново - Троицкой станицы, Нерчинскаго округа. Въ Кударинской волости, Селенгинскаго округа, при раздѣльномъ владѣніи основными земельными дачами, «островные покосы состоятъ не только въ общемъ пользованіи сѣнокосныхъ общинъ Кударинской волости, но ими пользуются также крестьяне Посольской и Кабанской волостей, а равно инородцы Кударинскаго вѣдомства». Шергальджинское крестьянское общество, Байхорской волости, Верхнеудинскаго округа, владѣетъ землею сообща съ кочевыми инородцами Чикойско - Харанутскаго рода, живущими по падямъ трехъ рѣчекъ, и съ потомственными почетными гражданами Грудиниными, и т. д..

Приведенными примѣрами, кажется намъ, въ достаточной мѣрѣ характеризуются, въ ихъ главнѣйшихъ типахъ, формы спутанности землевладѣнія разнообразныхъ группъ забайкальскаго населенія. Общераспространеннымъ явленіемъ является затѣмъ спутанность или вѣрнѣе—неопредѣленность владѣнія по отношенію къ двумъ наиболѣе экстенсивно используемымъ угодьямъ—выгонамъ и лѣсу, по отношенію къ которымъ границы юридическихъ общинъ, утрачиваютъ свое значеніе даже тамъ, гдѣ онѣ строго соблюдаются по отношенію къ культурнымъ землямъ. Захожденіе за границы юридическихъ границъ въ такихъ случаяхъ бываетъ, часто, одностороннимъ: населеніе, располагающее въ своихъ дачахъ недостаточнымъ количествомъ выгоновъ и лѣса, пользуется тѣмъ и другимъ въ дачахъ такихъ юридическихъ общинъ, которыя имѣютъ избытокъ въ соотвѣственныхъ угодьяхъ. Такъ, крестьяне четырехъ селеній Иволгинской волости, Селенгинскаго округа, « пользуются выпусками совмѣстно со своими сосѣдями инородцами и казаками— бурятами, причемъ чаще всего крестьянскій скотъ пасется на бурятской землѣ, такъ какъ у крестьянъ выгоны очень тѣсные, а у бурятъ пастбища просторныя». Инородцы

Кударинскаго вѣдомства «выгонными мѣстами пользуются совмѣстно съ крестьянами, которые за это предоставляютъ для совмѣстнаго пользованія свой выгонъ: въ годы сильнаго разлива Селенги буряты гонятъ свой скотъ на крестьянскій выгонъ, а въ годы засухи крестьянскій скотъ гонится къ инородцамъ». Многія инородческія общины Селенгинскаго вѣдомства «пользуются совмѣстно съ казаками выгономъ и лѣсомъ не только фактически, но и юридически, на основаніи договоровъ, (миролюбивыхъ сказокъ), во многихъ отношеніяхъ парализующихъ значеніе установленныхъ границъ». Поселки Цаганъ - Усунской станицы, Троицкосавскаго округа, владѣя самостоятельными дачами, «выгономъ пользуются не только совмѣстно другъ съ другомъ, но также совмѣстно и съ сосѣдними селеніями и общинами. Валовая поскотина, проходящая черезъ дачи всѣхъ поселковъ, отдѣляетъ только покосы и пашни, по всему же остальному пространству дачъ скотъ пасется вольно, переходя изъ одной дачи въ другую,» и т. д.. Въ видѣ примѣровъ нестѣсняемаго юридическими границами пользованія лѣсомъ можно привести хотя-бы уже упомянувшуюся Иволгинскую волость, Селенгинскаго уѣзда, гдѣ жители шести селеній, входящихъ въ пять обособленныхъ юридическихъ дачъ, «рубятъ лѣсъ въ ближайшихъ мѣстахъ, не дѣлая различія между своими, бурятскими и казенными лѣсами,—и такимъ образомъ лѣсныя угодья находятся фактически въ общемъ пользованіи всѣхъ окрестныхъ крестьянъ, бурятъ и казаковъ». Въ дачѣ крестьянъ с. Ново - Казачинскаго, Усть—Илинской волости, Читинскаго округа, лѣсъ рубятъ также крестьяне Усть - Илинскаго и Старо - Кугуртаевскаго селеній, а также и смежные тунгусы. Въ дачѣ поселка Застепинскаго, Маковѣевской станицы, лѣсъ рубятъ самовольно сосѣдніе буряты и крестьяне селенія Кенонскаго. Въ станицѣ Краснoярской, Нерчинскаго округа, «лѣсъ, въ смыслѣ пользованія имъ, общій для всѣхъ поселковъ станицы; каждый поселокъ свободно пользуется тѣмъ лѣсомъ, который наиболѣе близко или удобно къ нему расположенъ, независимо ѣъо тлоо, въ чьей дачѣ онъ произрастаетъ», и т. д..

Мы не будемъ останавливаться на другомъ, не менѣе распространенномъ видѣ не стѣсняющаго границами юридическихъ дачъ фактическаго пользованія—именно на пользованіи угодьями въ прилегающихъ къ дачамъ свободныхъ пустопорожнихъ пространствахъ,—не будемъ потому, что этотъ видъ заграннаго пользованія, являясь естественнымъ результатомъ слабой организаціи въ Забайкальѣ надзора за казенными землями, имѣетъ лишь отдаленное отношеніе къ вопросу о фор-

махъ землевладѣнія. Чтобы покончить съ вопросомъ о заграннномъ пользованіи, мы должны сказать только нѣсколько словъ о самомъ рѣзкомъ изъ его проявленій—именно, о пользованіи въ предѣлахъ китайской Монголіи, наблюдаемомъ главнымъ образомъ у казаковъ Акшинскаго округа, а затѣмъ—и въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ общинахъ округовъ Троицкосавскаго, Читинскаго и Нерчинско-Заводскаго. *) Наиболѣе распространеннымъ видомъ пользованія въ китайскихъ предѣлахъ является отгонъ на пастьбу скота, практикуемый въ отдѣльныхъ случаяхъ, какъ видно изъ заключающихся въ 8—мъ томѣ указаній, въ весьма различныхъ размѣрахъ и имѣющій въ хозяйственной жизни населенія весьма различное значеніе, причемъ большая или меньшая распространенность этого явленія зависитъ, повидимому, не только отъ степени потребности въ пастбищахъ, но также и отъ удобства или неудобства перехода черезъ границу. Изъ нѣкоторыхъ общинъ (Кужертаевскіе инородцы, Букукунскіе казаки др.) населеніе «лишь изрѣдка пользуется зимними ветошами, въ Монголіи, куда наиболѣе «скотистые» хозяева закочевываютъ въ снѣжныя зимы и держатся тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, кочуя вблизи государственной границы». Въ другихъ случаяхъ (напр. въ Акшинской и Зоргольской станицахъ) выпасъ скота на монгольскихъ пастбищахъ, главнымъ образомъ зимнихъ, практикуется въ широкихъ размѣрахъ и является существеннымъ элементомъ въ хозяйственномъ строѣ населенія. Значительно рѣже встрѣчаются случаи пользованія въ Монголіи другимъ экстенсивнымъ угодьемъ—лѣсомъ—намъ удалось найти въ 8-мъ томѣ указаніе всего на три случая, гдѣ населеніе рубитъ лѣсъ за китайскою границею, въ четвертомъ же случаѣ (станица Желтуринская) рубка лѣса въ Монголіи, ранѣе допускавшаяся, около 10 лѣтъ какъ запрещена монголами. Пользованіе покосами за китайскою границею практикуется въ двухъ станицахъ Акшинскаго округа—Мангутской и Зоргольской, при чемъ казаки первой изъ нихъ занимаются въ предѣлахъ Китая также и рыболовствомъ. Что касается наконецъ до пашенъ, то въ настоящее время случаевъ пользованія этимъ угодьемъ за китайскою границей не встрѣчается; не такъ давно пахали за китайскою границей казаки Усть-Уровской станицы, Нерчинско-Заводскаго округа, но лѣтъ 15 тому китайцы запретили казакамъ распахивать свои земли.

Сказанными случаями далеко не исчерпывается пользованіе населенія пограничныхъ районовъ землею въ предѣлахъ китайской Монголіи. Но мы совершенно не имѣемъ здѣсь въ виду

---

*) VIII, II9, 126, 176 , 185, 190—194, 199, 201, 252.

весьма широко развитой въ этихъ районахъ *аренды* монгольскихъ угодій, а говоримъ лишь о случаяхъ свободнаго пользованія, какъ одного изъ проявленій неопредѣленности границъ земельныхъ владѣній,—о тѣхъ именно случаяхъ, гдѣ въ «Матеріалахъ» либо имѣется прямая оговорка о «безплатности» пользованія, либо гдѣ, за отсутствіемъ такой оговорки, о безплатности можно заключить по контексту и въ частности—по отсутствію упоминаній о какой либо платѣ. При этомъ свободное пользованіе за государственною границей является, повидимому, односторонним—по крайней мѣрѣ въ «Матеріалахъ» нѣтъ указаній на случаи, когда китайскіе монголы пользовались бы угодьями въ предѣлахъ Забайкалья. Единственное исключеніе представляетъ одинъ выселокъ станицы Акшинской, Акшинскаго округа: монголы, предоставляя казакамъ этого выселка безплатно пасти скотъ на своихъ угодьяхъ, въ свою очередь безпрепятственно рубятъ подѣлочной лѣсъ въ районѣ этого выселка *).

Мы задались - бы совершенно неразрѣшимою задачей, если бы захотѣли въ настоящемъ очеркѣ исчерпать безконечное разнообразіе формъ землевладѣнія забайкальскихъ крестьянъ, казаковъ и инородцевъ—такую необыкновенно пеструю картину представляютъ встрѣчающіяся здѣсь комбинаціи общаго пользованія съ пользованіемъ юридически или хотя—бы только фактически раздѣльнымъ, причемъ и эта общность, и эта раздѣльность выражаются въ безконечномъ множествѣ оттѣнковъ, съ едва уловимыми отъ одного къ другому переходами. Мы ограничимся здѣсь поэтому обзоромъ наиболѣе типичныхъ формъ, причемъ для удобства изложенія разсмотримъ отдѣльно формы землевладѣнія сначала у инородцевъ, а затѣмъ—у крестьянскаго и казачьяго населенія; пріемъ этотъ будетъ правиленъ и по существу дѣла, такъ какъ формы землевладѣнія у того и другого разряда населенія проходили самостоятельный и, какъ можно думать, не совсѣмъ одинаковый циклъ развитія.

Первоначальнымъ типомъ инородческаго хозяйства было кочевое пастбищное хозяйство, первоначальною формою землевладѣнія—полная общность владѣнія и пользованія пастбищами. «По установившемуся издревле обычаю, говоритъ г. Кроль въ 10-мъ томѣ «Матеріаловъ»**), пастбища у инородцевъ составляютъ угодье, которымъ могутъ пользоватся всѣ безъ стѣсненія, не только члены одного вѣдомства, но и члены сосѣднихъ вѣдомствъ и группъ населенія, даже не инородческихъ; такое воззрѣніе создалось конечно при условіяхъ

*) VIII, 194.
**) x, 64—66.

почти безграничнаго земельнаго простора и при чрезвычайно рѣдкомъ населеніи; нынѣ во многихъ мѣстахъ это право совмѣстнаго пользованія пастбищами значительно ограничено,— тѣмъ не менѣе у большинства инородческихъ группъ, населяющихъ Забайкалье, до сихъ поръ еще сохранился въ силѣ этотъ древній обычай. Такъ, вѣдомства Агинское, Урульгинское, Хоринское, Баргузинское, Кударинское, а также Армакская инородная управа еще теперь разсматриваются членами ихъ, какъ огромныя выгонныя общины, на которыхъ каждый членъ можетъ кочевать въ какомъ угодно направленіи и съ какимъ угодно количествомъ скота. Правда, не вездѣ члены вѣдомства фактически пользуются своимъ правомъ, но тамъ, гдѣ кочевки на десятки и сотни верстъ сохранились до сихъ поръ, всякій инородецъ осуществляетъ свое право въ полной мѣрѣ».

Однако, забайкальскіе инородцы уже переросли ту стадію чисто кочевого быта, когда вся занимаемая ими территорія представляла собою безраздѣльную массу пастбищъ, по которымъ каждый могъ кочевать въ какомъ угодно направленіи: у нихъ появились неподвижныя юрты и дома, а съ ними— понятіе о лѣтнемъ и зимнемъ усадебномъ мѣстѣ; достигло значительнаго развитія сѣнокошеніе, начинаетъ развиваться земледѣліе, а вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣлились особыя пахатныя и сѣнокосныя угодья. Въ силу этого должны были явиться и новыя, неизвѣстныя при чисто кочевомъ бытѣ формы земельныхъ отношеній, съ которыми мы и должны въ настоящее время познакомиться. Здѣсь приходится остановиться прежде всего на случаяхъ, такъ сказать, неопредѣленной формы владѣнія *)—той весьма близкой къ первоначальной общности формы, когда еще не поставился съ полною ясностью даже самый вопросъ о раздѣльности или общности владѣнія. Въ такомъ именно положеніи находится землевладѣніе у Баргузинскихъ и Урульгинскихъ тунгусовъ и отчасти у Хоринскихъ, а по даннымъ приводимымъ въ 8-мъ томѣ, но стоящимъ въ нѣкоторомъ противурѣчіи съ данными монографіи о формахъ землепользованія—и у Кударинскихъ бурятъ. Такъ, въ Баргузинскомъ вѣдомствѣ всѣ булуки, кромѣ селеній крещеныхъ инородцевъ «юридически считаются одною земельною общиною. Выгонъ является общимъ юридически и фактически,—послѣднее видно изъ того, что лѣтники чрезвычайно перепутаны другъ съ другомъ, и никто не стѣснепъ ставить лѣтникъ гдѣ ему угодно. Осенній и весенній выгонъ, т. е. покосныя мѣста послѣ осенняго открытія и до весенняго закрытія поскотинъ, считается также общими, но фактически противувѣсомъ этому

*) VIII, 17, 48—49, 55—66, 95—96, 165.

является выгораживаніе отдѣльными хозяевами своихъ покосовъ, особенно удобренныхъ, для того, чтобы сберечь на нихъ отаву для своего скота. Пашни расположены мелкими отрубами въ своихъ дачахъ, и только какъ рѣдкое исключеніе — на пустопорожнихъ земляхъ. Владѣніе покосами находится въ переходномъ, неустойчивомъ положеніи. Съ одной стороны все Баргузинское вѣдомство представляетъ юридически одну покосную общину—это указывалось родовичами и на этомъ настаивали жители при всѣхъ опросахъ. Съ другой стороны загорожа поскотины создаетъ извѣстную обособленность общинъ, загораживающихъ ее. Къ этому нужно прибавить вліяніе родовыхъ властей, которыя при распредѣленіи покосовъ играютъ извѣстную роль и часто вносятъ разладъ въ зарождающіяся покосныя общины.» Другой подобный - же примѣръ представляетъ Хоринское вѣдомство. Входящія въ составъ его 134 земельныхъ общины успѣли въ значительной мѣрѣ утратить свое земельное единство разбилось частью на отдѣльныя земельныя общины, по большей же части—на группы въ нѣсколько селеній каждая, причемъ внутри этихъ группъ форма землевладѣніе имѣетъ совершенно неопредѣленный характеръ. Такъ, у одной группы въ пять селеній «выгонъ общій, которымъ пользуются также совершенно свободно и всѣ сосѣднія общины. Покосы имѣются у каждой общины отдѣльные, но иногда нѣкоторые хозяева владѣютъ покосами одновременно въ двухъ общинахъ; всѣ общины пашутъ на выгонахъ или среди покосовъ, гдѣ кто успѣлъ захватить; пашни (какъ и покосы) огорожены замкнутыми, круглыми поскотинами. За предѣлами своихъ дачъ никто нигдѣ не пашетъ. Лѣсомъ пользуются всѣ данныя общины совершенно свободно, какъ во всѣхъ своихъ дачахъ, такъ и заграницами ихъ; тамъ же пользуются совершенно свободно и всѣ сосѣднія общины». Почти въ тождественныхъ выраженіяхъ описывается характеръ землевладѣнія ряда другихъ небольшихъ группъ общинъ Хоринскаго вѣдомства, относительно же одной группы изъ 12 общинъ отмѣчается, что «трудно и пожалуй даже невозможно разобрать, гдѣ начинается землевладѣніе одной общины и гдѣ начинается—другой;» подробно перечисливъ, затѣмъ, мѣстопахожденія лѣтниковъ и зимниковъ каждый изъ 12 общинъ, составитель 8 - го тома продолжаетъ: «здѣсь не перечислены выгоны и покосы потому, что они находятся по всѣмъ падямъ, гдѣ находятся лѣтники и зимники. Весенники и осенники—также въ предѣлахъ этой территоріи; пашни—по берегамъ озеръ Малой Еравны и Голубая; про покосы можно сказать, что они имѣются и на лѣтникахъ, гдѣ между стойбищами на выпускахъ загораживаются телятники, находящіеся въ захватно - наслѣдственномъ владѣніи».

Нѣсколько большая опредѣленность земельныхъ отношеній наблюдается въ нѣкоторыхъ управахъ Урульгинскихъ тунгусовъ—Урульгинской, Маньковской и Онгоцонской» *). Относительно первой гдѣ впрочемъ складъ земельныхъ отношеній сильно затемненъ участіемъ потомковъ князя Гаптимурова) прямо отмѣчается, что тунгусы «полюбовно раздѣлили между общинами доставшіеся имъ покосы, всѣ же остальныя угодья остались въ общемъ пользованіи всѣхъ тунгусовъ». Такой же характеръ имѣетъ владѣніе въ Маньковской управѣ, въ Онгоцонской же управѣ 12 булуковъ, составляя, въ отношеніи сѣнокосовъ, каждый отдѣльную общину, «прочими угодьями пользуются сообща, причемъ въ этомъ отношеніи предѣлы ихъ пользованія регулируются лишь разстояніями и естественными условіями мѣстности».

Изъ цитированныхъ словъ видно, что Онгоцонская управа представляетъ уже какъ—бы переходъ къ слѣдующей по порядку формѣ владѣнія, именно къ той, гдѣ при совершенно раздѣльномъ владѣніи покосамифактически, въ большей или меньшей мѣрѣ, обособляется также владѣніе и другого рода угодьями и въ частности пастбищами. Съ такимъ складомъ владѣнія**)мы встрѣчаемся, напримѣръ, въ Агинскомъ вѣдомствѣ, у Армакскихъ тунгусовъ, въ Кужартаевской управѣ, Урульгинскаго вѣдомства, наконецъ въ части общинъ Хорпнскаго вѣдомства. Такъ Кужертаевская управа распадается на рядъ булуковъ, которые «объединяются пользованіемъ покосами въ опредѣленномъ мѣстѣ, а равно и единствомъ покосныхъ распорядковъ, городьбы валовой поскотины и булучного старосты»; общность пользованія, въ принципѣ признаваемая, совершенно исчезла по отношенію къ покосамъ и фактически не проявляется и по отношенію къ другимъ угодьямъ,—на практикѣ члены покосной общины пользуются и выгономъ, и лѣсомъ по преимуществу въ районѣ расположенія своихъ покосовъ, неподалеку отъ которыхъ группируются и лѣтнія юрты тунгусовъ даннаго булука. «Такимъ образомъ—говоритъ составитель 8—го тома,—на дѣлѣ выходитъ, что вся земельная площадь Кужертаевской управы какъ-бы подѣлена на нѣсколько участковъ, находящихся въ фактическомъ пользованіи того или другого булука, причемъ тунгусы одного и того-же рода по большей части группируются въ одномъ какомъ-нибудь опредѣленномъ районѣ дачи, образуя нѣсколько смежныхъ булуковъ». Въ Агинскомъ вѣдомствѣ 93 общины занимаютъ одну громадную дачу. Выгонъ у всѣхъ этихъ общинъ «находится въ общемъ и нераздѣльномъ пользованіи, но фактически

*) VIII, 159, 174, 182.
**) VIII, 71, 104. 153, 176.

для каждой общины лѣтнимъ выгономъ служитъ обыкновенно территорія, сосѣдняя съ покосною территоріею той-же общины. Чтобы оградить покосы отъ потравы скотомъ, въ большинствѣ общинъ буряты поставили городьбу-поскотину. Поскотина одной общины смыкается съ поскотиной сосѣдней и такимъ образомъ образуется непрерывная линія поскотинъ. Такихъ большихъ валовыхъ поскотинъ въ районѣ семь. Лѣтній выгонъ въ сѣверныхъ и западныхъ общинахъ фактически находится болѣе въ пользованіи отдѣльныхъ общинъ, вблизи ихъ покосовъ, между тѣмъ какъ пользованіе лѣтнимъ выгономъ на юго-востокѣ носитъ скорѣе характеръ общаго пользованія, такъ какъ сюда лѣтомъ пускаются верблюды и гулевыя лошади, которыя, свободно разгуливая по всему этому пространству, доходятъ даже до Онона». Однако намѣтившееся такимъ образомъ обособленіе общинъ и группъ общинъ не является окончательнымъ: «зимой нужда въ кормахъ заставляетъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ всегда, а въ нѣкоторыхъ иногда (въ случаѣ большихъ снѣговъ иги недостатка кормовъ, вслѣдствіе порчи травы осенними дождями) кочевать на далекія разстоянія». Затѣмъ, душевыми покосами пользуется каждая община отдѣльно, хотя при этомъ часто замѣчется черезполосица покосовъ; пашни есть только въ 20 общинахъ, причемъ «пашутъ обыкновенно въ предѣлахъ своей общины; впрочемъ районъ для пашенъ не ограниченъ и всякій можетъ пахать, гдѣ пожелаетъ, лишь бы не занималъ чужихъ покосовъ»; наконецъ лѣса —въ общемъ пользованіи всего вѣдомства; фактически «каждая община рубитъ лѣсъ въ собственныхъ дачахъ, а если у себя нѣтъ,—то въ ближайшихъ общинахъ». Въ Армакской управѣ безусловная общность сохранилась только по отношенію къ лѣсу, котораго такъ много, что «юрты прячутся въ немъ»; по отношенію къ охотничьимъ угодьямъ каждый изъ четырехъ родовъ армакскихъ тунгусовъ составляетъ особую общину; въ отношеніи покосовъ отдѣльныя общины совершенно обособились—«каждый булукъ владѣетъ только въ своей пади, и представляетъ совершенно обособленную покосную общину»; тунгусы «не запомнятъ, чтобы владѣли покосами по родамъ». Что касается наконецъ до пастбищъ, то «въ булукахъ выгоны такъ велики, что юридическаго дѣленія ихъ не могло возникнуть; но такъ какъ каждый булукъ отстоитъ отъ другого на десятки верстъ и отдѣленъ хребтами и лѣсами, то булуки пользуются выгонами отдѣльно другъ отъ друга»; однако «въ неурожайные годы армакскіе тунгусы могутъ кочевать за ветошеми по всей Армакской дачѣ, изъ чего можно сдѣлать выводъ, что выгоны всѣхъ булуковъ находятся въ общемъ пользованіи».

Таковы, повидимому, (мы говоримъ повидимому, такъ какъ въ виду сбивчивости изложенія, а отчасти—и неясности самихъ описываемыхъ формъ, мы не можемъ взять на себя отвѣтственности за безусловную точность усановленныхъ нами типовъ), господствующія формы землевладѣнія у забайкальскихъ инородцевъ.

Съ еще яснѣе выразившимся обособленіемъ землевладѣнія мы имѣемъ дѣло, повидимому, лишь въ Оловской управѣ, Урульгинскаго вѣдомства и въ нѣкоторыхъ общинахъ Хоринскаго вѣдомства, которое по степени обособленія отдѣльныхъ общинъ и группъ общинъ представляетъ, такимъ образомъ, наибольшую пестроту. Относительно Оловской управы прямо указывается, что входящія въ составъ ея семь селеній составляютъ «совершенно обособленныя общины», *) причемъ только въ отношеніи выгоновъ пользованіе является совмѣстнымъ у небольшихъ группъ сосѣднихъ селеній. Хотя составитель 8—го тома и замѣчаетъ, что по отношенію къ покосамъ землепользованіе обособлено «искони», но изъ приводимыхъ имъ данныхъ видно, что это обособленіе является, напротивъ, дѣломъ новѣйшаго времени, что общины Оловской управы находятся еще въ самомъ процессѣ обособленія; такъ, сел. Зюльзинское и Зюльзиканское до самаго недавняго времени составляли одну покосную общину, что порождало постоянные земельные споры; въ 1895 году эти два селенія по взаимному соглашенію раздѣлились окончательно между собою, послѣ чего всѣ споры между ними прекратились. **) Въ самые послѣдніе годы роздѣлились и дер. Мильгедунская съ выс. Кумакандой, также составлявшіе до тѣхъ поръ одну покосную общину; ***) село Улейское «въ прежнее время часть покосовъ получало отъ сел. Бушулейскаго въ обмѣнъ на свои пахатныя земли, но въ послѣднее время Улейцы отказались отъ такого обмѣна». ****) Въ Хоринскомъ вѣдомствѣ обособленно пользуется землею довольно большое числъ общинъ, *****)—напр. Бадинскся, Долбачинская, Андреевская, Дабатуйская, Шебартуйская, Гутайская и др.; относительно всѣхъ ихъ отмѣчается, что угодья состоятъ «въ исключительномъ пользованіи», что «покосами, пашнями и стойбищами каждая община владѣетъ особо», что «угодьями каждая община пользуется особо»,—исключеніе составляютъ только выгоны, состоящіе въ общемъ пользованіи болѣе или менѣе значительныхъ группъ общинъ. И въ этихъ случаяхъ—можно думать—прекращеніе прежней

*) VIII, 165
**) VIII, 168.
***) VIII, 170.
****) VIII, 171.
*****) VIII, 62—65.

общности владѣнія—дѣло болѣе или менѣе недавняго прошлаго; это можно, по крайней мѣрѣ, опредѣленно утверждать по отношенію къ общинамъ Дабатуйской, Шербатуйской и Гутайской, *) гдѣ свѣжее воспоминаніе о прежней общности владѣнія находитъ себѣ ясное выраженіе въ происходящей до сихъ поръ борьбѣ изъ за общаго между всѣми тремя селеніями уравненія угодьями: къ такому уравненію стремятся инородцы малоземельной Дабатуйской общины, и мысль эта находитъ поддержку среди бѣдноты остальныхъ двухъ общинъ, но не приводится въ исполненіе вслѣдствіе сопротивленія «крупныхъ вліятельныхъ людей».

Совершенно особое мѣсто въ отношеніи формы землевладѣнія занимаетъ, среди инородческаго населенія Забайкальской области, Кударинское вѣдомство, рѣзко выдѣляющееся по ничтожнымъ размѣрамъ землевладѣнія (10, 1 дес. на душу). Въ 8—мъ томѣ «Матеріаловъ» существующая у Кударинскихъ бурятъ форма владѣнія характеризуется недостаточно ясно—отмѣчается только, что «всѣ угодья находятся въ общемъ пользованіи Кударинской степной думы, хотя фактически нѣкоторыми дачами пользуются почти исключительно ближайшія общины». *) Но изъ 10—го тома **) мы узнаемъ, что Кударинское вѣдомство представляетъ собою сложную общину крестьянскаго типа—съ общими по цѣлому вѣдомству передѣлами пахатныхъ земель, производимыми на общемъ сугланѣ, при участіи тайши, засѣдателей, головъ, старшинъ и довѣренныхъ, по одному отъ каждыхъ десяти дворовъ. «Пашня дѣлится сначала на крупные отрубы—статьи, урочища. Раздѣлъ происходитъ «съ торговъ», «причемъ отрубы» насколько возможно, пріурочиваются къ мѣстонахожденію тѣхъ или другихъ группъ общинъ. Когда пашня подѣлена по отрубамъ или статьямъ, дѣлежъ—опять таки «съ торговъ»—переносится на мѣстонахожденіе этихъ отрубовъ, гдѣ въ дѣлежѣ участвуютъ всѣ общины, «души» которыхъ попали въ эти отрубы. Размѣръ каждаго отруба уже извѣстенъ; его разбиваютъ на 2—3 части, куда «садятся или группы общинъ, или отдѣльныя общины. Эти части—опять «съ торговъ»—дѣлятъ между отдѣльными общинами или группами общинъ, и т. д., пока дѣлежъ не закончится душевымъ паемъ».

Среди русскаго населенія Забайкальской области стремленіе къ обособленію селенныхъ владѣній, на несомнѣнныя проявленія котораго намъ придется указать ниже, сдѣлало гораздо большіе успѣхи, нежели у инородцевъ. Случаи общности дѣйствительнаго владѣнія, охватывающей болѣе или менѣе много-

*) VIII, 64.
**) VIII, 95. *) X, 213.

численныя группы селеній, встрѣчаются чаще всего у казаковъ—главнымъ образомъ въ Троицкосавскомъ и Нерчинскомъ округахъ, а затѣмъ—въ двухъ крестьянскихъ волостяхъ селенгинскаго и въ одной волости Верхнеудинскаго округа. Самую большую по числу селеній сложную крестьянскую общину составляетъ, повидимому, группа изъ шести селеній Кабанской и трехъ селеній бывшихъ государственныхъ крестьянъ Посольской волости, Селенгинскаго округа,—но къ сожалѣнію приводимыя въ 8—мъ томѣ «Матеріаловъ» данныя для ея характеристки слишкомъ неопредѣленны и даже взаимно противурѣчивы: крестьяне всѣхъ этихъ обществъ—говритъ составитель 8—го тома*)—«пользуются своими земельными угодьями сообща и черезполосно безъ всякихъ межевыхъ граней, тамъ, гдѣ кто раньше владѣлъ тѣми или другими угодьями»; затѣмъ, относительно сѣнокосныхъ угодій мы узнаемъ только, что «сѣнокосы находятся въ районѣ общаго земельнаго пользованія», относительно же пашенъ на той-же страницѣ читаемъ, что пользованіе пашнями, какъ и всѣми вообще угодьями, раздѣльно у каждаго селенія». Ключа къ объясненію этого противорѣчія слѣдуетъ, можетъ быть, искать въ томъ, что въ селеніяхъ Посольской и Кабанской волостей, какъ видно изъ текстовыхъ таблицъ, приложенныхъ къ 10—му тому, по отношенію какъ къ пашнямъ, такъ и къ покосамъ примѣняется захватная форма пользованія въ комбинаціи съ передѣломъ—старыя пашни и покосы передѣляются, расчистки же находятся въ захватномъ пользованіи; весьма возможно, что передѣлъ старыхъ пашенъ и покосовъ производится отдѣльно по селеніямъ—общіе по всей группѣ селеній передѣлы едва-ли могли-бы быть обойдены молчаніемъ,—расчистки же производятся каждымъ въ любомъ мѣстѣ состоящей въ общемъ владѣніи территоріи. Чаще всего встрѣчающаяся форма общности—это общее на нѣсколько селеній уравнительное пользованіе покосами при черезполосно-захватномъ пользованіи пахатными землями; съ этою формою мы встрѣчаемся, напримѣръ, въ группѣ бывшихъ монастырскихъ селеній Посольской волости, въ группѣ изъ пяти селеній Байхорской волости и въ станицахъ Куенгской и Ломовской.**) Относительно пашенъ составитель 8—го тома «Матеріаловъ въ большинствѣ случаевъ ограничивается не вполнѣ опредѣленною отмѣткою, что пашни состоятъ въ «черезполосномъ пользованіи»; но для Ломовской станицы имѣется опредѣленное указаніе на общность владѣнія: «черезполосица въ пашняхъ, читаемъ, мы именно, недоразумѣній не вызываетъ;

*) VIII. 75
**) VIII, 23, 73, 224, 230

дача общая, и каждый казакъ станицы *можетъ распахивать свободныя мѣста по всей дачѣ*»,—есть полное основаніе думать, что такой же характеръ имѣетъ чрезполосное пользованіе пашнями и въ остальныхъ приведенныхъ выше случаяхъ. Что касается до покосовъ, то пять селеній Байхорской волости ежегодные передѣлы совершаютъ отдѣльно по двумъ сельскимъ обществамъ, но разъ въ пять лѣтъ между этими двумя обществами совершается поравненіе покосовъ; въ Куенгской станицѣ общій передѣлъ покосовъ между всѣми поселками совершается разъ въ три года, а затѣмъ, повидомому, ежегодно происходятъ передѣлы по каждому поселку особо; въ Ломовской станицѣ «покосы находятся въ общемъ пользованіи всего станичнаго округа. До 1888 года отдѣльные поселки владѣли покосамм по праву захвата, «по старинѣ»; съ 1888 до 1894 года станичный сходъ произвелъ нѣсколько разъ частичное поравненіе покосовъ между отдѣльными поселками, а въ 1894 году произведено поровненіе покосовъ между всѣми поселками», срокомъ на пять лѣтъ.

Рѣже встрѣчаются случаи общности владѣнія, выражающейся въ общихъ передѣлахъ по потопленію какъ къ пахатнымъ, такъ и сѣнокоснымъ землямъ*). Съ такимъ порядкомъ мы встрѣчаемся въ станицахъ Босинской, Аракиретской и Усть-Урлукской. Въ первой два изъ шести поселковъ совершенно обособились въ земельномъ отношеніи,—остальные четыре составляютъ сложную общину съ общими передѣлами обоихъ основныхъ угодій: пахатные участки были передѣлены въ 1867 году сначала между поселками, а затѣмъ по каждому поселку между отдѣльными хозяевами; покосы передѣляются ежегодно—также сначала между поселками, а затѣмъ между жителями каждаго поселка. Въ Аракиретской станицѣ сложную общину составляютъ пять поселковъ съ однимъ инородческимъ булукомъ Селенгинскаго вѣдомства; но полная общность существуетъ лишь по отношенію къ пашнямъ, которыя «поравнены сообща между всѣми селеніями»; въ отношеніи пользованія покосами эти шесть селеній распадаются на двѣ отдѣльныхъ сложныхъ общины.

Обратное имѣетъ мѣсто въ Усть—Урлукской станицѣ: здѣсь пять поселковъ составляютъ одну покосную общину съ періодически повторяющимися, разъ въ десять лѣтъ, общими передѣлами; въ отношеніи пахатныхъ земель два поселка совершенно выдѣлились изъ сложной общины, остальные же три остались при совмѣстномъ фактическомъ владѣніи съ періодическими передѣлами.

---

*) VIII, 85, 120, 127

Слѣдующую ступень на пути дробленія общихъ владѣній составляютъ станицы Шерагольская—Троицкосавскаго, и Куларская —Нерчинскаго округа: *) въ первой, пять поселковъ составляютъ одну сѣнокосную общину, передѣляющую покосы разъ въ пять лѣтъ; пашнями пользуются каждое селеніе особо, за исключеніемъ двухъ поселковъ, составляющихъ одну пахатную общину. Въ Куларской станицѣ каждый поселокъ представляетъ изъ себя самостоятельную пахатную общину, въ отношеніи же покосовъ два поселка выдѣлились въ совершенно отдѣльныя фактическія общины; два поселка хотя окончательно, повидимому, не выдѣлялись, но «пользуются изъ года въ годъ одними и тѣми же покосами,—остальные же три поселка представляютъ собою одну покосную общину, съ ежегодными общими передѣлами».

Обратное—по крайней мѣрѣ до извѣстной степени—явленіе представляютъ станицы Курлычепская, Олочинская и Актагучинская, Нерчинскаго и Нерчинско-Заводск. округовъ**): поселки каждой изъ первыхъ двухъ составляютъ совершенно отдѣльныя покосныя общины: въ третьей—четыре поселка владѣютъ покосами попарно, остальные нѣсколько поселковъ составляютъ отдѣльныя общины,—вездѣ «сѣнокосы передѣляются ежегодно по душамъ, и на памяти населенія общихъ покосовъ ни у кого изъ нихъ ни съ кѣмъ не было». Что касается до пашенъ, то способъ владѣнія ими въ «Матеріалахъ» не вполнѣ выясненъ: указывается только, что пашни у поселковъ каждой изъ станицъ въ сильнѣйшей степени чрезполосны, но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ указывается на постоянные споры, происходящіе благодаря этой черезполосности и на вытекающее изъ нея для нѣкоторыхъ поселковъ стѣсненіе, то это позволяетъ предполагать, что общность пользованія пахатными землями уже успѣла исчезнуть, и чрезполосно расположенныя пашни теперь уже состоятъ въ отдѣльномъ владѣніи поселковыхъ общинъ.

Чтобы покончить съ примѣрами болѣе или менѣе далеко идущаго фактическаго обособленія землевладѣнія при юридической его общности, (не останавливаясь притомъ на случаяхъ, гдѣ на основанія приводимыхъ въ 8—мъ томѣ данныхъ трудно выяснить дѣйствительный характеръ фактическаго владѣнія), приведемъ еще Турунтаевскую волость, Селенгинскаго округа***). Юридическихъ границъ землепользованія отдѣльныхъ селеній здѣсь не существуетъ,—но фактически «землевладѣніе каждаго изъ селеній или общинъ Турунтаевской волости обособ-

*) VIII, 125 и 232.
**) VIII, 229, 247, 256.
***) VIII, 79.

лено»,—причемъ однако общины не совпадаютъ, въ большинствѣ случаевъ, съ селеніями: только два селенія въ отношеніи пользованія передѣляемыми пашнями составляютъ отдѣльныя общины, остальныя же 11 селеній разбились на четыре пахатныя общины, отъ двухъ до четырехъ селеній въ каждой; при этомъ новыя расчистки de jure могутъ дѣлаться каждымъ селеніемъ, даже каждымъ домохозяиномъ, гдѣ онъ пожелаетъ и найдетъ подходящее мѣсто; de facto онѣ дѣлаются въ районѣ старыхъ пашенъ той или другой общины, хотя впрочемъ бываютъ случаи, что границы пахатнаго пользованія одной общины нарушаются членами другой; «раньше это бывало сплошь и рядомъ («земли было больше»), теперь же каждая община старается защищать удобныя для расчистки мѣста въ районѣ своего пользованія отъ попытокъ занять эти мѣста со стороны другихъ общинъ». Сѣнокосныя общины вполнѣ совпадаютъ съ пахатными—сѣнокосныя угодья расположены почти всюду рядомъ съ пашнями—и каждая община передѣляетъ ихъ совершенно отдѣльно отъ другихъ, причемъ остаткомъ прежняго общаго владѣнія является лишь сильная чрезполосица покосовъ.

Во всѣхъ приведенныхъ до сихъ поръ примѣрахъ «Матеріалы» не заключаютъ опредѣленныхъ указаній на время, когда произошло раздѣленіе прежняго общаго пользованія, хотя самый отводъ группамъ селеній, ныпѣ пользующихся раздѣльно, общихъ земельныхъ дачъ даетъ извѣстное право на предположеніе, что обособленіе фактическихъ владѣній произошло уже послѣ межеванія. Затѣмъ въ рядѣ случаевъ, гдѣ нынѣшнее владѣніе землею представляется фактически,—а иногда и юридически—раздѣльнымъ, «Матеріалы» даютъ болѣе или менѣе категорическія указанія относительно времени, а также и самаго способа прекращенія прежняго общаго владѣнія. *) Въ нѣсколькихъ изъ подобнаго рода случаевъ раздѣлъ общаго владѣнія былъ произведенъ самими крестьянами, безъ правительственнаго вмѣшательства; такъ, въ 1849 году пять селеній Тамирской волости (Верхнеуд. у.), ранѣе составлявшія одну покосную общину, окончательно разбились на двѣ общины; въ 1856 году выдѣлился въ особую покосную общину одинъ изъ поселковъ Титовской станицы (Чит. окр.), а три другихъ поселка той же станицы, имѣвшіе общую юридическую дачу въ сравнительно недавнее, ближе не обозначенное время, полюбовно разбились на три отдѣльныя фактическія общины; около 1870 года отдѣлилось въ отношеніи владѣнія покосами сел. Ново-Кукинское, раньше пользовавшееся сов-

*) VIII, 31, 39, 44—45, 116, 132, 149—150, 220, 227,

мѣстно съ селеніемъ Жипкошинскимъ, Николаевской вол., Читинскаго округа. Болѣе многочисленны случаи, когда раздѣлъ прежнихъ общихъ владѣній совершался при участіи правительственныхъ землемѣровъ. Такъ въ 1859 г., при происходившемъ въ то время межеваніи, пользовавшаяся ранѣе сообща Коротковская волость (Верхнеуд. окр.) миролюбиво раздѣлилась на 4 дачи, изъ которыхъ три были отведены отдѣльнымъ селеніямъ, одна—группѣ изъ шести селеній, которая послѣ того раздѣлилась на двѣ отдѣльныхъ сложныхъ общины. Въ началѣ 60-хъ годовъ, какъ можно думать, этимъ же путемъ обособились въ населенныя юридическія общины всѣ поселки Цакирской станицы (Троицкос. окр.); около 1882 года крестьяне сел. Старо-Кукинскаго (Никол. в., Чит. окр.) отдѣлились отъ казаковъ поселка того же наименованія; въ 1888 году произведено было землемѣромъ размежеваніе на поселенные отрубы покосовъ Кулаковской станицы (Нерч. окр.), причемъ межеваніе это не получило утвержденія, и тѣмъ не менѣе поселки названной станицы и по настоящее время пользуются покосами раздѣльно, въ границахъ этого межеванія; въ 1882 г. черезъ землемѣра произведенъ былъ раздѣлъ между двумя, въ 1892 году—между другими двумя, ранѣе совмѣстно владѣвшими селеніями Мухоръ-Шибирской волости (Верхнеуд. окр.), причемъ размежеваніе это породило неразрѣшенные по настоящее время земельные споры; такіе же результаты имѣло и размежеваніе, произведенное такъ же въ 1892 году между крестьянами сел. Санномыскаго (Кульск. вол. Верхнеудинск. окр.) и находившимися въ общемъ съ ними владѣніи казаками поселка того же наименованія.

Такимъ образомъ факты раздѣла общихъ владѣній распредѣляются довольно равномѣрно по территоріи области, и притомъ разбросаны на столь значительномъ протяженіи времени, что было-бы невозможно объяснять ихъ какими-либо посторонними вліяніями или вообще случайными обстоятельствами,—въ нихъ слѣдуетъ, кажется намъ, видѣть проявленіе того самаго стремленія къ раздѣлу общихъ владѣній, которое, несомнѣнно, обнаруживается и въ западнѣе лежащихъ частяхъ Сибири*) и является, очевидно, весьма частымъ спутникомъ перехода отъ первоначальныхъ, захватныхъ, къ болѣе совершеннымъ уравнительнымъ формамъ пользованія, и отъ первобытно-экстенсивныхъ къ сравнительно болѣе интенсивнымъ способамъ хозяйства.

Однако, даже и тамъ, гдѣ, по простому ли добровольному соглашенію или при участіи правительственнаго землемѣра, совершился окончательный раздѣлъ прежняго общаго владѣ-

*) См. нашу книгу «Крест. общ. въ Сибири», стр. 32—43.

нія; этотъ раздѣлъ далеко не всегда и не сразу установляетъ совершенно обособленное владѣніе всѣми угодьями. Напротивъ—въ «Матеріалахъ» имѣется рядъ указаній на случаи, когда фактически или даже юридически раздѣлившіяся общины проявляютъ болѣе или менѣе ясные слѣды прежней общности владѣнія *). Наиболѣе рельефные случаи этого рода наблюдаются у казаковъ Читинскаго и Нерчинскаго округовъ. Такъ, поселки Усть-Чиронскій и Усть-Ононскій, Митрофановской станицы, въ отношеніи пользованія покосами давно отдѣлились одинъ отъ другого; «но все таки еще и въ настоящее время, если у одного поселка случится плохой урожай травъ, то другой поселокъ уступаетъ ему на годъ, по соглашенію, часть своихъ покосовъ». Въ Житкинской станицѣ каждый изъ шести поселковъ владѣетъ отдѣльною юридическою дачей; и несмотря на это, въ виду недостатка покосовъ у однихъ изъ поселковъ и сравнительнаго изобилія ихъ у другихъ, «изъ сѣнокосныхъ земель послѣднихъ отведено, по приговору станичнаго схода, нѣсколько участковъ нуждающимся поселкамъ». Въ Больше-Зерентуйской станицѣ всѣ поселки имѣютъ отдѣльные земельные участки; но такъ какъ у южныхъ поселковъ станицы въ сухіе годы не хватаетъ покосовъ, то пять поселковъ обратились къ войсковому наказному атаману съ просбою разрѣшить уравненіе покосныхъ угодій между поселками; съ согласія наказнаго атамана, станичный сходъ въ 1893 году произвелъ такое уравненіе. причемъ малоземельнымъ поселкамъ было отведено по нѣскольку сотъ десятинъ изъ владѣній многоземельныхъ, одинъ изъ которыхъ долженъ былъ отдать свыше 1600 десятинъ земли. Въ Дуроевской станицѣ всѣ шесть поселковъ, имѣя одну общую юридическую дачу, обособились въ шесть фактическихъ общинъ, границы которыхъ опредѣлены по взаимному соглашенію населенія; несмотря на это «ни одно поселковое общество никогда не запрещаетъ другому пользоваться, въ случаѣ нужды, лишними покосами или пригонять для выпуска свой скотъ». Въ станицѣ Цаганъ-Олуевской, гдѣ общая юридическая дача также разбилась на поселенныя фактическія дачи «ниодинъ поселокъ, въ силу станичнаго приговора, не вправѣ запретить другому поселку Цаганъ-Олуевской станицы пользоваться угодьями въ своей дачѣ»; дѣйствительно—только между двумя поселками этой станицы происходилъ споръ изъ за сѣнокосной пади; всѣ остальные поселки никогда не воспрещаютъ другъ другу пользоваться угодьями своихъ дачъ, и только въ присельные выгоны не дозволяется пригонять скотъ другихъ поселковъ. Въ Срѣтинской станицѣ всѣ поселки строго соблю-

*) VIII, 199, 200, 217, 218, 226

дают «какія-то прежнія межи между отдѣльными селеніями»; въ частности, одинъ выселокъ, Делюпскій, возникшій въ 1870 году, имѣетъ дачу, отведенную правительственнымъ землемѣромъ; такъ какъ дача эта оказалась недостаточною для быстро увеличившагося, благодаря приселеніямъ, населенія, то «Делюнцы скоро распахали свою дачу, послѣ чего начали пахать земли казаковъ Епифановскаго поселка; послѣдніе противились этому силой, Делюнцы обратились въ станичный сходъ съ жалобою на нихъ, и сходъ, имѣя въ виду, что делюнцамъ дѣйствительно негдѣ производить новыя распашки, разрѣшилъ имъ свободно пахать по всѣмъ землямъ станичнаго округа».

Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ состоявшійся раздѣлъ, очевидно, еще не окончательно уничтожилъ прежнія представленія относительно принадлежащаго извѣстной группѣ поселковъ права общаго владѣнія по отношенію къ извѣстной территоріи,—представленія, получающаго реальное осуществленіе, когда селеніе, прежде совмѣстно съ другими владѣвшее общею дачею, испытываетъ острый недостатокъ въ угодьяхъ, могущій быть пополненнымъ на счетъ избытка угодій другихъ селеній.

Въ рядѣ другихъ случаевъ, наблюдаемыхъ по преимуществу также у Нерчинскихъ и Нерчинско-Заводскихъ казаковъ, сознаніе общности правъ на землю уже ни въ чемъ не проявляется,—и слѣдомъ прежней общности права на производство распашекъ на извѣстной территоріи, является лишь сильно выраженная чрезполосность пахатныхъ земель формально размежеванныхъ между собою селеній или одностороннее захожденіе распашекъ однихъ селеній на территорію другихъ, имѣющихъ формально отграниченныя или фактически обособившіяся, въ смыслѣ права пользованія землею, дачи*). Съ такою чрезполосицею мы встрѣчаемся, напр., въ станицахъ Ново-Троицкой, Догъ-Инской, Кулаковской, Олочинской и особенно Ундинской,—территорія однихъ изъ этихъ станицъ разбита на отдѣльныя юридическія дачи по поселкамъ или группамъ поселковъ, причемъ запашки казаковъ однихъ юридическихъ общинъ заходятъ на территоріи другихъ, сосѣднихъ; другія имѣя общую на цѣлую станицу дачу, лишь фактически обособились на отдѣльныя пахатныя и сѣнокосныя общины съ сильною чрезполосностью между пашнями отдѣльныхъ поселковъ. До какой степени доходитъ такая чрезполосица, рѣзче всего видно на примѣрѣ Ундинской станицы, гдѣ, по исчисленію изслѣдователя, общее количество пашенъ, воздѣлываемыхъ казаками въ дачахъ сосѣднихъ поселковъ, превышаетъ 1600 десятинъ.

*) VIII, 205—207, 208—209, 213, 221, 248, 255.

Приведенныя на предыдущихъ страницахъ данныя, несмотря на свою несомнѣнную неполноту и отрывочность, а иногда и сбивчивость, могутъ, кажется намъ, дать достаточное понятіе о томъ процессѣ дробленія сложныхъ общинъ, который совершается на большой части пространства Забайкальской области и который составляетъ, несомнѣнно, самую характерную черту эволюціи забайкальскаго землевладѣнія. У крестьянъ и казаковъ другой, въ общемъ не менѣе значительной части области, процессъ раздробленія волостныхъ, станичныхъ и вообще большихъ сложныхъ общинъ успѣлъ уже завершиться окончательно, причемъ лишь въ меньшинствѣ случаевъ распаденіе ихъ на поселенныя общины осталось чисто фактическимъ, въ большинствѣ же случаевъ оно такъ или иначе закрѣплено правительственнымъ межеваніемъ, сдѣлавшимъ изъ селеній обособленныя юридическія общины.

Изъ массы случаевъ разсматриваемаго рода надлежитъ однако выдѣлить, прежде всего, сравнительно небольшое число случаевъ, чаще наблюдавшихся у Верхнеудинскихъ крестьянъ и лишь единично—у крестьянъ и казаковъ нѣкоторыхъ другихъ округовъ*)—случаевъ, еще имѣющихъ до извѣстной степени переходный характеръ; это именно случаи, когда еще сохранились небольшія сложныя общины, по два, рѣже по три селенія каждая, составляющія однако лишь рѣдкое исключеніе въ общей массѣ односелыныхъ общинъ, на которыя распалась та или другая волость или станица; другими словами,—когда волость или станица распалась на мелкія общины, изъ которыхъ значительное большинство односеленныя, и какая нибудь одна или двѣ небольшія составныя общины. «Матеріалы» не даютъ намъ положительныхъ указаній для объясненія подобнаго рода случаевъ; можно только высказать предположеніе, что пары селеній, не поддавшіяся общему стремленію къ выдѣлу въ совершенно отдѣльныя общины,—это селенія, особенно тѣсно связанныя либо происхожденіемъ —напр. селеніе съ выселкомъ—, либо чрезполосностью или иными условіями расположенія угодій, дѣлающими сохраненіе общности владѣнія хозяйственною необходимостью.

Если-бы, затѣмъ, строго придерживаться указаній 8-го тома «Матеріаловъ», то намъ пришлось бы раздѣлить тѣ группы крестьянскаго и казачьяго населенія, которыя въ отношеніи пользованія культурными угодьями совершенно и окончательно распались на односеленныя общины, на двѣ категоріи; къ одной отнеслись бы тѣ, относительно которыхъ въ «Матеріалахъ» имѣется указаніе на сохранившуюся общность пользованія всѣми или нѣкоторыми выгонами и пастбищами, къ другой—

*) VIII, 28, 32, 33, 34, 38—40, 81, 89, 117, 137—158

такія группы, относительно которыхъ подобнаго рода указаній не имѣется или даже прямо отмѣчено, что всѣ селенія имѣютъ отдѣльные вагопы. Однако, осторожиѣе будетъ не проводить подобнаго дѣленія: въ виду практикующихся въ Забайкальѣ пастбищныхъ порядковъ едва-ли возможно допустить, чтобы пользованіе выгонами и пастбищами дѣйствительно могло быть гдѣ-либо вполиѣ замкнуто въ предѣлы поселенной дачи: если извѣстная часть выгоновъ селенной общины, въ извѣстное время, можетъ быть, дѣйствительно закрыта для скота постороннихъ общинъ, то этотъ скотъ несомиѣнно пасется, не разбирая границъ, хотя-бы въ осеннее время, когда раскрываются поскотины и значительная часть гулевого скота оставляется даже безъ всякаго надзора. Наличность въ однихъ случаяхъ и отсутствіе въ другихъ отмѣтки объ общности пользованія выгонами должны быть, поэтому, отнесены скорѣе къ неоднородности записей различныхъ изслѣдователей, нежели къ какимъ-либо дѣйствительнымъ различіямъ въ складѣ землевладѣнія тѣхъ или другихъ общинъ.

Если затѣмъ соединить въ одну категорію всѣ тѣ группы крестьянскаго и казачьяго населенія, у которыхъ окончательно завершилось обособленіе поселенныхъ общинъ по владѣнію основными угодьями, независимо отъ того, какъ населеніе пользуется выгонами, *)то окажется, что наибольшіе успѣхи раздробленіе сложныхъ общинъ сдѣлало у крестьянъ Читинскаго, затѣмъ—Верхнеудинскаго округа; у казаковъ—главнымъ образомъ въ Читинскомъ и Акшинскомъ округѣ,—въ значительно меньшей мѣрѣ—въ Троицкосавскомъ.

Если именно къ группамъ съ исключительно поселеннымъ владѣніемъ присоединить еще и тѣ, въ которыхъ, какъ мы видѣли, при господствующемъ поселенномъ владѣніи сохранились еще отдѣльныя небольшія составныя общины, то въ общей сложности къ числу группъ съ наиболѣе раздробившимся землевладѣніемъ придется отнести: у крестьянъ Читинскаго округа 8 волостей изъ общаго числа десяти, у Верхнеудинскихъ—10 изъ 20 волостей; у казаковъ Акшинскаго округа—7 станицъ изъ двѣнадцати, у Троицкосавскихъ—четыре изъ одиннадцати, въ Читинскомъ же округѣ эта форма владѣнія установилась уже во всѣхъ казачьихъ станицахъ; въ остальныхъ округахъ Забайкалья преобладаніе принадлежитъ еще болѣе или менѣе сохранившимся или разлагающимся въ данное время формамъ общаго владѣнія.

---

*) А.) Общины съ общностью выгоновъ—VIII, 25. 30, 33. 37, 40. 116. 117, 124, 83, 89, 136—139. 145, 146. 185, 187. 189. 191. 194. 201. 202. Б.) Поселенная община безъ общности выгоновъ—VIII. 42—43. 130. 132. 134. 141. 142, 144. 207,—208. 253.

Было бы чрезвычайно интересно выяснить, въ зависимости отъ какихъ обстоятельствъ распаденіе сложныхъ формъ общиннаго землевладѣнія сдѣлало въ однихъ мѣстностяхъ Забайкалья большіе, въ другихъ—меньшіе успѣхи. Къ сожалѣнію однако сопоставленіе данныхъ, собранныхъ въ 8-мъ томѣ „Матеріаловъ» съ данными относительно размѣровъ землевладѣнія, характера хозяйства и формъ землепользованія, не даетъ никакого опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Естественнѣе всего было-бы ожидать, что обособленіе селенныхъ землевладѣній будетъ идти попутно съ сокращеніемъ земельнаго простора, интесификаціею хозяйства и переходомъ отъ захватныхъ къ общинно-уравнительнымъ формамъ землепользованія. Но въ дѣйствительности подобнаго параллелизма совершенно не наблюдается. Въ самомъ дѣлѣ: у крестьянъ наиболѣе сильное обособленіе поселенныхъ землевладѣній замѣчается въ Читинскомъ, затѣмъ—въ Верхнеудинскомъ округѣ; но только второй является послѣднимъ по степени земельной обезпеченности крестьянъ, первымъ по размѣрамъ запашекъ и притомъ относится къ числу районовъ со сравнительно—хотя и не наиболѣе—интенсивнымъ характеромъ земледѣлія; напротивъ Читинскій округъ—наиболѣе многоземельный (если имѣть въ виду однихъ крестьянъ) изъ округовъ Забайкалья, въ хозяйствѣ крестьянъ болѣе нежели гдѣ либо преобладаетъ скотоводство, а земледѣліе хотя и довольно обширно, но ведется самыми экстенсивными способами. Что касается до формъ пользованія землею и въ частности—пахатными угодьями, то Верхнеудинскій округъ принадлежитъ къ числу мѣстностей съ наиболѣе развитыми формами душевого пользованія; напротивъ, въ Читинскомъ всецѣло господствуетъ еще захватъ, а общинно - уравнительное пользованіе почти не встрѣчается въ чистомъ видѣ и лишь изрѣдка встрѣчается въ комбинаціи съ разными видами захвата. Не болѣе соотвѣствія между формами землевладѣнія, съ одной стороны и размѣромъ землевладѣнія, характеромъ хозяйства и формами землепользованія, съ другой, можно найти у казаковъ. Наибольшая обособленность селенныхъ землевладѣній наблюдается, какъ мы знаемъ, у казаковъ Читинскихъ и Акшинскихъ; между тѣмъ Акшинскіе казаки,—и самые богатые землею изъ всѣхъ казаковъ Забайкалья,—по размѣрамъ скотоводства превосходятъ какую бы то ни было другую группу населенія области, по размѣрамъ-же запашекъ занимаютъ, наоборотъ, послѣднее мѣсто среди ея русскаго населенія, а по экстенсивности земледѣлія и особенно—скотоводства въ значительной мѣрѣ приближаются къ инородческому хозяйственному типу; Читинскіе казаки принадлежатъ къ наиболѣе малоземельнымъ, по размѣрамъ же

какъ запашекъ, такъ и скотоводства они стоятъ ниже казаковъ большинства другихъ округовъ; что касается наконецъ до формъ землепользованія, то какъ у Акшинскихъ, такъ и у Читинскихъ казаковъ по отношенію къ пашнямъ безраздѣльно господствуютъ различные виды захвата, а общинно-уравнительные способы пользованія у Акшинскихъ казаковъ вовсе не встрѣчаются, у Читинскихъ же отмѣчены всего лишь въ одной общинѣ.

Ясно, что изъ сказаннаго нельзя сдѣлать никакихъ опредѣленныхъ выводовъ: обособленіе землевладѣній происходило въ однихъ случаяхъ при наибольшемъ просторѣ, наиболѣе экстенсивномъ хозяйствѣ и наибольшемъ преобладаніи захватныхъ формъ пользованія, въ другихъ—при сравнительномъ малоземельѣ, болѣе интенсивномъ характерѣ хозяйства и большей распространенности душевыхъ формъ пользованія. Никакой опредѣленной зависимости между степенью обособленія селенныхъ землевладѣній и разсмотрѣнными только что факторами установить, очевидно, нельзя, а потому вопросъ объ условіяхъ, въ однѣхъ мѣстностяхъ Забайкалья, ускорившихъ въ другихъ —замедлившихъ процессъ распаденія сложныхъ общинъ, мы должны оставить открытымъ.

V.

Обширная монографія о формахъ землепользованія составляющая 10-й томъ «Матеріаловъ» имѣетъ цѣлью выяснить, «какія обычно-правовыя нормы выработало населеніе Забайкальской области по отношенію къ пользованію земельными угодьями *въ предѣлахъ отдѣльныхъ общинъ* (курсивъ нашъ) все равно, простыхъ или сложныхъ, фактическихъ или юридическихъ». Авторъ монографіи имѣетъ въ виду «прослѣдить, какія возрѣнія на пользованіе землею выработались у различныхъ разрядовъ забайкальскаго населенія: инородцевъ, казаковъ и крестьянъ, подъ вліяніемъ весьма разнородныхъ естественно-историческихъ и культурныхъ условій; какія формы землепользованія должны считаться первоначальными и какія—позднѣйшаго происхожденія, и наконецъ—въ какомъ направленіи о подъ вліяніемъ какихъ причинъ совершается въ Забайкальѣ процессъ развитія однѣхъ формъ землепользованія изъ другихъ». *) Главною задачею своей работы авторъ ставитъ «прослѣдить на обширномъ пространствѣ Забайкальской области тотъ естественный рядъ формъ землепользованія, для развитія котораго въ отдѣльныхъ общинахъ потребовались многіе десятки, а то и сотни лѣтъ», другими словами—на ос-

*) X, 1.

нованіи изученія данныхъ, относящихся къ *настоящему* времени или самому недавнему прошлому возсоздать ту *исторію развитія* первоначальныхъ общинныхъ формъ, надъ возстановленіемъ которой, на основаніи аналагичнаго фактическаго матеріала, трудился цѣлый рядъ мѣстныхъ сибирскихъ изслѣдователей.

Собственно *формы* землепользованія, встрѣчающіяся въ Забайкальѣ,—по большей части тѣ же, которыя уже подробно описаны мѣстнымъ изслѣдованіемъ четырехъ сибирскихъ губерній, данныя котораго, по разсматриваемому вопросу, сведены въ нашей книгѣ «Крестьянская община въ Сибири». Мы упоминаемъ здѣсь же объ этомъ обстоятельствѣ потому, что оно избавляетъ насъ отъ необходимости вдаваться въ подробную характеристику отдѣльныхъ формъ. Настоящій очеркъ, по своему спеціальному характеру, не можетъ разсчитывать на слишкомъ широкій кругъ читателей; мы вправѣ потому предполагать, что лица, которыя имъ заинтересуются, уже болѣе или менѣе знакомы съ результатами предыдущихъ работъ по изслѣдованію сибирской общины,—знакомы, слѣдовательно, и съ содержаніемъ каждой изъ тѣхъ отдѣльныхъ формъ пользованія, борьба и взаимная смѣна которыхъ составляетъ всю суть до крайности пестрыхъ внутри-общинныхъ земельныхъ отношеній въ Сибири. Намъ необходимо только условиться относительно терминологіи, которой мы будемъ держаться въ дальнѣйшемъ, потому что почти каждый изъ мѣстныхъ изслѣдователей и лицъ, писавшихъ о сибирской общинѣ, держался своей собственной терминологіи, и ни одна терминологія не пріобрѣла еще полнаго права гражданства въ спеціальной литературѣ. Мы будемъ придерживаться въ настоящимъ очеркѣ, по отношенію къ до-передѣльнымъ формамъ, терминологіи автора разсматриваемой нами монографіи, г. Кроля, *) которая въ главнѣйшемъ совпадаетъ съ терминологіею, принятою нами въ нашей свободной работѣ о сибирской земельной общинѣ**) и отличается отъ послѣдней только терминомъ «ограниченный захватъ», который г. Кроль предлагаетъ взамѣнъ термина «захватно-общинное пользованіе», впервые примѣненнаго М. М. Дубенскимъ и принятаго нами въ сказанной свободной работѣ; терминъ г. Кроля, кажется намъ, дѣйствительно ближе подходитъ къ сущности обозначаемой имъ формы и притомъ не предрѣшаетъ вопроса о вмѣшательствѣ общины, какъ цѣлаго, которое, хотя всегда можетъ подразумѣваться, но далеко не всегда можетъ—при этой формѣ—быть положительно доказано.

---

*) X, I—6.

**) «Кр. община въ Сиб.» стр. 44—47.

Такимъ образомъ въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ имѣть дѣло со слѣдующими формами пользованія:

Вольное пользованіе—такая первоначальная форма, «при которой пользованіе извѣстными угодьями не только ничѣмъ не ограничивается, но при которой самый фактъ пользованія не создаетъ еще никакихъ длящихся отношеній къ землѣ».*)

Захватное пользованіе или *чистый захватъ*—та чистая форма захватнаго пользованія землею, которая по содержанію своему ничѣмъ не отличается отъ собственности,—при которой лицо, захватившее извѣстный участокъ земли,«не только пользуется имъ безъ срока, не только можетъ завѣщать его или уступать на время кому пожелаетъ, но даже въ правѣ осуществить фактически самый высшій элементъ права собственности—никого не спрашивая отчуждать свою землю кому угодно—односельчанину или постороннему».**)

Ограниченный захватъ, т. е. такая переходная отъ чистаго захвата форма, при которой «первоначальнымъ основаніемъ владѣнія все еще продолжаетъ оставаться захватъ, но объемъ правъ лица, занявшаго землю путемъ захвата, въ той или иной степени, въ томъ или иномъ видѣ уже ограниченъ властью успѣвшаго почувствовать свою силу міра»***)

Мы будемъ также придерживаться, пока, и тѣхъ терминовъ, которыми г. Кроль обозначаетъ разныя ступени развитія общинно-уравнительнаго или—какъ предпочитаетъ называть г. Кроль—уравнительнаго пользованія: «частное поравненіе»—форма, при которой владѣніе продолжаетъ еще основываться на захватѣ, но община дѣлаетъ отрѣзки для надѣленія отдѣльныхъ безземельныхъ или малоземельныхъ отъ отдѣльныхъ же дворовъ, имѣющихъ рѣзко бросающійся въ глаза избытокъ земли: «общее поравненіе»—форма, при которой захватъ, какъ основа владѣнія издавна пользующихся землею дворовъ, еще не утратилъ своего значенія, но отрѣзки отъ имѣющихъ излишки сверхъ установленной нормы въ пользу безземельныхъ или малоземельныхъ дворовъ захватываютъ сразу всѣхъ домохозяевъ дальной общины, и «передѣлъ»—форма, при которой захватный принципъ окончательно утратилъ всякое значеніе и пользованіе каждаго отдѣльнаго члена общины основывается исключительно на распоряженія общины, основанномъ на уравнительномъ началѣ. Но, повторяю, эту классификацію я принимаю только *пока*, буду пользоваться ею только при обзорѣ распространенности общинно-уравнительныхъ формъ,—въ дальнѣйшемъ же долженъ буду сдѣлать нѣкоторыя

*) X, 2.
**) X, 2.
***) X, 5.

возраженія противъ того, по моему мнѣнію, слишкомъ широкаго употребленія, которое г. Кроль дѣлаетъ изъ термина «общее поравненіе».

Не могу не замѣтить затѣмъ, что удерживая терминъ «вольное» пользованіе, я расхожусь съ авторомъ новѣйшаго общаго сочиненія о русской общинѣ, г. Качаровскій, съ замѣчательною полнотою и выдающеюся талантливостью использовавшимъ для своего общаго обзора общинныхъ формъ данныя сибирскихъ изслѣдованій. Г. Качоровскій, именно, не находитъ основанія выдѣлять тѣ разновидности захвата, которыя мы называемъ «вольною» и «захватною» формами, въ двѣ особыя формы, а думаетъ, что «при наибольшемъ земельномъ просторѣ и къ тому, и къ другому случаю захвата одинаково приложимъ терминъ *семейно - захватнаго* владѣнія, такъ какъ при нихъ совершенно тождественны и объемъ, и основаніе этого семейно - захватнаго права».*)

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробный разборъ вопроса о тождествѣ или наоборотъ—существенномъ различіи временнаго и долгосрочнаго захвата,—мы надѣемся сдѣлать это въ другомъ мѣстѣ, когда доставимъ себѣ удовольствіе подробно говорить о работѣ г. Качоровскаго. Замѣтимъ здѣсь только, что при несомнѣнномъ тождествѣ въ *основаніяхъ*, эти двѣ формы настолько различны въ своихъ проявленіяхъ, что, хотя бы въ цѣляхъ практическаго удобства, лучше сохранить за ними, по прежнему, отдѣльные термины—«захватнаго» и «вольнаго» пользованія.

VI.

Обращаясь къ обзору формъ пользованія у забайкальскихъ инородцевъ, мѣ должны прежде всего задаться вопросомъ, котораго намъ не придется ставить по отношенію къ русской части населенія Забайкалья: *что такое инородческая община?*

Мы уже видѣли выше, что забайкальскіе инородцы владѣютъ землею по крупнымъ административнымъ дѣленіямъ,**) вѣдомствамъ или инороднымъ управамъ, состоящимъ иногда изъ очень обширныхъ группъ населенія раздѣленныхъ на «поколѣнія» или роды, Эта общность владѣнія «для кочевыхъ инородцевъ представляетъ не одинъ только отвлеченный интересъ,—она имѣетъ для нихъ также громадное практическое значеніе, такъ какъ въ неурожайные годы многіе инородцы перекочевываютъ на ветоши съ одного конца вѣдомства на другой; нерѣдко жителями весьма отдаленныхъ общинъ заготовляется въ другихъ

*) К. Качоровскій. Русская община, т. I. С.-Пб. 1900 г. стр. 110—111.
**) X. 7—8.

мѣстностяхъ сѣно на всю зиму, накопецъ въ нѣкоторыхъ вѣдомствахъ кочевки съ одного конца владѣемой вѣдомствомъ территоріи на другой представляютъ весьма обычное явленіе, періодически уменьшающееся въ своихъ размѣрахъ въ благополучные, «травяные» годы и возрастающее въ годы засушливые, въ холодныя зимы и т. п.».

Однако, какъ показано выше, *полная*, общность владѣнія въ настоящее время сохранилась, въ большинствѣ инородческихъ вѣдомствъ, только по отношенію къ пастбищамъ; «сѣнокосами и пахатными землями кочевые инородцы въ большинствѣ случаевъ владѣютъ уже на совершенно другихъ основаніяхъ: вѣдомства почти вездѣ уже успѣли раздробиться на множество *пахатныхъ и покосныхъ общинъ*, въ предѣлахъ которыхъ формы пользованія землею разнообразятся чрезвычайно».*)

Итакъ, инородческая пахатная и сѣнокосная община въ видѣ общаго правила не совпадаетъ въ настоящее время съ волостью или инородною управой, съ которою когда то совпадала. Не совпадаетъ эта община и съ родомъ и его подраздѣленіями. Еще въ первой четверти XIX столѣтія, когда Сперанскій выработалъ свой Уставъ объ инородцахъ,**) «была въ полной силѣ родовая связь, объединяющая членовъ каждаго рода; связь эта еще усугублялась *общимъ пользованіемъ родовичей землями*», почему и весь уставъ 1822 года пріуроченъ былъ къ родовому быту. Но въ настоящее время родовой бытъ въ полномъ разложеніи, обусловливаемъ прежде всего увеличеніемъ численнаго состава родовъ, а затѣмъ—и нѣкоторыми чисто хозяйственными причинами; въ числѣ послѣднихъ необходимо на первый планъ поставить случаи, когда цѣлыя группы инородцевъ, вслѣдствіе недостаточности земельныхъ угодій, «перекочевывали на болѣе привольныя земли представителей чуждаго имъ рода, съ которыми у нихъ вскорѣ устанавливалась общность семейныхъ и хозяйственныхъ интересовъ, связь же со своими родовичами окончательно терялась».***) Что инородческія «общины», внутри которыхъ слагались подлежащія нашему изученію формы землепользованія, не только не тождественны съ родомъ, но даже не связаны съ нимъ непосредственно генетическою связью, это видно уже изъ цифровыхъ данныхъ о составѣ подвергнутыхъ изслѣдованію инородческихъ общинъ:****) изъ общаго числа послѣднихъ всего 18, 3% съ населеніемъ, составляющимъ 16, 9% всего инородческ. населенія, оказались состоящими изъ членовъ одного рода, остальныя 81, 7% съ 83, 1% населенія, состоятъ изъ

*) X, 8.
**) VI, 108.
***) VI, 109.
****) VI, 110.

представителей болѣе или менѣе разнообразныхъ родовъ. При такой территоріальной перепутанности родовъ естественно, что родъ у забайкальскихъ инородцевъ мало по малу теряетъ всякое значеніе и постепенно передаетъ свои функціи другимъ, частью естественнымъ, частью искусственнымъ соединеніямъ.*). Дольше всего родъ оставался, повидимому, податною единицею и въ частности—союзомъ для совмѣстнаго отбыванія натуральныхъ повинностей. Но и отбываніе натуральныхъ повинностей и въ частности—междудворной гоньбы, «практиковавшееся прежде по родамъ, послѣ смѣшенія родовъ сдѣлалось окончательно невозможнымъ,**) что и послужило—какъ намъ приходилось уже упоминать поводомъ къ искусственному созданію «булуковъ», территоріальныхъ общинъ, въ составъ каждой изъ которыхъ вошли инородцы, имѣющіе стойбища въ нѣсколькихъ сосѣднихъ урочищахъ. Однако, какъ мы уже знаемъ изъ предыдущаго (стр. 30), и булукъ только болѣе или менѣе случайно совпадаетъ съ земельною общиною. Не говоря уже о совершенно безформенномъ, если можно такъ выразиться, пользованіи покосами, гдѣ эти послѣдніе не огораживаются, «даже въ булукахъ, въ которыхъ покосы находятся въ общей городьбѣ, земельной общины въ общепринятомъ смыслѣ, по словамъ г. Кроля, не существуетъ».***).

Наконецъ, земельная община у кочевыхъ инородцевъ не совпадаетъ и съ селеніемъ—у нихъ, какъ тоже было выяснено въ своемъ мѣстѣ, не существуетъ и понятія селенія, такъ разселеніе ихъ, соотвѣтственно условіямъ кочевого быта, происходитъ неопредѣленными, также, можно сказать безформенными группами.

Итакъ, инородческая община въ Забайкальѣ не есть ни вѣдомство или управа, ни родъ или часть рода, ни селеніе, ни булукъ. Точнаго и опредѣленнаго, положительнаго отвѣта на занимающій насъ въ данную минуту вопросъ мы не найдемъ ни у г. Кроля, ни въ другихъ томахъ «Матеріаловъ». Точный и опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: что такое инородческая община? и не былъ, повидимому, возможенъ, ибо самая эта община—явленіе еще неслагающееся, параллельно съ переходомъ отъ незнавшаго общины чисто-кочевого быта къ осѣдлому, связанному съ развитіемъ сѣнокошенія и хлѣбопашества. При чисто-кочевомъ бытѣ, когда скотъ круглый годъ питался подножнымъ кормомъ, а населеніе вовсе не имѣло постоянныхъ жилищъ, и владѣніе, и пользованіе пастбищами, лѣсомъ, охотничьими угодьями, имѣли совершенно

*) VI, 111.
**) VI, 112.
***) X, 11.

безформенный характеръ: «довольствовались вообще всѣмъ безвозбранно», какъ говорится въ цитируемомъ г. Кролемъ составленномъ въ 1823 году проектѣ степного положенія Селенгинскихъ инородцевъ. Сѣнокосныя и пахатныя общины—какъ и сами пашни и сѣнокосы, сравнительно недавняго происхожденія; инородческая покосная община (а между тѣмъ по отношенію къ покосамъ, какъ наиболѣе цѣнному угодью, формы пользованія у забайкальскихъ инородцевъ представляются еще наиболѣе выработанными)—«является, по словамъ г. Кроля, нерѣдко понятіемъ весьма неопредѣленнымъ и въ значительной степени формальнымъ». *) Когда по отношенію къ покосамъ существуетъ *вольная* форма пользованія, и въ значеніи, выше нами объясненномъ, у инородцевъ нельзя найти и зародыша земельной общины. Факторомъ, создающимъ забайкальскую инородческую общину, является—и въ этомъ ея своеобразность—*огораживаніе угодій. Моментъ возникновеніе городьбы это моментъ появленія на свѣтъ инородческой земельной общины;* «владѣльцы покосовъ—говоритъ г. Кроль**)—объединяются только совмѣстною городьбою поскотинъ, и вѣрнѣе всего было бы назвать такую покосную, объединенную валовой поскотиной общину—поскотинною общиной. Если первоначальную форму пользованія сѣнокосами составляло у бурятъ сѣнокошеніе вольное, не знавшее никакихъ ограниченій и не нуждавшееся ни въ какихъ огорожахъ, то самой характерною и замѣчательною чертою формы пользованія покосами, слѣдующей за вольнымъ сѣнокошеніемъ (объ этой формѣ—см. ниже), является сильное распространеніе обычая загораживать покосы». При этомъ «городили по одиночкѣ, городили нѣсколько человѣкъ артельно, наконецъ много хозяевъ соглашались соорудить общую большую поскотину для предохраненія сѣнокосовъ отъ потравъ скота, для сохраненія ветошей и по другимъ соображеніямъ». Въ результатѣ «на территоріи одного булука встрѣчаются горожники, принадлежащіе одному хозяину, двумъ, тремъ, десяти, двадцати и т. д.», другими словами—зародышевыя общины изъ двухъ, трехъ, десяти, пятидесяти домохозяйствъ.

Итакъ зародышъ забайкальской общины—*свободно составляющаяся поскотинная артель*, форма, въ началѣ тоже болѣе или менѣе аморфная, не создающая опредѣленнаго разграниченія между связанными общею городьбою группами населенія.***) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Забайкалья, напр., въ восточной части Агинскаго вѣдомства,—«каждому предостав-

*) X, 8—10.
**) X, 11.
***) X, 12—14.

ляется право вступить въ одну изъ имѣющихся сѣнокосныхъ общинъ, безразлично, на земляхъ своего или чужого булука эта община имѣетъ покосы.

Тотъ, кто не пожелаетъ вступить въ общину, можетъ накосить себѣ нужное количество травы или на захватномъ покосѣ, или вольно—на выпускныхъ мѣстахъ». А это—какъ и существующій еще мѣстами обычай «удѣлять покосы и членамъ чужой сосѣдней общины, если на покосахъ послѣдней трава не уродилась или уродилась плохо»,—показываетъ, что «описываемыя поскотинныя общины образовались не затѣмъ, чтобы отмежеваться отъ другихъ и захватить въ свое исключительное пользованіе извѣстныя покосныя мѣста, а совершенно для другихъ цѣлей»—что поскотинная община скорѣе является свободнымъ союзомъ, заключаемымъ для чисто хозяйственныхъ цѣлей, нежели единицею общаго владѣнія и пользованія землею.

Очертивъ такими яркими красками зародышевую форму инородческой общины, г.Кроль не прослѣживаетъ дальше процесса развитія этого зародыша—не показываетъ, какъ изъ этого свободнаго, безформеннаго союза образовалась замкнутая территоріальная земельная община. Но совершающійся у забайкальскихъ инородцевъ процессъ развитія внутри общинныхъ формъ пользованія не позволяетъ сомнѣваться въ томъ, что свободная поскотинная община мало по малу переходитъ въ законченную форму территоріальной общины, въ извѣстныхъ случаяхъ совпадающій съ булукомъ и имѣющую своимъ органомъ булучный суглапъ. *) Однако, вполнѣ замкнувшаяся земельная община пока встрѣчается у забайкальскихъ инородцевъ въ видѣ рѣдкаго исключенія. Въ большинствѣ случаевъ процессъ образованія поселенной общины еще не вполнѣ завершился, что особенно рельефно выражается въ данныхъ относительно положенія постороннихъ лицъ.

«Пастбища и лѣса—читаемъ мы въ посвященной этому вопросу главѣ работы г. Кроля**) составляютъ у инородцевъ, большею частью, предметъ пользованія всѣхъ членовъ вѣдомства или управы—слѣдовательно по отношенію къ этимъ двумъ угодьямъ общиною нужно считать вѣдомство или управу; далѣе, въ общинахъ, гдѣ существуетъ еще захватныя формы пользованія покосами и продолжается еще система огораживанія выпуска подъ телятникиили расчистки неудобныхъ мѣстъ, всякій членъ вѣдомства имѣетъ право занять, гдѣ угодно, мѣсто подъ телятникъ. Въ такихъ случаяхъ разницы между членами разныхъ булуковъ также не существуетъ—выступаетъ она лишь

*) X, 31.
**) X, 72.

тогда, когда какой нибудь инородецъ, перекочевавъ въ чужой булукъ, рѣшается тамъ осѣсть и просить о выдѣленіи ему сѣнокоснаго пая въ поскотинѣ». Однако и въ такихъ случаяхъ ограниченіе правъ постороннихъ мало развито въ инородческихъ общинахъ— доступъ въ сѣнокосныя поскотины открытъ и для постороннихъ, и ограниченія въ этомъ отношеніи возникаютъ лишь тамъ, гдѣ инородцы уже сами испытываютъ сильное утѣсненіе въ сѣнокосныхъ угодьяхъ.

Вотъ все, что мы можемъ извлечь изъ «Матеріаловъ» по вопросу о процессѣ возникновенія и развитія инородческой общины. Процессъ этотъ, несомнѣнно, остается недостаточно выясненнымъ; но уже самый *фактъ постепеннаго развитія типической территоріальной общины изъ свободно составляющагося чисто-хозяйственнаго союза* имѣетъ немаловажное общее значеніе и долженъ быть принятъ во вниманіе учеными, работающими надъ вопросомъ о происхожденіи общины.

VII

Переходимъ теперь къ обзору существующихъ у инородцевъ внутри общинныхъ формъ пользованія угодьями, причемъ начнемъ съ основного для нихъ угодья—покосовъ, по отношенію къ которымъ процессъ развитія формъ пользованія успѣлъ сдѣлать наибольшіе успѣхи.

Первоначальною, нѣкогда единственною и исключительною формою пользованія покосами г. Кроль считаетъ «вольное» сѣнокошеніе, и по сейчасъ сохранившееся въ такихъ мѣстностяхъ, «гдѣ простора еще много, а населеніе рѣдко, гдѣ въ силу спеціальныхъ особенностей скотоводческаго хозяйства нужны минимальные запасы сѣна»,—гдѣ поэтому «въ особыхъ мѣрахъ къ урегулированію пользованія сѣнокосными угодьями не было надобности»; мѣстами такое вольное пользованіе существуетъ въ совершенно неурегулированномъ видѣ—каждый коситъ, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ; въ другихъ общинахъ вольное сѣнокошеніе ограничено предоставляемымъ каждому хозяину, до извѣстнаго срока—обыкновенно 20 іюля,—преимущественнымъ правомъ на тотъ участокъ, который онъ косилъ въ предыдущемъ году; лишь въ томъ случаѣ, если хозяинъ до указаннаго срока не приступилъ къ косьбѣ своего прошлогодняго покоса, послѣднимъ можетъ завладѣть всякій желающій. Наконецъ встрѣчается и такая форма вольнаго сѣнокошенія, при которой это послѣднее ограничено опредѣленнымъ временемъ начала косьбы и запрещеніемъ выкашивать чужія стойбища *).

*) X, 9.

Однако, въ настоящее время въ вольномъ пользованіи осталось лишь незначительное меньшинство инородческихъ покосовъ: болѣе половины—55, 1% общей площади послѣднихъ состоитъ уже въ уравнительномъ пользованіи, а кромѣ того большимъ распространеніемъ пользуются захватная и разныя переходныя формы пользованія покосами. Замѣчательно при этомъ, что «изслѣдованіемъ констатировано лишь очень мало случаевъ перехода вольнаго сѣнокошенія непосредственно къ поравненіямъ или передѣламъ, и то очень неустойчивымъ»*),— случаевъ, на которыхъ мы не имѣемъ надобности подробнѣе останавливаться, какъ въ виду малой ихъ распространенности у забайкальскихъ инородцевъ, такъ и потому, что процессъ подобнаго непосредственнаго перехода достаточно хорошо описанъ изслѣдованіями, произведенными въ западнѣе лежащихъ частяхъ Сибири.**) Напротивъ, почти вездѣ (и это, замѣтимъ отъ себя, составляетъ одну изъ своеобразнѣйшихъ особенностей эволюціи формъ землепользованія у забайкальскихъ инородцевъ), гдѣ у инородцевъ практикуются общія поравненія или передѣлы покосовъ, можно прослѣдить происхожденіе этихъ формъ изъ формъ *захватныхъ*, чистыхъ или ограниченныхъ».***) Въ частности, черезъ посредство захватныхъ формъ (въ вышеуказанномъ тѣсномъ смыслѣ) совершается у забайкальскихъ инородцевъ и переходъ отъ вольнаго сѣнокошенія къ уравнительнымъ формамъ пользованія. Превращеніе вольнаго сѣнокошенія въ захватное пользованіе—результатъ, главнымъ образомъ, того же обычая загораживать покосы, которому обязана своимъ первоначальнымъ возникновеніемъ и самая инородческая община. «Обычай загораживать валовыя поскотины, говоритъ г. Кроль ****)—раньше или позже, тѣмъ или инымъ путемъ, приводитъ къ захватному пользованію заключенными въ нихъ покосами». Эта форма, какъ результатъ загораживанія, устанавливается однако далеко не сразу—первоначально внутри городьбы слагаются болѣе или менѣе неопредѣленныя формы пользованія. Вотъ какъ происходитъ первоначальное распредѣленіе покосовъ между членами такой зарождающейся общины: «всѣ лица, согласившіяся пользоваться въ одномъ мѣстѣ или въ смежныхъ падяхъ сѣнокосами, рѣшаютъ, кому какое количество саженъ поскотины слѣдуетъ городить, а затѣмъ уже дѣлятъ покосы приблизительно пропорціонально количеству принятой каждымъ на себя городьбы. *Пропорціонально*—потому, что при раздѣлѣ тотъ, кто городилъ большее число са-

*) X. 20.
**) См. нашу «Крест. общ. въ Сибири», 89—91.
***) X. 20.
****) X, 20.
****) X, 12.

жепъ, получаетъ и большій покосъ; *приблизительно* потому, что строгой пропорціональности между размѣрами городимой части поскотины и величиною покоснаго участка нѣтъ: по мнѣнію кочевниковъ, каждый имѣетъ право косить травы столько, сколько ему нужно», городить же «каждый долженъ по своему состоянію». Доступъ новыхъ членовъ въ такую общину, какъ мы видѣли, ничѣмъ не ограниченъ; каждому новому члену даютъ покосные участки, для того или отрѣзаютъ у кого-либо часть покоса, или захватываютъ въ поскотину часть выпуска, и обязываютъ городить соотвѣтствующее число саженъ городьбы. Вообще «связь хозяевъ съ занимаемыми ими покосными участками, повидимому, еще довольно непрочна, ибо при неурожаѣ травъ на извѣстной площади сѣнокосовъ всѣ косятъ тамъ, гдѣ трава родилась хорошо, каждый пропорціонально своей потребности, которая опредѣляется членами всей поскотинной общины»; *) впрочемъ, такіе случаи, ясно свидѣтельствующіе о неопредѣленномъ характерѣ пользованія покосами, бываютъ болѣе или менѣе рѣдко— обыкновенно же каждый сидитъ на своемъ участкѣ и коситъ его изъ года въ годъ, по смерти же хозяина участокъ переходитъ къ его наслѣдникамъ.

Если ко всему сказанному прибавить, что и самый выходъ изъ поскотинной общины совершенно свободенъ, то придется прійти къ заключенію, что непосредственнымъ результатомъ огораживанія покосовъ является форма пользованія, одновременно содержащая черты вольнаго, уравнительнаго и захватнаго пользованія. «Въ самомъ дѣлѣ—говоритъ г. Кроль **)— при какой иной формѣ пользованія, кромѣ вольной, возможенъ такой легкій доступъ новыхъ членовъ въ общину, такое самоотреченіе старыхъ членовъ, сидящихъ на своихъ постоянныхъ участкахъ, въ пользу всѣхъ въ неурожайные годы, и наконецъ такая растяжимость общины, открывающей, въ случаѣ надобности, доступъ къ своимъ покосамъ множеству новыхъ членовъ»? Но той же формѣ присущи и черты несомнѣнно уравнительнаго характера: «отводъ новому члену участка, а иногда и отрѣзка отъ другихъ, разверстка городьбы по выходѣ какого-либо члена между остающимися членами и соотвѣтственная разверстка между ними освободившагося сѣнокоснаго участка—все это факты чисто уравнительнаго свойства, точно также, какъ постоянное пользованіе одного лица однимъ и тѣмъ же участкомъ и передача его наслѣдникамъ, создаетъ тенденцію къ обращенію этихъ участковъ въ покосы индивидуальнаго пользованія».

*) X. 12.
**) X, 13—14

Такова, въ существенѣйшихъ чертахъ, наиболѣе обычная у забайкальскихъ инородцевъ переходная ступень отъ вольнаго къ захватному пользованію, которое, затѣмъ, въ свою очередь постепенно переходитъ въ пользованіе уравнительное. Иногда подобная переходная форма пользованія возникаетъ однако и безъ огораживанія. *) При отсутствіи городьбы, сѣнокосные участки оказываются однако такъ или иначе распредѣленными по домохозяйству на неопредѣленный срокъ, переходятъ по наслѣдству, но въ то же время настолько слабо прикрѣплены къ владѣющимъ ими домохозяевамъ, что эти послѣдніе, при необходимости, охотно «тѣснятся» и удѣляютъ покосъ тому, кто въ немъ нуждается. Похожая на захватъ, нѣсколько напоминая уравнительное пользованіе, эта форма, какъ и предыдущая, не есть ни чистый захватъ, ни тѣмъ менѣе—передѣльная форма. Отдѣльные покосные участки подобнаго рода «возникаютъ при особенныхъ условіяхъ; вѣроятнѣе всего каждый останавливаетъ свой выборъ на опредѣленномъ участкѣ для удобства; хозяева не мѣняютъ участковъ, такъ какъ въ этомъ не представляется надобности, и покосы естественно переходятъ отъ отца къ сыну, хотя стоитъ явиться новому члену, чтобы и для него нашлось мѣсто. Если даже допутить, что участки первопачально были выдѣлены каждому члену сугланомъ,» то и тогда еще нельзя было бы говорить о передѣлѣ. Но въ матеріалахъ изслѣдованія нѣтъ никакихъ указаній на подобное распоряженіе общины; (а если это такъ—говоритъ г. Кроль, то ни о какомъ передѣлѣ покосовъ въ подобныхъ случаяхъ не можетъ быть и рѣчи. Это было простое миролюбивое распредѣленіе между собою сѣнокосныхъ мѣстъ,) такое же, какъ при урегулированномъ обоюдными соглашеніями вольномъ пользованіи, съ тою лишь разницею, что въ разсматриваемыхъ случаяхъ соглашеніе дѣлается на продолжительный или даже неопредѣленный срокъ, а не ежегодно. Съ другой стороны, описываемая форма представляетъ много сходства и съ захватною, такъ какъ «каждый хозяинъ занимаетъ участокъ и владѣетъ имъ, какъ первый занявшій; но такъ какъ не только сосѣди владѣльца, но и самъ владѣлецъ не признаетъ еще своего безграничнаго права на занятый участокъ, ибо каждый изъ нихъ готовъ потѣсниться и дать мѣсто новому члену, то и о захватномъ пользованіи здѣсь еще не можетъ быть и рѣчи».

Такимъ образомъ вольное сѣнокошеніе у забайкальскихъ инородцевъ переходитъ первопачально въ такую форму, которую г. Кроль мимоходомъ, но очень удачно, называетъ фор-

*) X. 15—17.

мою «*зачаточнаго захвата*», *) сопутствующаго зачаточной общинѣ,—форму, въ которой «уживаются рядомъ зарождающіеся элементы такихъ формъ пользованія, которыя въ конечномъ своемъ развитіи одна другую совершенно исключаютъ». Затѣмъ, изъ этой формы совершенно естественно развивался типичный захватъ: «стоило только—говоритъ г. Кроль—**) явиться нѣкоторому утѣсненію въ покосахъ, чтобы доступъ (въ поскотинную общину) постороннимъ и новымъ членамъ былъ ограниченъ до минимума. Благодаря тому же утѣсненію каждый хозяинъ сталъ бы дорожить занимаемымъ имъ покоснымъ участкомъ, онъ сталъ бы основывать свое право на владѣемый покосъ на томъ, что этотъ покосъ «отцовскій» или даже «дѣдовскій», и такъ какъ подобное укрѣпленіе за каждымъ владѣемаго имъ фактически покоса, было бы въ интересахъ почти всѣхъ членовъ поскотинной общины, то установилась бы обычно - правовая норма, которая взяла бы подъ свою защиту владѣльцевъ покосовъ, иначе говоря—захватная форма сдѣлалась бы общепризнанною и господствующею».

Такимъ путемъ совершался переходъ отъ господствовавшаго когда то вольнаго сѣнокошенія, черезъ распространенную еще нынѣ, преимущественно въ нѣкоторыхъ частяхъ Агинскаго вѣдомства, форму зачатачнаго захвата, къ типичному захвату. Въ другихъ случаяхъ, однако, захватная форма являлась по отношенію къ покосамъ не производною, а первоначальною формой.***) Это справедливо по отношен. къ покосамъ удобряемымъ, расчищаемымъ изъ подъ лѣса, осушеннымъ,—вообще такимъ, по отношеніи къ которымъ требовалась извѣстная затрата предварительнаго труда, которые поэтому сразу поступали въ исключительное владѣніе затратившихъ трудъ домохозяевъ. г. Кроль приводитъ выдержки изъ «степныхъ положеній» начала XIX вѣка,****) изъ которыхъ видно, что уже въ то время обычное право инородцевъ серьезно охраняло права лицъ, удобрившихъ или расчистившихъ покосы; «подобная серьезная охрана, говоритъ онъ,*****) интересовъ лица, владѣющаго расчищеннымъ или удобреннымъ покосомъ, очевидно, продолжается и теперь, ибо изслѣдованіемъ такіе покосы зарегистрированы по всему Забайкалью,» что, очевидно, было бы немыслимо, если бы удобренный или расчищенный покосъ не поступалъ въ исключительное владѣніе затратившаго трудъ лица. Какъ и вездѣ въ

*) X, 19,
**) Тамъ—же,
***) X. 20.
****) X. 21—22,
*****) Тамъ—же,

Сибири, захватное право сплошь и рядомъ приводило къ тѣмъ или другимъ злоупотребленіямъ: «основываясь на обычаѣ, вліятельные инородцы захватывали перѣдко лучшія покосныя мѣста, загораживали ихъ, немного расчищали; а затѣмъ начинали считать «собственными»; *) сплошь и рядомъ богачи ограничивались даже простымъ загораживаніемъ, исходя изъ того воззрѣнія, будто «*самый фактъ огораживанія* извѣстнаго мѣста *представляетъ уже ту затрату труда*, которая создаетъ право на огороженный участокъ,» **) воззрѣніе, которымъ, замѣтимъ отъ себя, въ значительной мѣрѣ объясняется превращеніе вольнаго сѣнокошенія, въ поскотинныхъ общинахъ, въ захватное пользованіе.

Въ качествѣ ли производной отъ вольнаго сѣнокошенія, или первоначальной формы пользованія покосами, чистый захватъ, ограниченный только запрещеніемъ продажи неинородцамъ, распространенъ еще въ большинствѣ инородческихъ вѣдомствъ—у Хоринскихъ, Селенгинскихъ и Агинскихъ бурятъ, Урульгинскихъ тунгусовъ и т.п.***) Подробно, охарактеризовавъ своеобразныя формы зачаточнаго захвата, мы считаемъ излишимъ входить въ подробности относительно чистаго захвата, такъ какъ эта орма въ Забайкальѣ ничѣмъ не отличается отъ аналогичныхъ формъ, описанныхъ изслѣдователями четырехъ сибирскихъ губерній ****). Какъ и въ этихъ послѣднихъ, господство захватной формы ведетъ за собою крайнюю неравномѣрность въ распредѣленіи покосовъ; является масса недовольныхъ, которые наконецъ становятся настолько многочисленными, что «рѣшаются посягнуть на права меньшинства, захватившаго лучшую землю въ свои руки»,*****) выдвигая тотъ принципъ, что «воля большинства, представляемая ими, какъ воля міра, сильнѣе воли каждой личности въ отдѣльности.» Вотъ почему, замѣчаетъ г. Кроль», «общинное землевладѣніе, какъ живая творческая сила, начинаетъ свое существованіе только съ того момента, когда большинство выдвигаетъ въ своихъ интересахъ начало господства верховнаго права общины надъ индивидуальнымъ. По этой-же самой причинѣ чисто захватная форма не только не есть общинное землевладѣніе, но представляетъ совершенную ему противоположность, ибо при чисто захватной формѣ господствуетъ исключительно личное землевладѣніе» ******).

---

*) X, 22.
**) X. 24.
***) X, 25.
****) Ст. нашу «Кр. общ. въ Сибири», стр. 7. 5
*****) X, 29.
******)X, 29—31.

Съ большою живостью г. Кроль рисуетъ затѣмъ первоначальные моменты постепеннаго перехода отъ захватной формы къ уравнительной; онъ показываетъ, какъ воздѣйствіе общины распространяется прежде всего на участки, освобождающіеся за выморочностью, или за откочеваніемъ ихъ владѣльцевъ, на такіе, отъ которыхъ хозяева отказываются по несостоятельности и непосильности платежей, на участки недоимщиковъ и т. п.—Всѣ такіе случайно освобождающіеся участки уже *отводятся общиною* нуждающимся въ нихъ домохозяевамъ. «Такъ исподволь подрывался престижъ захвата и крѣпло сознаніе, что случайный суглашъ можетъ ограничивать обратившееся въ привилегію меньшинства право на землю отдѣльныхъ членовъ булука. На помощь является также ростъ населенія. Процессъ расширенія сѣнокосныхъ площадей не поспѣваетъ за ростомъ населенія; начинается естественное дробленіе участковъ; число лицъ, сочувствующихъ болѣе равномѣрному распредѣленію покосныхъ угодій, увеличивается, и наконецъ наступаетъ моментъ, когда перевѣсъ общественнаго мнѣнія оказывается на сторонѣ тѣхъ, кто настаиваетъ на поравненіи покосовъ» *). Дѣло начинается съ «частныхъ поравненій»—отдѣльныхъ поправокъ, вносимыхъ властью общины въ распредѣленіе угодій въ случаяхъ слишкомъ явной ихъ неравномѣрности. **) Вначалѣ, сплошь и рядомъ, эти частныя поравненія проводятся подъ давленіемъ родового начальства, вызваннымъ ходатайствами лицъ, нуждающихся въ покосѣ; производятся онѣ безъ какихъ либо твердо установленныхъ основаній, и даже увеличиваютъ неравномѣрность въ распредѣленіи покосовъ. Но, въ видѣ общаго правила, «отводы - отрѣзки являются уже вполнѣ установившеюся, хотя весьма еще несовершенною системою удовлетворенія потребностей лицъ, нуждающихся въ покосѣ»,и отъ нихъ—одинъ, принципіально не трудный, шагъ къ общимъ поравненіямъ, отличающимся отъ частныхъ только тѣмъ, что «въ то время какъ при отрѣзкахъ и отводахъ каждый хозяинъ самъ говоритъ за себя, при общихъ поравненіяхъ выставляется какой-нибудь мотивъ общаго характера, долженствующій склонить общественное мнѣніе въ пользу общаго поравненія». Такими мотивами обыкновенно являются »необходимость иной разверстки податей, уничтоженіе большихъ покосныхъ площадей разливами рѣкъ, одновременное приселеніе нѣсколькихъ новыхъ членовъ» и т. д.,—а иногда выставляется нѣсколько мотивовъ за разъ. ***)

---

*)X. 31.
**) X, 32—33
***)X, 36.

И эта форма пользованія покосами, довольно рѣдко встрѣчающаяся у кочевыхъ, нѣсколько чаще—у крещеныхъ инородцевъ и весьма распространенная у инородцевъ - казаковъ, не требуетъ дальнѣйшей характеристики; необходимо только замѣтить, что при общихъ поравненіяхъ почти всегда принимаются во вниманіе право давности и право труда. Новыя расчистки и удобренные покосы часто вовсе не входятъ въ поравненіе; когда же и такіе покосы подвергаются поравненію, то община оставляетъ старыхъ хозяевъ, по возможности, на насиженныхъ участкахъ, отрѣзая отъ нихъ только излишки сверхъ принятой въ основу поравненія нормы. *)

Еще рѣже встрѣчается у кочевыхъ инородцевъ,—и напротивъ весьма часто—у крещеныхъ, та форма уравнительнаго пользованія, которой г. Кроль присваиваетъ названіе «передѣла»,—форма, при которой «община окончательно вступаетъ въ свои права, и всѣ передѣляемыя земли являются объектомъ пользованія отдѣльныхъ членовъ ея лишь постольку, поскольку онѣ отведены имъ общиною на вполнѣ установленый срокъ и на началахъ, выработанныхъ общиною же». **)

Ниже мы должны будемъ подробнѣе остановиться на передѣльныхъ формахъ и отношеніи ихъ къ общимъ поравненіямъ. Здѣсь замѣтимъ что г. Кроль, который по отношенію ко всѣмъ предыдущимъ формамъ совершенно точно выяснилъ ихъ взаимную связь и преемственность, не дѣлаетъ этого по отношенію къ передѣлу: по контексту можно, правда, предполагать, что уважаемый авторъ выводитъ «передѣлы» отъ «общихъ поравненій». Но такъ какъ это не только ничѣмъ не подтверждается, но даже вполнѣ опредѣленно не высказывается, то остается, пока, открытымъ вопросъ: *есть ли передѣлъ позднѣйшая ступень развитія общихъ поравненій*, или же онъ является *ступенью*, такъ сказать, *параллельною*, появляющеюся при приблизительно одинаковой степени утѣсненія, но по отношенію къ другого рода угодьямъ. Изъ дальнѣйшаго выяснится, почему мы придаемъ этой неясности въ изложеніи г. Кроля важное значеніе.

Хлѣбопашество у забайкальскихъ инородцевъ—явленіе сравнительно недавняго происхожденія; размѣры запашекъ у нихъ и до сихъ поръ, въ общемъ, незначительны, а потому степень относительнаго простора, опредѣляемая отношеніемъ между весьма обширною удобною для обращенія въ пашню площадью и незначительною, пока, потребностью въ пахатной землѣ, еще весьма велика. Естественно, при такихъ условіяхъ, что формы пользованія пахатными угодьями у инородцевъ стоятъ

*) X, 36—42, 62.
**) X, 43.

на гораздо болѣе низкомъ уровнѣ развитія, нежели формы пользованія покосами, что по отношенію къ первымъ захватныя формы встрѣчаются гораздо чаще, а формы уравнительныя—несравненно рѣже, нежели по отношенію къ покосамъ.

Первоначальныхъ формъ пользованія пахатными угодьями, по справедливому замѣчанію г. Кроля, *) слѣдуетъ искать въ районахъ наиболѣе широкаго развитія скотоводства, въ которыхъ однако уже понемногу начинаютъ заниматься земледѣліемъ, потому что именно здѣсь инородческое населеніе пользуется наибольшимъ земельнымъ просторомъ. Таковы Агинское и Баргузинское вѣдомство въ полномъ составѣ, часть Хоринскаго и Селенгинскаго вѣдомствъ и т. д.. И вотъ, разсматривая собранный здѣсь фактическій матеріалъ, г. Кроль усматриваетъ, что первоначальныя формы пашневладѣнія складываются у забайкальскихъ инородцевъ нѣсколько иначе, нежели то имѣло мѣсто, по даннымъ прежнихъ изслѣдованій, въ западнѣе лежащихъ частяхъ Сибири.**) Забайкальскіе инородцы вездѣ, даже въ только - что названныхъ мѣстностяхъ, дѣлаютъ различіе между пашнями, на разработку которыхъ затраченъ болѣе значительный трудъ (расчистка изъ подъ камней, лѣса, кустарника), и «гладкими» пашнями, распаханными безъ предварительной затраты труда. Лишь перваго рода пашни поступаютъ въ *чисто - захватное* пользованіе; «гладкія» пашни вездѣ, за немногими исключеніями, считаются за хозяевами только въ теченіи того времени, пока стоитъ устроенная вокругъ нихъ городьба, и становятся общимъ достояніемъ тотчасъ-же или по прошествіи немногихъ лѣтъ по снятіи городьбы. Г. Кроль объясняетъ это чисто хозяйственными соображеніями: инородцы, особенно въ мѣстностяхъ со слабыми зачатками развитія земледѣлія, распахиваютъ по преимуществу легкія для разработки, но вмѣстѣ съ тѣмъ, болѣе слабыя земли, которыя очень скоро настолько истощаются, что на нихъ, по оставленіи въ залежь, даже трава въ теченіе ряда лѣтъ родится плохо. «При такой системѣ обработки земли для хозяина пашни не имѣетъ смысла содержать городьбу въ цѣлости, пока земля отдыхаетъ; бросая пашню, онъ тотчасъ же, нерѣдко, убираетъ городьбу и переноситъ ее на другое мѣсто: послѣ этого связь его со старою пашнею, чаще всего, окончательно прерывается, а такъ какъ за сравнительно небольшой трудъ по поднятію цѣлины или залежи онъ вознаградилъ себя достаточно, то незанятая земля, естественно, дѣлается свободной для захвата». Гдѣ пашня остается въ исключительномъ владѣніи хозяевъ нѣсколько лѣтъ по снятіи городьбы, такой

*) X, 46.
**) X. 46—49.

порядокъ основывается на томъ соображеніи, «что залежь, по истеченіи сравнительно непродолжительнаго отдыха, можетъ быть снова пущена подъ посѣвъ, и для хозяина было-бы слишкомъ обременительно содержать городьбу вокругъ невоздѣлываемой пашни въ теченіе срока», нужнаго для полнаго возстановленія ея силъ.

Такимъ образомъ, по справедливому замѣчанію г. Кроля, *) прекращеніе исключительнаго права хозяевъ на обрабатывавшіяся ими пашни тотчасъ -же послѣ снятія городьбы. или по истеченіи извѣстнаго времени съ этого момента, является результатомъ добровольнаго отреченія хозяина пашни отъ занятой имъ земли, выражающагося либо въ самомъ фактѣ снятія городьбы, либо въ пропускѣ срока залежности. «Мало вѣроятно,»—говоритъ г. Кроль,—чтобы такой взглядъ въ приведенныхъ случаяхъ явился результатомъ активнаго вмѣшательства общины, ибо при условіяхъ широкаго простора навряд-ли было-бы возможно столкновеніе интересовъ въ видѣ одновременныхъ притязаній нѣсколькихъ лицъ на одну и ту-же залежь», какъ при тѣхъ-же условіяхъ невѣроятно, чтобы разсматриваемая форма пользованія была, по отношенію къ «гладкимъ» пашнямъ, переходною, а не первоначальною. Такъ какъ сущность ограниченно - захватной формы именно во *вмѣшательствѣ общины*, вызванномъ взаимными столкновеніями интересовъ, то разсматриваемая форма стоитъ, очевидно, ближе не къ ограниченному захвату, а къ *вольному* пользованію, представляя отъ вольнаго пользованія покосами лишь такія отличія, которыя непосредственно вытекаютъ изъ различій въ характерѣ хозяйственной эксплоатаціи угодій.

Вотъ, собственно говоря, все существенное, что надлежало сказать по поводу господствующихъ у забайкальскихъ инородцевъ захватныхъ формъ пользованія пашнями; необходимо еще упомянуть только объ одной существенной чертѣ—о *запрещеніи распахивать покосы*, характерномъ для забайкальскихъ кочевыхъ инородцевъ и вытекающемъ, опять-таки, изъ характера ихъ хозяйства**): инородецъ—кочевникъ больше всего дорожитъ пастбищами и покосами; пастбищъ у него чрезвычайно много, почему онъ и не встрѣчаетъ препятствій къ обращенію подъ запашку той или иной ихъ части; напротивъ, въ покосахъ уже нигдѣ не ощущается особаго избытка, притомъ пользованіе покосами введено уже, по большей части, въ сравнительно тѣсныя границы булучныхъ и т. п. общинъ, а потому инородецъ принимаетъ всѣ мѣры для того, чтобы допустить расширеніе пахатной площади насчетъ сѣнокосной. Та-

*) X. 49.
**) X, 48.

кое запрещеніе распахивать покосы тѣмъ характернѣе, что сибирскіе крестьяне, у которыхъ на первомъ мѣстѣ стоитъ земледѣліе, придерживаются діаметрально противуположнаго принципа—«сохъ препятствовать нельзя»*).

Захватъ, чистый или ограниченный только срокомъ залежности или временемъ существованія городьбы, распространяется у кочевыхъ инородцевъ почти на три пятыхъ общаго количества ихъ пахатныхъ земель. Не малымъ распространеніемъ у нихъ пользуются, однако, и различныя переходныя формы отъ захватнаго къ душевому пользованію. Характерною особенностью этихъ переходныхъ формъ является крайне малая распространенность, по отношенію къ пашнямъ, формы «частныхъ поравненій»: «отводы-отрѣзки», говоритъ г. Кроль**), игравшіе у инородцевъ такую важную роль при переходѣ отъ захватной формы пользованія сѣнокосами къ уравнительной, примѣняются по отношенію къ пашнямъ чрезвычайно рѣдко. Этотъ замѣчательный фактъ—по мнѣнію г. Кроля—можно объяснить только тѣмъ, что установившійся обычай считать пашню, по снятіи городьбы или по истеченіи извѣстнаго срока залежности, свободной для всѣхъ, въ значительной степени дѣлаетъ лишними «отводы - отрѣзки»; съ другой же стороны инородческія общины избѣгаютъ отрѣзокъ еще и потому, что «поднятіе цѣлины требуетъ извѣстной затраты труда, и отрѣзка отъ такой пашни явилась бы слишкомъ рѣзкимъ актомъ вмѣшательства общины, который нарушилъ бы древнее право хозяина на загороженную землю и на вложенный въ нее трудъ».

Тѣмъ распространеннѣе, за то, у забайкальскихъ инородцевъ другая переходная форма,именно смѣшанная форма пользованія—общее поравненіе, примѣненное къ *части* пахатныхъ угодій въ то время, какъ остальная часть пашенъ остается еще въ захватномъ пользованіи***); по даннымъ подворнаго изслѣдованія въ подобномъ смѣшанномъ пользованіи у кочевыхъ инородцевъ состоитъ болѣе двухъ пятыхъ общаго количества пахатныхъ земель. Разновидности этой формы очень разнообразны—въ частности, разнообразны тѣ основанія, въ силу которыхъ извѣстная часть пашенъ подвергалась поравненію, другая оставлялась въ захватномъ пользованіи: въ однихъ инородческихъ общинахъ поравненію подвергались полевыя пашни, не поравнивались всѣ остальныя; въ другихъ поравнены «гладкія» пашни, а лѣсныя расчистки остались въ захватномъ пользованіи; въ нѣкоторыхъ общинахъ поравнены пашни въ валовыхъ паскотинахъ, не поравнены распаханныя па

*) См. нашу «Кр. общ. въ Сибири», стр. 57.
**)X. 53.
***) X, 54.

общемъ выгонѣ, и т. д.,—вообще же можно сказать, что поравненію подвергались либо тѣ пашни, которыя имѣютъ особую цѣнность либо тѣ, по отношенію къ которымъ право затраченнаго труда играло меньшую роль; пашни же малоцѣнныя или разработанныя съ большими затратами труда оставались въ захватномъ пользованіи.

Чисто душевое пользованіе пашнями, безъ комбинаціи съ захватными формами, встрѣчается у инородцевъ очень рѣдко—пашни общинъ, гдѣ поравниваются или передѣляются всѣ пахатныя земли, составляютъ у кочевыхъ инородцевъ всего 6,2% общаго количества пашенъ; замѣчательный примѣръ высоко развитаго, чисто уравнительнаго пользованія, представляетъ только Кударинская сложная община, съ ея трехстепенными передѣлами всѣхъ пахатныхъ земель. Гораздо болѣе развито чисто-душевое пользованіе у инородцевъ осѣдлыхъ, у которыхъ до четверти всего количества пашенъ принадлежитъ общинамъ, поравниваюшимъ или передѣляющимъ всѣ пахатныя земли.

Свой общій выводъ изъ обзора формъ пользованія пахатными землями у забайкальскихъ инородцевъ г. Кроль резюмируетъ такъ: «чисто захватное пользованіе пашнями, говоритъ онъ*), составляетъ у инородцевъ явленіе очень рѣдкое; самою распространенною среди нихъ формою слѣдуетъ считать ту, которая хотя и очень близка къ чисто захватной, но все-же разнится отъ нея: пашня считается за владѣльцемъ, сколько-бы времени ни стояла пахатная городьба, а иногда даже нѣсколько лѣтъ спустя послѣ снятія городьбы. Такой обычай дѣлаетъ почти излишними отводъ и отрѣзку пашенъ, благодаря чему послѣдніе т. е. отводы и отрѣзки почти отсутствуютъ у забайкальскихъ инородцевъ; далѣе, рядомъ съ поравненіями почти всегда сохраняютъ силу и захватныя формы по отношенію къ части пахатныхъ угодій—или къ такой землѣ, которою не очень дорожатъ, или напротивъ, къ такой, которую очень высоко цѣнятъ (вѣрнѣе—по отношенію къ которой можно оперется на право труда. *А. К.*); наконецъ, поравненія всѣхъ пахатныхъ земель или передѣлы ихъ являются самымъ вѣрнымъ показателемъ того, что въ общинахъ, въ которыхъ отмѣчены такія формы, «утѣсненіе» въ земельныхъ угодьяхъ достигло весьма высокой степни напряженности.»

Относительно другихъ видовъ угодій можно ограничиться лишь немногими замѣчаніями. Усадебныя мѣста, при занятіи, какъ подъ подвижныя юрты, такъ и подъ постоянныя юрты или дома, находятся у всѣхъ вообще кочевыхъ инородцевъ въ

*) X 58

захватномъ пользованіи *), характеръ котораго лишь въ ничтожной мѣрѣ измѣняется въ зависимости отъ характера жилищъ; въ частности, близка къ чистому захвату—и форма пользованія тѣми мѣстами, которыя занимаются кочующими инородцами подъ переносныя юрты: откочевывающему на другое мѣсто инородцу достаточно оставить на прежнемъ стойбищѣ нѣсколько жердей или невырытыхъ столбовъ, чтобы это мѣсто считалось за нимъ въ теченіе долгихъ лѣтъ. Другія формы пользованія усадебными мѣстами встрѣчаются въ немногихъ селеніяхъ осѣдлыхъ инородцевъ: изслѣдованіемъ, именно, зарегистрированы отдѣльные случаи, гдѣ новыя усадебныя мѣста уже не захватываются, а отводятся общиною; случаи захвата, ограниченнаго запрещеніемъ продажи постороннимъ лицамъ; а въ одномъ селеніи усадьбы прибылымъ дворамъ отводятся даже изъ излишнихъ сверхъ нормы земель, отрѣзаемыхъ отъ усадебныхъ мѣстъ другихъ членовъ общины.

По отношенію къ выгонамъ и пастбищамъ, интересъ представляютъ у забайкальскихъ инородцевъ лишь резсмотрѣнныя выше междуобщинныя отношенія. Внутри общинъ выгоны находятся, говоря вообще, въ неограниченно-свободномъ пользованіи**),—«каждый можетъ выгнать на пастбище столько скота, сколько у него есть». Нѣкоторое урегулированіе пользованія является лишь по отношенію къ присельнымъ выгонамъ, и то только тамъ, гдѣ послѣдніе огораживаются: пользованіе приседьнымъ выгономъ въ такихъ случаяхъ уравнивается городьбою, которая разверстывается по числу головъ скота; въ нѣкоторыхъ общинахъ изгороди возводятся свободно составляющимися группами домохозяевъ, и въ такомъ случаѣ право выпаса скота на огороженномъ выгонѣ принадлежитъ только тѣмъ домохозяевамъ, которые участвовали въ городьбѣ***).

Важное значеніе имѣютъ выгородки изъ общаго выгона—такъ называемые телятники; одни изъ нихъ—маленькіе, служащіе дѣйствительно для пастьбы мелкаго скота,—не играютъ впрочемъ особой роли. Тѣмъ важнѣе значеніе другихъ, *косимыхъ* телятниковъ. «Во-первыхъ,—говоритъ г. Кроль*),—они остаются въ исключительномъ владѣніи хозяевъ долго спустя послѣ того, какъ прочіе покосы уже подвергаются частнымъ или даже общимъ поравненіемъ; во вторыхъ—огораживаніе косимыхъ телятниковъ въ извѣстный періодъ развитія захватныхъ формъ является единственнымъ почти средствомъ умень-

*) X 60—61
*) X 66
*) X 67
*) X 67—68

шенія неравномѣрности въ распредѣленіи покосныхъ угодій»— такими телятниками обзаводится прибылое населеніе. которое, при существованіи чистаго захвата, инымъ способомъ не можетъ обезпечить себя покосами. Но на ряду съ безпокосными телятники загораживали и богачи, которые, загораживали себѣ кромѣ покосныхъ, обширные телятники—«хошаны»—для сохраненія на зиму ветошей. Мало по малу загораживаніе телятниковъ значительно сокращаетъ площадь выгонныхъ мѣстъ; общины начинаютъ бороться съ самовольнымъ загораживаніемъ, и напр. въ настоящее время въ Агинскомъ вѣдомствѣ такое загораживаніе уже совершенно запрещено. При этомъ, запрещеніе загораживать телятники является сильнымъ толчкомъ къ общему или частному поравненію покосовъ: «когда послѣдовало такое запрещеніе, то для безпокосныхъ «остается одно средство пріобрѣтать покосъ, именно посягнуть на наслѣдственные участки богатыхъ однообщественниковъ. И дѣйствительно—какъ только гдѣ-нибудь уже сказывается утѣсненіе въ покосахъ и загораживать новыя мѣста на выпускѣ становится невозможнымъ, телятники начинаютъ обязательно засчитываться въ паи, или отрѣзаются участки въ поскотинѣ у того, у кого на выпускѣ большіе круглякн».

Безусловно вольно, въ общемъ, и пользованіе лѣсомъ*): «всякій рубитъ, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ, и не только въ передѣлахъ фактически или юридически занимаемой общиною дачи, но и въ сосѣднихъ». Лишь въ немногихъ общинахъ начинаютъ стѣснять въ этомъ постороннихъ или облагать пошлиною лѣсъ, заготовляемый на продажу. Въ довольно многихъ инородческихъ общинахъ имѣются запретные лѣса—запретъ, по большей части, наложенъ изъ религіозныхъ, но иногда—и изъ хозяйственныхъ или лѣсо охранительныхъ соображеній: изслѣдованіемъ отмѣчены отдѣльные случаи запрещенія рубки лѣса во избѣжаніе образованія летучихъ песковъ, запрещенія рубки поросли или кедровника, которымъ инородцы дорожатъ, какъ изъ за сбора орѣха, такъ и изъ за удобствъ, доставляемыхъ имъ для охотничьяго промысла.

VIII.

Формы землепользованія у забайкальскихъ казаковъ слагались при нѣсколько иной юридической обстановкѣ, нежели у крестьянъ и инородцевъ. Порядки пользованія угодьями у казаковъ регулируются, именно, рядомъ законодательныхъ опредѣленій, воспрещающихъ отчужденіе угодій постороннимъ лицамъ, ставящихъ устройство хуторовъ и выселковъ—другими словами заимокъ—подъ контроль общества, требующихъ раздѣла

*) X, 71

угодій на паи съ надѣленіемъ ими всѣхъ мужчинъ, начиная съ 17-лѣтняго возраста, и т. д.. При такихъ условіяхъ, по замѣчанію г. Кроля*), обычное право должно было-бы потерять значеніе, ибо законъ «какъ бы все регламентируетъ и оставляетъ очень мало мѣста процессу развитія разныхъ формъ землепользованія въ зависимости отъ опредѣленныхъ культурно-экономическихъ отношеній»; въ частности, слѣдовало-бы ожидать строго урегулированнаго уравнительнаго пользованія угодьями. Въ дѣйствительности, однако, «землепользованіе у казаковъ является однимъ изъ своеобразнѣйшихъ и интереснѣйшихъ явленій ихъ экономической жизни, какъ по характеру вырабатываемыхъ формъ, такъ и по разнообразію оттѣнковъ, въ которыя эти формы выливаются»; а уравнительное пользованіе у казаковъ имѣетъ гораздо меньшее распространеніе и наоборотъ—захватныя формы еще въ гораздо большей мѣрѣ сохранили преобладаніе, нежели у крестьянъ, земельный бытъ которыхъ не регулировался никакимъ закономъ. Г. Кроль склоненъ объяснять это явленіе недостаточною опредѣленностью самихъ постановленій, регулирующихъ порядки землепользованія казаковъ**). Отчасти присоединяясь къ этому объясненію, мы думаемъ однако, что не меньшую роль играетъ здѣсь, вообще безсиліе положительнаго закона провести въ жизнь такіе формы и порядки, которые слишкомъ противурѣчили-бы общему складу земельно-хозяйственныхъ отношеній.

Какъ бы то ни было,—но не подлежитъ сомнѣнію, что «формы пользованія у забайкальскихъ казаковъ могли развиваться съ такою же постепенностью, какъ у инородцевъ и крестьянъ»***),—что онѣ слагались въ полномъ соотвѣтствіи съ общими условіями ихъ землевладѣнія и хозяйства. «По даннымъ мѣстнаго изслѣдованія, говоритъ г. Кроль****). огромное число казаковъ восточнаго Забайкалья и понынѣ ведетъ исключительно скотоводческое хозяйство; другіе недавно лишь стали заниматься земледѣліемъ, а остальные настолько обезпечены землею, что въ регулированіи землепользованія общиной нѣтъ еще никакой надобности. Ясно, что у казаковъ восточнаго Забайкалья должна преобладать захватная форма пользованія пахатными землями. Но эта-же форма имѣетъ всѣ шансы существованія у казаковъ западнаго Забайкалья, преимущественно бурятъ, ведущихъ еще кочевой образъ жизни и естественно отводящихъ первое мѣсто въ своемъ хозяйствѣ скотоводству. Такимъ образомъ, уже на основаніи апріорныхъ заключеній

*) X. 155
**) X, 156.
***) Тамъ-же
****) X 157

можно прійти къ выводу, что у забайкальскихъ казаковъ господствующими и чуть ли не исключительными формами пользованія пахатными угодьями должны быть—«формы захватныя». И дѣйствительно: «почти въ $^{9}/_{10}$ казачьихъ земельныхъ общинъ господствуютъ захватныя формы пользованія пашнями, чистыя или ограниченныя, и только въ 50-60 поселкахъ и урочищахъ констатированы уравнительныя или смѣшанныя формы, причемъ достойно особеннаго вниманія, что общины, въ которыхъ отмѣчены уравнительныя формы, населены главнымъ образомъ казаками—бурятами.»

Въ проявленіяхъ своихъ, захватное пользованіе у забайкальскихъ казаковъ не совсѣмъ совпадаетъ съ захватнымъ пользованіемъ инородцевъ. Общею для тѣхъ и другихъ чертою является запрещеніе распахивать покосы, и у казаковъ совершенно естественно вытекающее изъ преобладанія у нихъ скотоводства и первенствующей въ силу этого, роли покосовъ*). Самыя формы захвата у казаковъ нѣсколько иныя, нежели у инородцевъ: у казаковъ, «первоначально», и свѣтлыя пашни считались «собственностью» ихъ хозяевъ*), чистый захватъ являлся другими словами, первоначальною формаю пользованія не только по отношенію къ пашнямъ, требовавшимъ предварительной затраты труда, но также и по отношенію къ не требовавшимъ такой затраты «свѣтлымъ» пашнямъ. Чистый захватъ сохранился по отношенію къ этимъ послѣднимъ, въ нѣкоторыхъ общинахъ, и до настоящаго времени, хотя «чаще всего снятіе городьбы уже влечетъ за собою потерю права на пашню; впрочемъ, чтобы вознаградить хозяевъ гладкихъ пашенъ за трудъ по поднятію цѣлины, имъ даютъ нѣкоторый льготный срокъ и послѣ снятія городьбы, и только по истеченіи этого срока брошенная залежъ дѣлается свободною для захвата»*). Лѣсныя расчистки «почти всегда находятся въ наслѣдственномъ пользованіи ихъ хозяевъ, которые могутъ распоряжаться ими какъ угодно»*), — другими словами—въ чисто захватной формѣ пользованія; только въ немногихъ общинахъ и для расчистокъ установленъ уже срокъ залежности—т. е. совершился переходъ къ ограниченному захвату*), причемъ однако срокъ залежности, естественно, устанавливается для нихъ гораздо болѣе продолжительный, нежели по отношенію къ свѣтлымъ пашнямъ. Но лѣсныя расчистки у казаковъ составляютъ, очевидно, меньшую часть пашенъ, а потому «захватъ, ограниченный срокомъ залежности, является въ настоя-

*) X, 160
*) X, 161.
*) X, 161
*) X,158
*) X, 161

щее время самою распространенною формою пользованія пахатными землями въ казчьихъ поселкахъ восточнаго Забайкалья»*). Въ западной части области эта форма встрѣчается у казаковъ въ видѣ рѣдкаго исключенія: она уже уступила, по большей части, мѣсто уравнительнымъ или смѣшаннымъ формамъ пользованія, частью же еще не успѣла вытѣснить, по отношенію къ лѣснымъ расчисткамъ, чистаго захвата.

У забайкальскихъ казаковъ, какъ и у инородцевъ, лишь весьма рѣдко встрѣчается, въ качествѣ переходной ступени отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ, «частное поравненіе,» такъ какъ общераспространенныя ограниченія сроковъ залежности дѣлаютъ излишнею эту промежуточную форму*).

Въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда «частныя поравненія» отмѣчены изслѣдованіемъ, они были вызваны, по большей части различными внѣшними поводами—отрѣзкою части земли, требованіемъ администраціи отвести землю вновь приселеннымъ казакамъ; однажды произведенныя отрѣзки, по большей части не возобновлялись и пользованіе сохраняло захватный характеръ. Такіе факты, — по справедливому замѣчанію г. Кроля*), «наглядно показываютъ, до какой степени упорно держится захватная форма пользованія, разъ она кажется самою выгодною для данной стадіи развитія земельной общины; благодаря воздѣйствію администраціи казаки вынуждены были произвести отрѣзку земли въ пользу новыхъ членовъ, но такъ какъ земельныхъ угодій у нихъ, очевидно, оставалось достаточно, то пользованіе угодьями до сихъ поръ, несмотря на протекшія 40 лѣтъ, остается захватнымъ»,

Аналогичные случаи имѣли мѣсто даже по отношенію къ «общимъ поравненіямъ» и передѣламъ: «въ нѣкоторыхъ земельныхъ общинахъ, говоритъ г. Кроль*), они явились только какъ временная мѣра, и слѣды ихъ очень скоро почти совершенно стерлись; въ другихъ поравненія были вызваны массовыми перемѣщеніями владѣльцевъ пашенъ въ періодъ разграниченія кочевыхъ инородцевъ отъ казаковъ; урегулировавъ землепользованіе при новомъ соотношеніи между членами общины и земельными угодьями, эти поравненія больше не повторялись, предоставивъ дальнѣйшее регулированіе земельныхъ отношеній между членами общинъ изстари „дѣйствовавшему обычному праву». Прочно установлялось уравнительное пользованіе лишь тамъ, гдѣ оно являлось «единственнымъ цѣлесообразнымъ способомъ болѣе или менѣе равномѣрнаго

*) х, 162
**) Тамъ-же
***) Х 164
****) Х, Тамъ-же

распредѣленія пахатной земли,» гдѣ «община, убѣдившись въ удобствѣ общихъ передѣловъ, продолжала уже систематически поравнивать или передѣлять свои пахотныя угодья»; а такую «прочную почву поравненія обрѣли себѣ тамъ, гдѣ уже дѣйствительно дорожатъ пахатною землею и гдѣ многіе члены общины весьма сильно уже чувствуютъ недостатокъ въ пашняхъ»*).

Какъ и у инородцевъ, уравнительное пользованіе у казаковъ устанавливалось не сразу по отношенію ко всей массѣ пашенъ—переходною ступенью являлась смѣшанная, до сихъ поръ очень распространенная форма: равняютъ только части земли—поливныя пашни, старыя расчистки, гладкія пашни; земли горныя (малоплодородныя) и новыя расчистки, которыми владѣльцы сильно дорожатъ, остаются въ захватномъ владѣніи. Лишь въ немногихъ урочищахъ «нужда заставила общину посягать на новыя расчистки и равнять даже цѣлину», и общинно-уравнительное пользованіе окончательно вытѣснило захватныя формы.

Въ отношеніи формъ пользованія покосами у казаковъ восточное Забайкалье рѣзко отличается отъ западнаго. Въ восточной части области передѣламъ подверглись уже болѣе или менѣе всѣ покосы. Случаи пользованія покосами на захватномъ правѣ единичны, сохранились—употребляя выраженіе г. Кроля—„въ видѣ анахронизма“ и не имѣютъ никакого значенія для общей характеристики казачьяго землепользованія. Что касается до вольнаго сѣнокошенія, то по даннымъ подворной описи—послѣднее довольно распространено; но годъ изслѣдованія, по объясненію г. Кроля, былъ исключительно урожайнымъ на траву; а потому въ этомъ году косились вольно многія такія мѣста, которыя обыкновенно вовсе не косятся,—при нормальныхъ же урожаяхъ травы вольное сѣнокошеніе практикуется въ несравненно меньшихъ размѣрахъ*).

Въ западномъ Забайкальѣ, наряду съ уравнительными формами пользованія, довольно большое распространеніе сохранилъ еще и захватъ, впрочемъ почти исключительно въ комбинаціи съ передѣломъ: поравненіе не подвергались исключительно расчищенные участки, иногда—удобренные покосы, вся же остальная масса покосовъ уже поступила въ уравнительное пользованіе. Г. Кроль отмѣчаетъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что смѣшанная форма сохранилась исключительно въ общинахъ казаковъ-инородцевъ, и объясняетъ это тѣмъ, что инородцы съ особенною бережностью относятся къ

*) X, 164 и 167
*) X, 168

праву труда и давности; «естественно, говоритъ онъ*), что права владѣльцевъ удобренныхъ и расчищенныхъ покосовъ строго охраняются у казаковъ-бурятъ, и что даже тамъ, гдѣ община рѣшается ограничить эти права, она это дѣлаетъ очень осмотрительно, что бы нанести возможно меньшій ущербъ старымъ владѣльцамъ покосовъ».

На этомъ мы можемъ закончить обзоръ формъ пользованія угодьями у казаковъ. Но, отступая нѣсколько отъ плана нашего изложенія (въ который вопросъ о положеніи постороннихъ въ общинахъ, вообще говоря, не входитъ) мы должны остановиться на въ высокой степени любопытныхъ данныхъ относительно положенія постороннихъ—инородцевъ—въ казачьихъ общинахъ Акшинскаго округа*). Иммиграція инородцевъ тунгусовъ и бурятъ въ эти общины началась уже давно: «еще дѣды и прадѣды нынѣ живущихъ бурятъ и тунгусовъ прикочевывали сюда и нанимались къ казакамъ въ пастухи и дояльщики; мало по малу число инородцевъ росло, увеличиваясь естественнымъ приростомъ и вновь прикочевывающими: большинство этихъ инородцевъ и въ настоящее время фактически или номинально состоятъ пастухами или дояльщиками у казаковъ, а меньшая часть ихъ проживаетъ на казачьихъ земляхъ уже въ качествѣ просто постороннихъ. Номинальными пастухами являются тѣ изъ бурятъ, которые сами очень богаты скотомъ, но желая пользоваться привиллегіями званія пастуха, выбираютъ себѣ патрона изъ казаковъ и числятся у него на службѣ»,—иногда даже платятъ хозяину нѣсколько головъ овецъ въ годъ за право называться его пастухомъ, что связано съ свободой отъ платежей и правомъ безвозмездно пасти скотъ на казачьихъ земляхъ». Только въ нѣкоторыхъ поселкахъ инородцы, какъ пастухи, такъ и просто посторонніе облагаются въ пользу поселковой кассы извѣстною общею суммой, которую уже сами раскладываютъ между собою. Затѣмъ, въ довольно большихъ размѣрахъ происходятъ вкочевки бурятъ, опять таки за извѣстную плату, на казачьи земли собственно для зимней пастьбы скота, причемъ одни бурята остаются на казачьихъ земляхъ цѣлую зиму, другіе только проходятъ по нимъ на пути своемъ къ монгольскимъ зимнимъ пастбищамъ. Наконецъ нельзя не упомянуть еще и о томъ, что лѣсистые острова по Онону, лежащіе въ казачьихъ дачахъ, служатъ даже зимниками для нѣкоторыхъ бурятъ и тунгусовъ, взамѣнъ чего казаки лѣтомъ пасутъ на инородческихъ земляхъ часть своего гулевого скота.

---

*) X. 169
*) X. 173—174.

IX.

«Русскій крестьянинъ въ Забайкальѣ,—такъ начинаетъ г. Кроль главу о формахъ землепользованія у забайкальскихъ крестьянъ *),—несомнѣнно является носителемъ осѣдло-земледѣльческой культуры. Порой, въ отдѣльныхъ селеніяхъ, хлѣбопашество какъ будто отходитъ на задній планъ; но по общему правилу хлѣбопашество у забайкальскихъ крестьянъ составляетъ все-таки прочную основу ихъ хозяйства. Естественно, поэтому, что забайкальскій крестьянинъ занимается хлѣбопашествомъ всюду, гдѣ оно только возможно, не останавливаясь ни предъ тяжестью труда по разработкѣ пашенъ, ни передъ дремучимъ лѣсомъ, ни даже передъ суровостью климатическихъ условій многихъ мѣстностей въ Забайкальѣ». Если такое преобладающее значеніе земледѣлія у забайкальскихъ крестьянъ сопоставить съ очень умѣренными, сравнительно, размѣрами ихъ землевладѣнія, во многихъ мѣстностяхъ немногимъ превышающими половину установленной закономъ для сибирскихъ крестьянъ душевой пропорціи, то естественно ожидать, что формы пользованія пахатными землями стоятъ у нихъ на значительно болѣе высокой ступени развитія, нежели у остальныхъ разрядовъ населенія,—естественно ожидать у нихъ наибольшаго развитія уравнительныхъ формъ пользованія насчетъ первоначальныхъ, захватныхъ формъ.

И дѣйствительно, «въ Забайкальѣ отмѣчено только нѣсколько единичныхъ селеній, жители которыхъ пользуются и нынѣ пашнями на чисто-захватномъ правѣ» **), причемъ самая малочисленность и разбросанность тѣхъ пунктовъ, въ которыхъ встрѣчается эта форма, доказываютъ, что «эта форма въ крестьянскихъ селеніяхъ отжила уже свое время и должна была уступить свое мѣсто другимъ формамъ»***). На первый взглядъ—замѣчаетъ г. Кроль—такой фактъ кажется непонятнымъ: въ самомъ дѣлѣ, какъ это случилось, что при значительномъ распространеніи заимочной формы хозяйства и при широко еще теперь существующей системѣ увеличенія пахатныхъ площадей путемъ лѣсныхъ расчистокъ, чисто захватная форма пользованія пашнями потеряла уже свое значеніе?» Но это противурѣчіе—только кажущееся: заимки въ Забайкальѣ****)—по преимуществу временныя жилища, не создающія для своихъ владѣльцевъ той крѣпкой связи околозаимочными территоріями, какая возникаетъ при постоянномъ характерѣ заимокъ; съ другой стороны, большая часть заимокъ существуетъ здѣсь

*) X, 78
**) X, 78
***) X, 79
****) X, 80

на казенно - сборныхъ земляхъ, на договорномъ правѣ, а потому вовсе не можетъ создавать никакихъ формъ пользованія занимаемыми заимщикомъ землями. Что касается до расчистокъ, то онѣ производятся, по большей части уже при наличности большого «утѣсненія», и нѣтъ ничего удивительнаго, если община предоставляетъ хозяину расчищенной пашни только минимумъ льготъ, необходимый, чтобы вознаградить его за трудъ и не убить въ немъ охоту продолжать расчистки».

Какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, крестьяне Читинскаго уѣзда—единственнаго изъ восточныхъ уѣздовъ, гдѣ имѣются бывшіе государственные крестьяне,—гораздо болѣе обезпечены землею, нежели крестьяне западныхъ округовъ. Понятно, при такихъ условіяхъ, почему въ восточномъ Забайкальѣ преобладаютъ ограниченно - захватныя формы, тогда какъ въ западномъ преобладаніе перешло уже къ уравнительнымъ и смѣшаннымъ формамъ пользованія пахатными землями[1]).

Преобладающая форма ограниченнаго захвата [2])—тоже смѣшанная, при которой пашни расчищенныя изъ подъ лѣса, а такъ же удобряемыя или поливныя, остаются въ безсрочномъ и наслѣдственномъ владѣніи ихъ хозяевъ,—другими словами въ чистомъ захватѣ; по отношенію къ «чистымъ», «свѣтлымъ» пашнямъ пользованіе ограничивается, по большей части, временемъ дѣйствительной обработки пашни съ прибавленіемъ небольшого льготнаго срока, отъ одного до трехъ лѣтъ, послѣ оставленія пашни въ залежь. Такіе случаи, когда владѣніе пашней кончается тотчасъ же съ прекращеніемъ фактическаго пользованія, безъ льготнаго срока,—случаи, которые въ западнѣе лежащихъ частяхъ Сибири, на извѣстной ступени развитія формъ пользованія, составляютъ общее правило, въ Забайкальѣ встрѣчаются въ видѣ самаго рѣдкаго исключенія [3]), и это не только у крестьянъ, но также у казаковъ и тѣмъ болѣе—инородцевъ; по общему же правилу, «вездѣ, гдѣ установленъ срокъ залежности, онъ не меньше трехъ лѣтъ, времени по большей части достаточнаго, чтобы земля отдохнула». Затѣмъ, у забайкальскихъ крестьянъ, какъ у казаковъ и инородцевъ очень рѣдко встрѣчается и форма «частныхъ поравненій»; переходъ отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ совершается черезъ посредство смѣшанной формы, при которой одна часть пашенъ подвергается передѣлу или общему поравненію, а другая остается въ ограниченно - захватномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ. Эта форма и въ настоящее время является наиболѣе распространенною у забайкальскихъ

---

1) X, 80
2) X, 80—83
3) X, 80—83, 162.

крестьянъ, въ особенности въ западномъ забайкальѣ, и является, по словамъ г. Кроля, «самой жизненной и наиболѣе характерной для настоящей стадіи развитія крестьянскаго землепользованія въ Забайкальѣ»[1]). Вотъ почему эта форма наиболѣе подробно и всесторонне описана мѣстными изслѣдователями, а потому и въ работѣ г. Кроля получаетъ особенно подробную характеристику[2]).

Форма эта представляетъ однако мало своеобразнаго по сравненію съ аналогичными формами, достаточно подробно описанными, по существу, въ трудахъ изслѣдователей западнѣе лежащихъ частей Сибири. Оригинальными и глубоко интересными представляются только формы пользованія поливными пашнями, на которыхъ, какъ и на порядкахъ пользованія огороженными покосами у инородцевъ, можно прослѣдить связь общинныхъ съ артельными формами, причемъ эти послѣднія являются какъ-бы переходомъ отъ индивидуальнаго захвата къ общинному владѣнію и пользованію [3]). Оросительныя сооруженія именно, въ виду значительности связанныхъ съ ними затратъ труда и средствъ, по большей части непосильны для отдѣльныхъ общественниковъ, даже богатыхъ, а потому и не предпринимаются отдѣльными лицами; съ другой стороны, за устройство такихъ сооруженій не всегда берется и цѣлая община, потому что въ средѣ послѣдней всегда есть члены, либо не нуждающіеся въ увеличеніи своей пахатной площади, либо не имѣющіе возможности взять на себя долю участія въ работахъ по устройству орошенія. Поэтому новыя оросительныя сооруженія нерѣдко устраиваются особыми, свободно составляющимися артелями, въ составъ которыхъ иногда входятъ члены различныхъ общинъ, даже крестьяне вмѣстѣ съ инородцами, чаще—извѣстная часть членовъ какой-либо одной общины. Такъ какъ и потребность въ землѣ, и возможность принять участіе въ работѣ, у отдѣльныхъ участниковъ такой артели бываетъ различна, то каждый изъ нихъ беретъ на себя такое число паевъ, какое соотвѣтствуетъ его потребности въ землѣ и его рабочей способности или средствамъ,—каждый копаетъ канавы «по силѣ» и получаетъ долю орошеннаго пространства, соотвѣтствующую количеству исполненнаго труда. Крестьянскія общины съ полнымъ уваженіемъ относятся къ правамъ подобныхъ артелей: «кто изъ насъ, общественниковъ, читаемъ мы въ одномъ цитируемомъ г. Кролемъ приговорѣ, не будетъ участвовать въ работѣ, тотъ не можетъ пользоваться водою изъ означенной канавы; послѣ того, какъ канава

[1]) X, 89
[2]) X, 90—101
[3]) X, 92—93, 105.

будетъ проведена, вновь пріобрѣтенную землю должно дѣлить на тѣ души, которыя участвовали при работѣ канавы». Но такое исключительное право пользованія орошенною землею предоставляется устроителямъ канавы только на опредѣленный срокъ, достаточный для оплаты затраченнаго труда—обыкновенно 20 или 25 лѣтній, и въ дозволительныхъ на проложеніе канавы приговорахъ опредѣленно оговаривается, что по истеченіи срока «земля должна поступить въ раздѣлъ всего общества».

Такимъ образомъ новыя поливныя пашни, если льготный срокъ не истекъ ко времени общаго передѣла, приравниваются къ тѣмъ пашнямъ, по отношенію къ которымъ община не посягаетъ еще на захватное права; разница только въ томъ, что неприкосновенными здѣсь являются права *не индивида, а цѣлой группы лицъ*, по взаимному между собою соглашенію регулирующей пользованіе орошенною общими трудами пашнею.

Въ остальномъ, подробности разсматриваемой смѣшанной формы пользованія пашнями, не представляютъ особаго интереса. Сущность же совершающагося процесса эволюціи формъ пользованія хорошо резюмируется г. Кролемъ въ слѣдующихъ словахъ[1]): при данной формѣ пользованія «вездѣ господствуетъ передѣлъ, причемъ вездѣ подѣлены лучшія земли—старыя расчистки и поливныя пашни (конечно тоже только старыя); новыя расчистки, хотя еще остаются у хозяевъ ихъ, но срокъ пользованія ими все болѣе ограничивается»: въ то время какъ прежде льготный срокъ пользованія расчистками установлялся обыкновенно въ 40 лѣтъ, въ послѣднее время не рѣдкость случаи сокращенія льготныхъ сроковъ до 25 и даже 12 лѣтъ, и для расчистокъ изъ подъ кустарника—даже до трехъ лѣтъ. «Во многихъ селеніяхъ—продолжаетъ г. Кроль—уже поговариваютъ о передѣлѣ горныхъ пашенъ; но отмѣнить сразу право хозяевъ на расчищенныя пашни община еще не смѣетъ, и это въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пахатную площадь возможно увеличивать только путемъ расчистокъ, даже невыгодно для общества. Поэтому право на расчистки сохраняется еще долго послѣ того, какъ прочія земли уже входятъ въ передѣлъ, а такъ какъ это право неизбѣжно приводитъ раньше или позже къ неравномѣрному пользованію расчищенными пашнями, то общество вскорѣ вноситъ и въ эту область элементъ контроля, запрещая разработку лѣсныхъ участковъ безъ предварительнаго разрѣшенія и угрожая лишеніемъ при ближайшемъ же передѣлѣ расчищенныхъ участковъ всѣмъ тѣмъ, кто производилъ таковую расчистку безъ установленнаго разрѣшенія. Съ

[1]) X, 101

этого момента захватъ участка для разработки обязательно санкціонируется обществомъ—иначе говоря захватъ совершенно упраздняется, а на его мѣсто становится *отводъ*».

Такимъ образомъ, оказывается переходъ отъ той смѣшанной формы пользованія, при которой часть пашенъ передѣляется, а часть состоитъ въ захватномъ пользованіи, тоже совершается не прямо, а черезъ посредство еще другой смѣшанной формы, при которой уравнительное пользованіе комбинируется съ отводомъ-формы, наиболѣе распространенной въ мѣстностяхъ, гдѣ недостатокъ въ землѣ ощущается особенно сильно[1]).

Отводы вначалѣ являются лишь формальною санкціею захвата: «многіе хозяева *сами* просятъ санкціонировать ихъ захватъ, чтобы гарантировать себя на продолжительный срокъ отъ посягательства общины. Съ теченіемъ времени отводъ становится обязательнымъ, а еще позже регулирующая дѣятельность общины становится еще рѣшительнѣе: для возстановленія равномѣрности въ пользованіи расчистками общества начинаютъ ограничивать размѣры отводимой площади»; сначала просто не даютъ расчищать «слишкомъ большихъ» площадей не устанавливая какой-либо опредѣленной нормы; затѣмъ установляется извѣстный предѣльный размѣръ разрѣшаемыхъ отдѣльному домохозяину расчистокъ, причемъ размѣръ этотъ, сообразуемый съ рабочимъ составомъ семьи, съ теченіемъ времени сокращается; г. Кроль приводитъ примѣръ одной общины, гдѣ раньше дозволяли расчищать до семи десятинъ, теперь же—не болѣе $1—1^1/_2$ десятинъ; при опредѣленіи размѣра дозволяемыхъ расчистокъ иногда принимается во вниманіе и платежная способность семьи—«все большее значеніе пріобрѣтаетъ начало, что всякій желающій платить подати *имѣетъ право* на земельный надѣлъ, и такимъ образомъ, черезъ послѣднюю промежуточную форму пользованія пахатными угодьями—передѣлъ и отводъ,—подготовляется поравненіе или передѣлъ *всѣхъ пахатныхъ угодій между всѣми платежными душами*». Отводы дѣлаются на опредѣленный срокъ, по истеченіи котораго расчистка поступаетъ въ общій передѣлъ; нѣкоторыя общины при этомъ слѣдятъ, чтобы отведенная площадь была дѣйствительно расчищена: иногда для этого установляется особый, болѣе короткій срокъ, при чемъ хозяинъ, не приступившій къ расчисткѣ до истеченія этого срока, теряетъ отведенный участокъ, иногда же оставшаяся неразработанною площадь при общемъ передѣлѣ просто засчитывается нерадивому хозяину въ счетъ душевой пашни.

Что касается наконецъ до чисто-уравнительной формы, передѣла или поравненія, распространяющагося на *всю* пло-

[1]) X, 102—106

щадь пахатныхъ угодій, то эта форма и у крестьянъ встрѣчается лишь въ видѣ рѣдкаго исключенія [1]); и въ крестьянскихъ общинахъ еще не завершился тотъ процессъ распространенія вширь пахатной площади, успѣшному ходу котораго благопріятствуетъ право отдѣльныхъ хозяевъ производить расчистки на захватномъ правѣ; впрочемъ, нѣкоторыя общины удовлетворяютъ той-же потребности другимъ способомъ: онѣ *передѣляютъ* лѣсныя площади, предназначаемыя подъ расчистку, въ видѣ особыхъ паевъ, дополнительныхъ къ душевымъ надѣламъ мягкой земли, и такимъ образомъ ставятъ въ дѣлѣ расширенія пахатной площади, на мѣсто личной,—общественную инициативу.

Формы пользованія сѣнокосами и у крестьянъ ушли значительно дальше на пути своего развитія, нежели формы пользованія пашнями. Во всемъ Забайкальѣ не зарегистрировано ни одной крестьянской общины, гдѣ вся масса покосовъ оставалась - бы еще въ вольномъ или захватномъ пользованіи; передѣлы покосовъ практикуются повсемѣстно, причемъ въ однѣхъ общинахъ передѣляются уже всѣ покосы, въ другихъ же по отношенію части ихъ сохранились допередѣльныя формы пользованія [2]). Къ сожалѣнію, данныя изслѣдованія содержатъ по отношенію къ формамъ пользованія покосами у крестьянъ лишь очень немного указаній; въ частности, онѣ не даютъ прямого отвѣта на вопросъ о томъ, *какимъ путемъ шло развитіе формъ пользованія* покосами—и только болѣе или менѣе предположительно г. Кроль высказываетъ мысль, что «иного пути для развитія формъ пользованія покосами, кромѣ описаннаго по отношенію къ пашнямъ, не было».

Затѣмъ, въ частности, во всемъ почти восточномъ Забайкальѣ господствуютъ по отношенію къ покосамъ ежегодные передѣлы [3]); данныя подворной описи указываютъ, правда, на значитльное развитіе вольнаго сѣнокошенія—но, какъ было выше отмѣчено, эти данныя не типичны, и въ дѣйствительности вольное сѣнокошеніе едва-ли имѣетъ значительное развитіе. Преобладаютъ ежегодные передѣлы и въ западномъ Забайкальѣ; но съ одной стороны здѣсь довольно часто встрѣчаются и передѣлы на болѣе продолжительные сроки, и съ другой—въ значительномъ числѣ общинъ, рядомъ съ уравнительными формами, сохранились еще, по отношенію къ части покосовъ, и старыя, захватныя формы. Ниже намъ придется подробнѣе коснуться вопроса о срокахъ передѣловъ и разойтись въ этомъ отношеніи, съ взглядами г. Кроля. Здѣсь замѣтимъ

1) X, 106—108
2) X, 243
3) X. 109, 243

только, что существованіе въ Западномъ Забайкальѣ *періодическихъ* передѣловъ съ *захватнымъ* пользованіемъ, а въ восточномъ—*ежегодныхъ* передѣловъ съ *вольнымъ* сѣнокошеніемъ уже само по себѣ проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на причины, почему въ одной части области практикуются исключительно ежегодные, въ другой—кромѣ того и періодическіе передѣлы. Въ восточной части области косятся, очевидно, исключительно покосы, не требующіе предварительной расчистки; по отношенію къ такимъ покосамъ, при полномъ просторѣ, практикуется вольное сѣнокошеніе, изъ котораго съ наступленіемъ нѣкотораго «утѣсненія», развиваются ежегодные передѣлы. То-же самое справедливо и по отношенію къ большей части покосовъ западной части области; но здѣсь, благодаря болѣе густому—по сравненію съ площадью занятыхъ земель—населенію, процессъ развитія формъ пользованія ушелъ по отношенію къ такимъ покосамъ гораздо дальше — вольное сѣнокошеніе совершенно исчезло и замѣнилось ежегодными передѣлами. Но значительную часть покосовъ составляютъ здѣсь расчистки, а также удобряемые и орошаемые покосы, по отношенію къ которымъ немыслимы ни вольное пользованіе, ни ежегодный передѣлъ; значительная часть подобнаго рода покосовъ—новыя расчистки и т. п.—до сихъ поръ состоитъ въ захватномъ пользованіи, извѣстная же часть ихъ хотя и поступила уже въ уравнительное пользованіе, но въ формѣ не ежегодныхъ, а безсрочныхъ или періодическихъ передѣловъ, которая только и могла естественно развиться изъ захватной формы; въ извѣстныхъ же случаяхъ періодическій передѣлъ—позднѣйшая форма, введенная взамѣнъ ежегоднаго передѣла главнымъ образомъ ради того, чтобы устранить ту порчу покосовъ, которая является результатомъ ежегодныхъ передѣловъ[1]).

Мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями относительно такихъ угодій, какъ лѣсъ и выгонъ, по отношенію къ которымъ формы пользованія у забайкальскихъ крестьянъ представляютъ мало своеобразнаго. Пользованіе лѣсомъ[2]), по общему правилу, совершенно свободно—ограниченія, наблюдаемыя въ бѣдныхъ лѣсомъ мѣстностяхъ, сводятся къ тому, что общины запрещаютъ рубить лѣсъ на продажу или взимаютъ съ вырубаемыхъ на продажу лѣсныхъ матеріаловъ пошлину въ пользу общественныхъ суммъ; лишь въ нѣсколькихъ единичныхъ случаяхъ изслѣдованіемъ отмѣчены заказные лѣса и рощи—иногда кедровники—иногда насажденія, имѣющія защитное значеніе. Совершенно не регулировано и пользованіе пастбищами: «каждый

[1]) X, 111.
[2]) X, 129—131

пасеть столько скота, сколько у него есть—даже скототорговцевъ рѣдко стѣсняютъ [1]), и пользованіе выпасомъ связано лишь съ участіемъ въ городьбѣ присельнаго выгона, раскладываемой иногда по душамъ, чаще—по числу головъ скота. Ограниченія права пользованія выгономъ встрѣчаются весьма рѣдко[2]) и выражаются чаще въ видѣ запрещенія пасти скоть, скупаемый торговцами для перепродажи. Въ одной общинѣ, очень бѣдной пастбищами, выгонять на общественный выгонъ позволяется лишь рабочій и дойный скоть—остальной же скотъ всѣ общественники обязались отдавать на выпасъ въ бурятскія дачи. Телятники, по большей части, загораживаются отдѣльными хозяевами и состоять въ чистомъ захватѣ[3]); отмѣчены, впрочемъ, и общественные телятники, загораживаемые цѣлымъ обществомъ на присельномъ выгонѣ; въ нѣсколькихъ общинахъ такіе телятники, по наступленіи «утѣсненія» въ покосахъ, были передѣлены по душамъ и обращены въ сѣнокосъ.

Если формы пользованія выгонами и лѣсомъ представляютъ мало своеобразнаго, то тѣмъ интереснѣе, напротивъ, у забайкальскихъ крестьянъ формы пользованія усадебными и прусадебными землями, по отношенію къ которымъ чисто-захватныя формы почти вездѣ уже успѣли замѣниться иными формами, открывающими болѣе или менѣе значительный просторъ воздѣйствію общины.

Чисто захватная форма, характеризуемая правомъ отчужденія усадебъ даже постороннимъ лицамъ и неограниченнымъ правомъ загораживанія телятниковъ, наблюдается, какъ остатокъ нѣкогда господствовавшей формы, лишь въ нѣсколькихъ селеніяхъ, разбросанныхъ притомъ по всему пространству области.[4]). Господствуетъ ограниченно-захватная форма, представляющая въ частности значительное разнообразіе [5]): иногда ограничено только право продажи усадебъ посторонним или даже своимъ общественникамъ; иногда запрещается завѣщать усадьбы посторонним или сдавать ихъ въ долгосрочную аренду; иногда предъявляется трбованіе, чтобы новыя усадьбы устраивались на плановыхъ мѣстахъ—это дѣлается частью изъ полицейско-строительныхъ соображеній, частью—ради экономіи въ выгонной землѣ. Въ большинствѣ крестьянскихъ общинъ дѣло на этомъ, однако, не остановилось, а появились уже отводы усадебныхъ и прусадебныхъ земель подъ вновь возникающія усадьбы, при полной, однако, неприкосновенности старыхъ усадебныхъ мѣстъ; въ нѣ-

[1]) X, 131
[2]) X, 132
[3]) X, 133.
[4]) X, 113
[5]) X, 114—115

которыхъ общинахъ существуетъ при этомъ довольно странный обычай отводить усадебныя доли и на неотдѣленныхъ членовъ семей[1]), по достиженіи ими извѣстнаго, обыкновенно 12—18 лѣтняго возраста и по положеніи ихъ въ платежный окладъ; этимъ правомъ иногда злоупотребляютъ многосемейные домохозяева, обращая лишніе усадебные участки подъ пашню и только для вида сваливая при нихъ нѣсколько бревенъ, яко-бы для будущей постройки.

Въ сравнительно немногихъ общинахъ, почти исключительно въ западномъ Забайкальѣ, дѣло дошло уже до связанныхъ съ отрѣзками поравненій усадебныхъ мѣстъ, частныхъ или даже общихъ, причемъ, однако, почти вездѣ поравненія касались исключительно прусадебныхъ земель—огородовъ, телятниковъ, гуменъ, конопляшниковъ,—т. е. такихъ частей усадьбы, отрѣзки которыхъ не нарушаютъ правъ хозяевъ на непосредственныя усадебныя мѣста[2]) и только въ одномъ случаѣ поравненіе коснулось самихъ дворовыхъ мѣстъ[3]);—были произведены отрѣзки у тѣхъ домохозяевъ, которыхъ дворовыя мѣста занимали вдоль по улицѣ, болѣе 20 саженъ.

Такимъ образомъ, заключаетъ г. Кроль[4]), «процессъ развитія формъ пользованія усадебными землями въ крестьянскихъ селеніяхъ по существу совершенно тождественъ съ процессомъ развитія формъ пользованія другими земельными угодьями. Какъ спеціальный видъ угодья, очень мало подвижный, усадебныя мѣста представляютъ несомнѣнно много своеобразныхъ особенностей; неудивительно поэтому, что исторія пользованія усадебными землями отмѣчена нѣкоторыми своеобразными чертами; тѣмъ не менѣе первоначальною формою пользованія усадебными землями, какъ и пахатными угодьями, является чисто захватная, которая черезъ множество промежуточныхъ стадій (ограниченный захватъ, отводъ, отрѣзки)приходитъ, въ концѣ концовъ, къ уравнительнымъ формамъ. Чисто-захватная форма въ крестьянскихъ селеніяхъ въ настоящее время уже отжила свой вѣкъ; съ другой стороны и уравнительныя формы пока являются еще рѣдкостью, и господствующими формами слѣдуетъ признать ограниченно-захватныя и тѣ промежуточныя, смѣшанныя формы пользованія, которыя постепенно подготовляютъ правосознаніе крестьянъ къ поравненіямъ.»

X.

Мы дали на предыдущихъ страницахъ общій обзоръ формъ пользованія различными угодьями у каждаго изъ трехъ разря-

[1]) X, 117, 121.
[2]) X, 124.
[3]) X, 127.
[4]) X, 128

довъ забайкальскаго населенія. Теперь мы остановимся въ отдѣльности на нѣкоторыхъ изъ этихъ формъ—все равно, встрѣчаются ли онѣ у крестьянъ, казаковъ или инородцевъ, поскольку эти формы, разсматриваемыя сами по себѣ или по мѣсту, занимаемому ими въ общей лѣстницѣ развитія типовъ землепользованія, отличаются отъ формъ, описанныхъ въ трудахъ изслѣдователей общинныхъ порядковъ въ западнѣе лежащихъ частяхъ Сибири, или поскольку онѣ освѣщены авторомъ монографіи о формахъ землепользованія иначе, нежели у только-что упомянутыхъ, болѣе раннихъ изслѣдователей.

Остановимся сначала на *первоначальныхъ, до передѣльныхъ* формахъ пользованія и напомнимъ прежде всего, о томъ уже упоминавшемся обстоятельствѣ, что чистый захватъ, который въ другихъ частяхъ Сибири наблюдался исключительно въ качествѣ *первоначальной* формы пользованія, въ Забайкальѣ является, въ значительной мѣрѣ *производной* формой. Такъ, у инородцевъ чистый захватъ, по отношенію къ сѣнокоснымъ угодьямъ, въ значительномъ числѣ случаевъ развился изъ вольнаго сѣнокошенія. Выше (стр. 129 и слѣд.) мы подробно останавливались на этомъ любопытномъ явленіи и видѣли, какъ изъ первоначально-вольнаго сѣнокошенія развивается неопредѣленная форма поскотинныхъ общинъ или точнѣе поскотинно-сѣнокосныхъ артелей,—вначалѣ свободно образующихся и лишь весьма слабо замкнутыхъ союзовъ домохозяевъ, связанныхъ общею городьбой покосовъ; какъ затѣмъ, по мѣрѣ наступленія «утѣсненія» въ угодьяхъ, эти поскóтинныя общины мало по малу окончательно замыкаются, и внутри ихъ пользованіе каждаго отдѣльнаго хозяина пріобрѣтаетъ строго захватный, въ тѣсномъ смыслѣ слова, характеръ; мы видѣли, какъ въ другихъ случаяхъ тотъ-же процессъ совершался и безъ посредства промежуточной формы поскóтинныхъ общинъ; отдѣльные хозяева, просто, ради хозяйственнаго удобства пріурочивали свое пользованіе къ отдѣльнымъ сѣнокоснымъ урочищамъ, по отношенію къ которымъ у нихъ мало по малу создавалось чисто-захватное право.

Случаи перехода отъ вольнаго сѣнокошенія къ чистому захвату, какъ разультатъ огораживанія покосовъ, на первый взглядъ противурѣчащіе выработанной болѣе ранними изслѣдователями схемѣ до-передѣльныхъ формъ пользованія, на самомъ дѣлѣ скорѣе подтверждаютъ эту схему, нежели опровергаютъ ее. *Источникомъ чистаго захвата*, какъ неоднократно указывали мѣстные изслѣдователи и какъ окончательно выяснено г. Качоровскимъ, *является трудъ*, затраченный на разработку земли; гдѣ такой затраты труда нѣтъ, тамъ возможно не захватное, а только вольное пользованіе. Эта форма и была у

забайкальскихъ инородцевъ первоначальною формою пользованія тѣми покосами, которые, являясь свободнымъ даромъ природы, непуждались въ предварительной расчисткѣ или иной затратѣ труда. Но вотъ, по чисто хозяйственнымъ условіямъ, появляется огораживаніе покосовъ; огороженный покосъ перестаетъ уже быть свободнымъ даромъ природы; «самый фактъ огораживанія, по уже цитированному, при другомъ случаѣ, замѣчанію г. Кроля, представляетъ ту затрату труда, которая создаетъ право на огороженный участокъ»; а потому естественно, что по отношенію къ попадающимъ въ изгороди покосамъ устанавливается, опираясь главнымъ образомъ на затраченный трудъ, чисто захватная форма.

Труднѣе объяснить переходъ отъ вольнаго пользованія къ чистому захвату въ тѣхъ случаяхъ, когда такой переходъ совершался по отношенію къ неогороженнымъ покосамъ,—и этотъ фактъ, повидимому, остается исключеніемъ, нѣсколько подрывающимъ установленную прежними изслѣдователями схему развитія допередѣльныхъ формъ пользованія.

По установленной предыдущими изслѣдованіями схемѣ, первоначальною формою пользованія пашнями является чистый захватъ, по мѣрѣ прогрессирующаго «утѣсненія» переходящій въ ограниченно-захватныя формы. Земельные порядки забайкальскихъ инородцевъ представляютъ и въ этомъ отношеніи своеобразныя особенности. Чистый захватъ существуетъ у нихъ въ качествѣ первопачальной формы, только по отношенію къ лѣснымъ расчисткамъ и вообще—къ такимъ пахатнымъ землямъ, для обращенія которыхъ подъ культуру требовалась извѣстная предварительная затрата труда,—и совершенно не встрѣчается по отношенію къ «гладкимъ», «свѣтлымъ» пашнямъ, т. е. такимъ, разработка которыхъ требуетъ только извѣстной *текущей* затраты труда, окупаемой *текущимъ* продуктомъ. По отношенію къ этого рода пашнямъ общераспространенною является такая форма пользованія, при которой пашня считается за хозяиномъ только до тѣхъ поръ, пока стоитъ городьба или еще немного лѣтъ по снятіи городьбы. Изслѣдованіе не дастъ никакихъ указаній относительно того, чтобы эта форма пользованія развилась, по отношенію къ «свѣтлымъ» пашнямъ, изъ чистаго захвата; напротивъ—тотъ фактъ, что форма эта встрѣчается въ тѣхъ именно общинахъ, гдѣ инородцы, при громадномъ земельномъ просторѣ, лишь въ небольшихъ размѣрахъ занимаются земледѣліемъ, приводитъ г. Кроля къ заключенію, что эта форма пользованія не является здѣсь переходною, ибо въ такихъ общинахъ «могли существовать только первоначальныя формы»[1]).

[1]) X, 46—48

По первому взгляду эта форма чрезвычайно похожа на форму ограниченно-захватную или по нашей прежней терминологіи—захватно-общинную. Однако, г. Кроль не обозначаетъ ея этимъ названіемъ, и совершенно справедливо: существенный признакъ ограниченно-захватной формы—это то, что въ результатѣ вызванныхъ »утѣсненіемъ» столкновеній интересовъ отдѣльныхъ обществениковъ захватъ «въ томъ или другомъ видѣ уже *ограниченъ властью міра*». Въ данномъ случаѣ никакихъ указаній на вмѣшательство міра не имѣется; мало того: «весьма мало вѣроятно, чтобы такой взглядъ (на «свѣтлыя» пашни) явился результатомъ активнаго вмѣшательства общины, ибо при описанныхъ условіяхъ широкаго простора навряд-ли было возможно «столкновеніе интересовъ» въ видѣ одновременныхъ притязаній нѣсколькихъ лицъ на одну и ту-же залежь»[1]). Источникъ этой формы пользованія—въ чисто-хозяйственныхъ условіяхъ, въ силу которыхъ связь съ вышаханною гладкою пашней тотчасъ-же по забросѣ ея въ залежь» окончательно прерывается; а такъ какъ за сравнительно небольшой трудъ по поднятію цѣлины или старой залежи онъ вознаградилъ себя достаточно, то занятая земля, естественно, входитъ снова въ общій фондъ земельныхъ угодій, не состоящихъ ни въ чьемъ индивидуальномъ пользованіи»; оставленная въ залежь пашня становится, такимъ образомъ, доступною для новаго захвата не въ силу распоряженія общины, а просто потому, что «самый фактъ снятія городьбы и пропускъ срока залежности являются какъ-бы актами добровольнаго отреченія хозяина пашни отъ занятой имъ земли». Если, поэтому, подводить эту форму пользованія подъ какой либо изъ ранѣе установленныхъ типовъ, то она ближе всего подходитъ не къ ограниченно-захватной, а къ *вольной* формѣ пользованія, сущность которой, по опредѣленію г. Кроля, именно въ томъ и заключается, что «фактъ пользованія не создастъ еще никакихъ длящихся отношеній лица къ землѣ»,—что пользованіе начинается съ момента начала эксплоатаціи данной земельной площади и кончается съ ея прекращеніемъ. На первый взглядъ такое заключеніе можетъ показаться страннымъ: казалось-бы трудно, въ самомъ дѣлѣ, подводить подъ одинъ терминъ вольное сѣнокошеніе, при которомъ захватчикъ пріобрѣтаетъ лишь право на накошенное имъ сѣно, и разсматриваемую форму пользованія пашнями; но разница вытекаетъ изъ чисто-хозяйственныхъ условій—изъ различія въ способахъ использованія покоса и пашни, существо же дѣла, разъ нѣтъ на лицо столкновеній интересовъ и вмѣшательства общины, совершенно то-же: владѣніе, начинающееся и прекращающееся

[1]) X, 49.

вмѣстѣ съ фактическимъ пользованіемъ и не дающее хозяину никакихъ длящихся правъ на эксплоатируемую имъ, въ данный моментъ, земельную площадь.

Считаю не лишнимъ замѣтить, что указанія на существованіе подобной формы уже ранѣе имѣлись въ литературѣ вопроса. Именно, въ роботѣ г. Филимонова объ общинныхъ порядкахъ въ сѣверо-западной Барабѣ описывается существующая здѣсь, по отношенію къ нетребующимъ предварительной расчистки пашнямъ, какъ по отношенію къ покосамъ, «вольница». «вольное» пользованіе, возникающее при самомъ неограниченномъ просторѣ и состоящее во временномъ захватѣ угодій, не создающемъ никакихъ прочныхъ правъ владѣнія или пользованія. Но г. Филимонову не удалось достаточно опредѣленно выяснить, въ какихъ конкретныхъ формахъ проявляется эта «вольница» по отношенію къ пашнямъ: онъ изображалъ дѣло такъ, будто крестьяне «время отъ времени наѣзжаютъ для вспашки и посѣва»—представленіе, едва ли совмѣстимое съ характеромъ земледѣльческаго производства, не допускающаго столь мимолетной связи съ обрабатываемою землею[1]). И эта недостаточная выясненность заставила, напримѣръ, пишущаго эти строки считать существованіе «волницы», по отношенію къ пашнямъ, плодомъ нѣкотораго недоразумѣнія. Къ тому-же взгляду склонялся, очевидно, и авторъ уже упомянувшейся новѣйшей работы о русской общинѣ, г. Качоровскій, который вовсе не нашелъ для «вольницы» г. Филимонова мѣста въ своей общей схемѣ развитія допередѣльныхъ формъ пользованія. Данныя забайкальскихъ изслѣдованій неоспоримо доказываютъ, что «вольница» существовала въ Забайкальской области и по отношенію къ пашнямъ, благодаря чему становится правдоподобнымъ существованіе ея и въ другихъ мѣстностяхъ Сибири,—обстоятельство не лишенное общаго интереса, ибо фактъ существованія по отношенію къ нетребующимъ предварительной затраты труда пашнямъ формы пользованія, вполнѣ аналогичной вольному пользованію естественными покосами, является лучшимъ доказательствомъ справедливости общаго положенія относительно строгой зависимости формъ пользованія отъ характера и условій хозяйственной эксплоатаціи угодій.

XI.

По даннымъ изслѣдованій, произведенныхъ въ западнѣе лежащихъ частяхъ Сибири, процессъ эволюціи захватныхъ формъ рисовался такимъ образомъ, что чистый захватъ первоначально переходитъ въ захватъ, ограниченный извѣстнымъ срокомъ

[1]) См. Филимоновъ, «Матеріалы по вопросу объ эволюціи землевладѣнія. Вып. 1. Формы волостнаго землевладѣнія въ сѣв.—зап. Барабѣ», Пермь 1895. стр. 10—14,

залежности; этотъ срокъ постепенно сокращается, и мало по малу пашня становится свободною для захвата съ того самаго момента, когда она оставлена въ залежь (этой разновидности ограниченнаго захвата г. Кроль, въ цитируемыхъ ниже выдержкахъ изъ его работы присваиваетъ названіе «захватно-общинной»формы); затѣмъ наступаетъ стадія отводовъ, сперва распространяющихся исключительно на незанятыя въ данный моментъ земли, а затѣмъ переходящихъ въ «отводы-отрѣзки», которые сначала задѣваютъ лишь отдѣльныхъ хозяевъ и такимъ образомъ имѣютъ характеръ «частныхъ поравненій», но затѣмъ, мало по малу учащаясь, приводятъ къ первой, несовершенной формѣ уравнительнаго пользованія—«общему поравненію».

Въ Забайкальѣ, по свидѣтельству г. Кроля, «захватно-общинная»—въ изъясненномъ только-что тѣсномъ смыслѣ—форма встрѣчается только въ инородческихъ общинахъ [1]); здѣсь нерѣдко «пашня дѣлается доступною новому захвату тотчасъ-же по снятіи городьбы», т. е. съ того самого момента, когда прекращается дѣйствительное ея использованіе, безъ какого-либо льготнаго срока. Напротивъ, у крестьянъ и казаковъ эта форма очень мало распространена: «по общему правилу, говоритъ г. Кроль [2]), вездѣ гдѣ существуетъ срокъ залежности, онъ не меньше трехъ лѣтъ, т. е. времени большею частью, достаточнаго, чтобы земля отдохнула»; и напротивъ—«случаи, когда брошенною пашнею тотчасъ-же или черезъ годъ послѣ оставленія въ залежь можетъ воспользоваться другой, насчитываются во всемъ Забайкальѣ единицами, и значенія они въ исторіи крестьянскаго (а также казачьяго) землепользованія имѣть не могутъ». Столь-же рѣдко встрѣчается, по словамъ г. Кроля, и форма «частныхъ поравненій»: весьма распространенныя у инородцевъ по отношенію къ покосамъ, частныя поравненія примѣняются по отношенію къ пашнямъ чрезвычайно рѣдко—инородцы очевидно тщательно избѣгаютъ отводовъ-отрѣзокъ»; столь же большую рѣдкость частныя поравненія представляютъ у казаковъ и крестьянъ,—и это потому, что «установившійся обычай, считать пашню по снятіи городьбы или по истеченіи срока залежности свободною для всѣхъ, въ значительной степени дѣлаетъ излишними отводы-отрѣзки» [3]).

Г. Кроль придаетъ изложеннымъ особенностямъ эволюціи захватныхъ формъ въ Забайкальѣ весьма важное общее значеніе. Набросавъ картину постепеннаго упадка захватныхъ формъ, какъ она рисуется по преимуществу на основаніи данныхъ, собранныхъ въ другихъ частяхъ Сибири, г. Кроль замѣчаетъ [4])

[1]) X, 49.
[2]) 83, 162.
[3]) X 53, 83—84, 162.
[4]) X, 83—84.

«подобной картины въ Забайкальѣ нарисовать нельзя, ибо данныя мѣстнаго изслѣдованія приводятъ къ совершенно инымъ заключеніямъ. Въ Забайкальской области форма пользованія пашнями, при которой владѣніе прекращается съ прекращеніемъ самаго пользованія, почти нигдѣ не зарегистрирована. Отводы и отрѣзки пашенъ, какъ формы, сопутствующія захватному пользованію, также представляютъ въ Забайкальѣ большую рѣдкость, а между тѣмъ почти въ половинѣ крестьянскихъ селеній практикуются уже поравненія или чистыя, или рядомъ съ захватными формами. Ясно—заключаетъ г. Кроль, что существуютъ и другіе способы перехода отъ захватныхъ формъ къ уравнительнымъ, кромѣ тѣхъ, которыя указаны изслѣдователями Иркутской и Енисейской губерніи. Если бы захватно-общинная форма составляла неизбѣжное связующее звено между ограниченно-захватною и смѣшанною, то на рубежѣ этихъ формъ, самыхъ распространенныхъ въ Забайкальѣ, должны были-бы размѣститься многочисленные случаи захватно-общиннаго пользованія пашнями симптомы подготовляющихся исподволь новыхъ поравненій и передѣловъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было отмѣчено», а потому забайкальскія данныя, по мнѣнію г. Кроля, въ значительной мѣрѣ подрываютъ выводы болѣе раннихъ изслѣдователей по вопросу о процессѣ перехода отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ.

Позволимъ себѣ высказать, что данномъ случаѣ соображенія уважаемаго автора не исключаютъ возможности сомнѣнія. Прежде всего, намъ кажется неубѣдительнымъ даваемое г. Кролемъ объясненіе малой распространенности въ Забайкальѣ частныхъ поравненій: вѣдь захватъ, ограниченный срокомъ залежности или даже прекращающійся вмѣстѣ съ фактическимъ пользованіемъ, весьма распространенъ и въ другихъ частяхъ Сибири; если тамъ существованіе этихъ формъ не помѣшало большому развитію отводовъ-отрѣзокъ, то трудно видѣть именно въ этихъ формахъ причину малой распространенности частныхъ поравненій въ Забайкальѣ. Затѣмъ, и самый фактъ малой распространенности частныхъ поравненій кажется намъ не достаточно твердо установленнымъ. Приводимые въ текстѣ работы г. Кроля [1]), случаи частныхъ поравненій пашенъ, правда, немногочисленны, но это обстоятельство не можетъ имѣть рѣшающаго значенія, такъ какъ г. Кроль, какъ онъ объясняетъ въ своемъ предисловіи, вовсе не стремился дать исчерпывающаго обзора конкретныхъ фактовъ, и приводилъ таковые лишь въ видѣ примѣровъ, иллюстрирующихъ тѣ или другія общія положенія, приложенныя же къ X тому

[1]) X, 53, 84, 97, 99, 162.

«текстовыя таблицы» въ данномъ случаѣ, очевидно, неполны, такъ какъ въ нихъ не показаны даже тѣ случаи «частныхъ поравненій», о которыхъ упоминается въ текстѣ. Затѣмъ, приводимые г. Кролемъ конкретные факты относятся почти исключительно къ настоящему или недавно прошедшему времени. Что касается до болѣе давнихъ случаевъ перехода къ уравнительному пользованію, то «населеніе совсѣмъ не помнитъ или очень смутно помнитъ эти передѣлы и потому не можетъ объяснить, были-ли это дѣйствительно передѣлы, или только общія, а быть можетъ—*даже и частныя поравненія*» [1]). Напечатанныя курсивомъ слова позволяютъ намъ высказать предположеніе, что при первыхъ по области или району попыткахъ перехода къ уравнительному пользованію, когда каждой отдѣльной общинѣ приходилось самостоятельно вырабатывать и проводить въ жизнь идею поравненія, «частныя поравненія» были, можетъ быть, болѣе обычною переходною формой, напротивъ тѣ общины, гдѣ этотъ переходъ совершился въ новѣйшее время, имѣли уже передъ собою примѣръ ранѣе передѣлившихъ или поравнявшихъ землю общинъ, а потому, дѣйствительно, легко могли перескочить черезъ ту ступень разрозненныхъ и нерѣшительныхъ попытокъ проведенія въ жизнь уравнительнаго начала, которая находитъ себѣ выраженіе въ «частныхъ поравненіяхъ». Только принявъ это предположеніе, мы въ состояніи будемъ примирить нѣкоторое противорѣчіе между изложенными выше соображеніями г. Кроля и тѣмъ мѣстомъ его работы [2]), гдѣ почтенный авторъ, выясняя общую схѣму развитія уравнительныхъ формъ, прямо говоритъ о «частныхъ поравненіяхъ» или отрезкахъ отъ съемочныхъ хозяевъ, какъ «первомъ, и, пожалуй, самомъ трудномъ шагѣ по пути къ общимъ кореннымъ передѣламъ; разъ онъ сдѣланъ—говоритъ здѣсь г. Кроль—частныя поравненія, повторяясь все чаще и чаще, приводятъ наконецъ къ поравненіямъ общимъ т. е. къ такой формѣ землепользованія, когда община уже вполнѣ признаетъ права каждаго изъ своихъ членовъ на полученіе одинаковой части земельныхъ угодій».

Какъ-бы то ни было, но наиболѣе распространенною въ настоящее время переходною формой является та «*смѣшанная*» форма при которой часть даннаго угодья подверглась уже общему поравненію или передѣлу, другая же часть остается въ захватномъ пользованіи, въ той или другой изъ его многочисленныхъ разновидностей,—порядокъ въ западнѣе лежащихъ частяхъ Сибири, представляющій скорѣе исключеніе, нежели общее правило. Намъ кажется, однако, что и въ данномъ слу-

[1]) X, 193.
[2]) X, 176.

чаѣ разница между Забайкальемъ и ранѣе изслѣдованными частями Сибири—результатъ не столько дѣйствительнаго различія въ *формахъ* пользованія, сколько различія во взглядахъ—именно слишкомъ широкаго пониманія г. Кролемъ той формы, о которой идетъ рѣчь въ данную минуту, стоящаго въ связи съ общими взглядами его на взаимное отношеніе захватнаго и уравнительнаго началъ. Для г. Кроля *всякое* проявленіе вниманія общины къ правамъ отдѣльнаго ея члена, основанным на давности или на затраченномъ трудѣ, есть пережитокъ захватныхъ, исключительно на трудѣ и давности основанныхъ формъ пользованія. Г. Кроль относитъ поэтому къ «смѣшаннымъ» формамъ всѣ тѣ случаи, когда какая-либо часть даннаго угодья не входитъ въ общій передѣлъ и остается, хотя бы временно въ исключительномъ пользованіи отдѣльныхъ домохозяевъ [1]),—въ томъ числѣ случаи, когда, при полномъ господствѣ, по отношенію къ главной массѣ угодій уравнительнаго пользованія, новыя расчистки оставляются внѣ передѣла на заранѣе опредѣленный общиною срокъ, и даже такіе, когда каждому отдѣльному домохозяину позволяется расчищать не свыше извѣстнаго, опредѣленнаго общиною количества земли; наконецъ, къ «смѣшаннымъ» формамъ г. Кроль относитъ и тѣ случаи, когда изъ общаго передѣла исключается, на опредѣленный срокъ, и передѣляется между членами свободно составившейся артели пашня, орошенная соединеннымъ трудомъ или на общій счетъ участниковъ этой артели.

Въ дальнѣйшемъ намъ придется подробно остановиться на общихъ взглядахъ г. Кроля по вопросу о взаимномъ отношеніи захватнаго и уравнительнаго началъ. Здѣсь замѣтимъ только, что мы не видимъ никакой внутренней связи между индивидуальнымъ пользованіемъ, когда оно опирается на *захватъ* и индивидуальнымъ пользованіемъ, когда источникомъ его является *распоряженіе общины*, основанное на соображеніяхъ справедливости и хозяйственной цѣлесообразности. Если, поэтому, во всѣхъ приведенныхъ только-что случаяхъ форму пользованія и можно назвать «смѣшанною», то это смѣшеніе является результатомъ комбинаціи душевого пользованія не съ захватнымъ, а съ нѣкоторыми особыми видами общинныхъ распорядковъ, а потому «смѣшанная» форма здѣсь никакъ не можетъ быть разсматриваема какъ переходная отъ захвата къ уравнительному пользованію. Если же исключить всѣ подобнаго рода случаи, судя по приводимымъ г. Кролемъ примѣрамъ, довольно многочисленные, изъ числа случаевъ «смѣшанной» захватно-передѣльной формы, то центръ тяжести замѣтно перемѣстится отъ этой «смѣшанной» формы къ другимъ пере-

[1]) 89—105.

ходнымъ формамъ—можетъ быть, согласно изложенному выше, даже къ формѣ «частныхъ поравненій».

XII.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію употребительныхъ въ Забайкальѣ формъ *чисто-уравнительнаго* пользованія. Полная характеристика этихъ послѣднихъ получилась-бы, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если-бы мы начали съ обзора способовъ разверстки земли и платежей между отдѣльными членами общинъ, и уже затѣмъ перешли къ способамъ распредѣленія угодій между имѣющими право на полученіе земли обществениками. Но чтобы не удлинять безъ особой нужды нашего изложенія, мы не будемъ останавливаться на первомъ вопросѣ, такъ какъ въ отношеніи раскладочныхъ земельноподатныхъ порядковъ забайкальская община не представляетъ какихъ-либо заслуживающихъ вниманія особенностей. Мы ограничимся лишь общимъ замѣчаніемъ, что передѣлы почти вездѣ производятся не по ревизскимъ душамъ, а по какимъ либо новымъ разверсточнымъ единицамъ—наличнымъ душамъ или ѣдокамъ, по душамъ рабочаго возраста и т. п. [1]),—и затѣмъ прямо перейдемъ къ способамъ распредѣленія важнѣйшихъ угодій—пашенъ и покосовъ между отдѣльными обществениками. *Передѣлы пашенъ* всюду почти производятся на долгіе сроки; такъ говоритъ г. Кроль, резюмируя главу о передѣлахъ пахатныхъ земель[2]), и приводимыя имъ по данному вопросу, не слишкомъ многочисленныя конкретныя данныя не позволяютъ ничего добавить къ этому общему указанію. Что касается собственно до пріемовъ распредѣленія пашенъ, то «несмотря на сравнительно небольшое распространеніе уравнительной формы пользованія пашнями, по отношенію къ этому угодью примѣняются всѣ основные виды передѣла» [3]). Самою распространенною, однако, формою является та, которую г. Кроль, по примѣру изслѣдователей Иркутской и Енисейской губерній, называетъ «общимъ поравненіемъ»: «вездѣ, гдѣ сильная нужда не заставляла общину посягать на права владѣльцевъ захватныхъ пашенъ, захватъ до сихъ поръ сохраняетъ свою силу, а въ селеніяхъ, гдѣ пашни дѣлятся, община по возможности представляетъ всякія льготы владѣльцамъ «отцовскихъ» и расчищенныхъ пашенъ». Общія поравненія поэтому, «по самому существу исключаютъ возможность примѣненія такихъ способовъ распредѣленія пашенъ, при которыхъ хозяинъ можетъ лишиться всего своего участка—напр. жеребьевки, разныхъ видовъ торги и т. д.»; при этомъ «община

---

[1]) X, 214.
[2]) X, 214.
[3]) Тамъ-же.

какъ-бы заранѣе мирится съ тѣми неблагопріятными для вновь надѣляемыхъ послѣдствіями, которыя влечетъ за собой способъ уравненія пашенъ путемъ отрѣзокъ отъ многоземельныхъ въ пользу малоземельныхъ. А послѣдствія эти иногда бываютъ для послѣднихъ очень невыгодныя: во первыхъ, старые хозяева обыкновенно отрѣзаютъ худшія участки, а себѣ оставляютъ лучшіе; во вторыхъ—вновь надѣляемые рискуютъ получить пай изъ клочковъ, разбросанныхъ иногда на большемъ пространствѣ» [1]). Во многихъ общинахъ Забайкалья примѣняются еще «общія поравненія» пашенъ въ чистой формѣ, при которой пашни не дѣлятся на сорта и «старые жители» отдаютъ излишекъ сверхъ исчисленной нормы тамъ, гдѣ сами укажутъ. Другія общины, напротивъ, «успѣли уже, не подрывая самаго принципа поравненія, изобрѣсти средства, чтобы нѣсколько ослабить неравномѣрность, которую за собою влечетъ поравненіе: въ одномъ мѣстѣ общины сами, а не хозяева участковъ отрѣзываютъ излишки, въ другомъ опѣ вводятъ въ поравненіе старыя расчистки, которыя качественно во всякомъ случаѣ лучше открытыхъ степныхъ пашенъ; наконецъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ всѣ пашни дѣлятся на сорта и старымъ хозяевамъ оставляется изъ каждаго сорта лишь столько, сколько на его долю приходится»; другими словами—совершается переходъ отъ «*поравненія*», этой зачаточной формы уравнительнаго пользованія, къ *передѣлу «по старшинству»*, путемъ отрѣзки излишковъ по сортамъ, столь распространенному въ Западной Сибири и подробно описанному западно-сибирскими изслѣдователями [2]).

Этимъ наиболѣе распространеннымъ въ Забайкальѣ способомъ распредѣленія пахатныхъ земель, къ которымъ можно присоединить еще простую перевалку душъ, другими словами—замѣщеніе умершихъ ревизскихъ душъ душами наличными, съ передачею имъ освободившейся земли и съ оставленіемъ живыхъ ревизскихъ душъ на когда-то отведенныхъ имъ надѣлахъ [3]), —г. Кроль противупоставляетъ «*коренные передѣлы*» по отношенію къ пашнямъ очень мало распространенные. Къ числу видовъ коренного передѣла г. Кроль относитъ прежде всего довольно плохо выясненную имъ форму «передѣла по сортемъ», причемъ замѣчаетъ [4]), что «техника передѣла по сортамъ очень подробно описана какъ въ поселенныхъ бланкахъ, такъ и въ приговорахъ, такъ какъ она практикуется и какъ самостоятельный способъ передѣла, и какъ вспомогатель-

---

[1]) X. 204—205.
[2]) X, 205—207.
[3]) X. 207.
[4]) X. 209.

ный пріемъ въ весьма многихъ земельныхъ общинахъ». Г. Кроль приводитъ и нѣсколько примѣровъ, долженствующихъ характеризовать «способы уравненія пахатныхъ угодій простымъ дѣленіемъ ихъ на сорта и мѣрою»[1]). Но примѣры эти совершенно не уясняютъ, какимъ образомъ простое *распредѣленіе на сорта* и *измѣреніе* могло послужить «*способомъ уравненія*» пашенъ: какъ ни сортовать пашню, какъ ни измѣрять ее или разбивать на доли,—эти доли все-таки надо еще какъ-нибудь пріурочить къ отдѣльнымъ хозяевамъ, —и если въ матеріалахъ изслѣдованія нѣтъ указаній на то, какъ производилось пріуроченіе то это свидѣтельствуетъ либо о неполнотѣ записей изслѣдованія, либо о томъ, что распредѣленіе полосъ производилось по простому неоформленному соглашенію заинтересованныхъ домохозяевъ. По сопоставленію съ общимъ складомъ земельныхъ отношеній въ области, мнѣ кажется наиболѣе правдоподобнымъ, что случаи, приводимые г. Кролемъ какъ примѣры «передѣла по сортамъ», были случаями передѣла «по старшинству», причемъ населеніе, считая этотъ послѣдній принципъ само собою разумѣющимся, не нашло нужнымъ сообщать объ этомъ изслѣдователямъ, а эти послѣдніе упустили задать соотвѣтствующіе вопросы.

Наименѣе распространеннымъ въ Забайкальѣ способомъ передѣла пашенъ является передѣлъ по жребію. «Передѣлъ пашенъ только путемъ жребія,—говоритъ г. Кроль [2]),—встрѣчается въ Забайкальѣ чрезвычайно рѣдко. Объясняется это вѣроятно тѣмъ, что населеніе отлично понимаетъ, какъ мало обезпечиваетъ равномѣрность въ пользованіи пашней жеребьевка, называемая во многихъ мѣстахъ Сибири прямо «не божескимъ» пріемомъ передѣла [3]). Чистый жребій возможно примѣнять безъ ущерба для многихъ членовъ общины только тамъ, гдѣ извѣстное земельное угодіе приблизительно одного качества на всемъ пространствѣ, занимаемомъ общиной. Къ сожалѣнію, въ тѣхъ немногочисленныхъ случаяхъ, гдѣ изслѣдованіемъ отмѣченъ передѣлъ пашенъ по жребію, не всегда говорится о качествѣ пашенъ, но въ одномъ случаѣ передѣлы части пашенъ по жребію предпринимаются исключительно только потому, что «земля осталась равная»».

Значительно чаще, чѣмъ жеребьевка, встрѣчается способъ передѣла пашенъ «съ торга», основанный не на *объективномъ равенствѣ*, а на *субъективной равноцѣнности* полосъ,—способъ, при которомъ различія въ качествѣ почвы, рельефѣ, разстояніи и т. п. уравновѣшиваются различіями въ размѣрѣ

1) X, 210.
2) X, 211.
3) См. нашу «Крест. общ. въ Сибири», стр. 152—153.

отдѣльныхъ полосъ[1]); наиболѣе обычною въ Забайкальѣ разновидностью торга является «набой», при которомъ каждое урочище остается за тѣми общественниками, которые «принимаютъ» его на наибольшее число душъ и слѣдовательно довольствуются на каждую душу наименьшею его частью. При этомъ передѣлъ обыкновенно бываетъ двухстепеннымъ, (а въ Кударинской инородческой сложной общинѣ—даже трехстепеннымъ): сначала крупныя пахатныя урочища, распредѣляются помощью «набоя» между группами общественниковъ, а затѣмъ, тѣмъ-же способомъ или по жребію, участники каждой отдѣльной группы распредѣляютъ между собою доставшееся имъ урочище. Наконецъ въ такихъ случаяхъ, когда въ силу почвенныхъ, климатическихъ и т. п. условій ни одинъ изъ описаныхъ способовъ передѣла, самъ по себѣ, не можетъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, общины прибѣгаютъ къ разнымъ комбинаціямъ этихъ способовъ; такіе «смѣшанные способы, по замѣчанію г. Кроля, иногда чрезвычайно любопытны, ибо показываютъ, сколько ума и знанія мѣстныхъ условій, сколько пониманія всевозможныхъ частныхъ интересовъ и уваженія къ нимъ можетъ обнаружить такой коллективный организмъ, какъ община»[2]).

Гораздо болѣе распространенные у всѣхъ разрядовъ населенія Забайкальской области, *сѣнокосные* передѣлы и «поравненія» представляютъ такое безконечное разнообразіе въ подробностяхъ, котораго, по замѣчанію г. Кроля, исчерпать нѣтъ никакой возможности[3]). Основные типы сѣнокосныхъ передѣловъ—тѣ-же, что и пахатныхъ; но относительное значеніе и распространенность ихъ совершенно иные и это по справедливому замѣчанію г. Кроля [4]), само собою вытекаетъ изъ того, что сѣнокосы, въ противуположность пашнямъ, по большей части не являются результатомъ какихъ-либо предварительныхъ затратъ труда, а потому община по отношенію къ нимъ въ гораздо меньшей мѣрѣ связана въ своихъ уравнительныхъ тенденціяхъ, нежели по отношенію къ этимъ послѣднимъ.

Различіе между пахатными и сѣнокосными передѣлами выражается прежде всего въ срокахъ тѣхъ и другихъ. Въ то время какъ пахатные передѣлы—почти исключительно долгосрочные, по отношенію къ покосамъ наиболѣе распространенною формою являются ежегодные передѣлы [5]), одинаково преобладающіе и у крестьянъ, и у казаковъ, и у инородцевъ;

---

[1]) X, 212—213. Болѣе подробную характеристику этихъ способовъ см. въ нашей «Кр. общ. въ Сибири», стр. 144—157.

[2]) X, 213—214.

[3]) X, 217.

[4]) X, 204.

[5]) X, 201—202.

при этомъ у крестьянъ и казаковъ, наряду съ ежегодными передѣлами, часто встрѣчаются передѣлы на продолжительный срокъ (10, 12, 15 лѣтъ), въ инородческихъ же общинахъ передѣлы послѣдняго типа встрѣчаются очень рѣдко, но за то распространенною формою являются передѣлы безъ заранѣе опредѣленнаго срока.

Что касается затѣмъ до способовъ распредѣленія покосовъ между отдѣльными общественниками, то «поравненія» и передѣлы по «старшинству» по отношенію къ этого рода угодьямъ встрѣчаются несравненно рѣже, нежели по отношенію къ пашнямъ. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ инородцы; у нихъ «дѣлежка чаще всего производится путемъ общихъ поравненій, при которыхъ хозяева обыкновенно остаются на своихъ участкахъ, отъ которыхъ отрѣзаются только излишки».[1]); пріемы такого распредѣленія покосовъ, чрезвычайно просты—поравненія чаще всего производятся «миролюбиво, глазомѣрно», т. е. члены общины не настолько еще дорожатъ каждымъ клочкомъ сѣнокоса, чтобы придумывать болѣе тонкіе пріемы дѣлежа»[2]).

Затѣмъ, въ противуположность пахатнымъ передѣламъ, очень распространеннымъ типомъ сѣнокосныхъ передѣловъ является передѣлъ жеребьевкою. Иногда жеребьевка производится даже безъ предварительнаго распредѣленія сѣнокосовъ на сорта [3]), —но чаще «землю предварительно разбиваютъ на «участки», «пласты», «мѣста» или «версты» [4]). Жеребьевый передѣлъ покосовъ, повидимому болѣе распространенный въ Забайкальѣ, нежели въ какой-либо изъ ранѣе изслѣдованныхъ частей Сибири, одинаково распространенный притомъ въ обѣихъ половинахъ области, почти всегда имѣетъ двухстепенный характеръ [5]): сначала производится, по жребію, распредѣленіе сѣнокосныхъ урочищъ между группами общественниковъ, а затѣмъ внутри каждой группы, по жребію же, производится распредѣленіе доставшагося ей урочища между отдѣльными общественниками. При большомъ разнообразіи въ подробностяхъ, приводимые г. Кролемъ примѣры жеребьевыхъ передѣловъ могутъ быть распредѣлены на два главнѣйшихъ типа. Въ однихъ случаяхъ община разбивается на группы съ равнымъ числомъ душъ въ каждой («десятки» и т. п.); покосы ежегодно распредѣляются, смотря по урожаю, на равныя по размѣрамъ укоса урочища, каждое изъ которыхъ предназначается для одного

---

1) X, 217.
2) X. 218.
3) X, 220.
4) X, 221;
5) X, 221—226.

«десятка», и затѣмъ производится жеребьевка между «десятками» на сѣнокосные участки.

Въ другихъ случаяхъ общинные покосы разъ на всегда разбиты, по какимъ-либо естественнымъ межамъ, на извѣстное число участковъ; затѣмъ ежегодно община устанавливаетъ, сколько душъ, при данныхъ условіяхъ урожая, можетъ помѣститься на данномъ участкѣ, а жребій опредѣляетъ, кто именно коситъ въ какомъ сѣнокосномъ участкѣ.

Аукціонные способы передѣла покосовъ, которые въ западнѣе лежащихъ частяхъ Сибири представляются господствующими, въ Забайкальѣ занимаютъ второе по распространенности мѣсто послѣ жеребьевыхъ, причемъ и здѣсь, какъ и далѣе на западъ, «торги всегда являются на очередь тамъ, гдѣ разнообразіе въ качествахъ сѣнокосовъ въ одной и той-же общинѣ вынуждаетъ членовъ ея стремиться не къ объективному, а къ субъективному равенству»[1]). Такъ какъ аукціонные способы, примѣняемые въ Забайкальѣ, ничѣмъ не отличаются отъ практикуемыхъ въ западнѣе лежащихъ частяхъ Сибири, то мы можемъ не вдаваться, по этому поводу, въ какія либо подробности, и перейти къ группѣ смѣшанныхъ способовъ передѣла. «Какъ ни разнообразны описанные сейчасъ способы передѣла—говоритъ г. Кроль [2]), жизнь оказывается еще разнообразнѣе и индивидуальныя особенности земельныхъ угодій во многихъ общинахъ еще разностороннѣе, вслѣдствіе чего ни одинъ изъ описанныхъ способовъ передѣла не оказывается, самъ по себѣ, достаточно всеобъемлющимъ, чтобы удовлетворить всѣхъ членовъ общины; вотъ почему община нерѣдко вынуждена комбинировать одновременно нѣсколько способовъ передѣла, чтобы примирить разнообразіе сѣнокосныхъ угодій со множествомъ предъявляемыхъ къ нимъ со стороны членовъ общины требованій». Не входя и здѣсь въ подробности, замѣтимъ только, что наиболѣе распространенными являются разныя комбинаціи аукціонныхъ способовъ съ жеребьевкой, но иногда—и съ передѣломъ по старшинству, съ простымъ обмѣномъ мѣстами и т. п.[3]).

«Цитированныя многочисленныя описанія—такъ заключаетъ г. Кроль свой обзоръ способовъ передѣла покосовъ [4]), наглядно показываютъ, какъ изобрѣтательна община: всякая индивидуальная особенность сѣнокосныхъ мѣстъ въ извѣстной общинѣ сейчасъ же вызываетъ со стороны послѣдней усилія приспособиться къ ней, и почти всегда община одерживаетъ побѣду надъ затрудненіями, которыя ставитъ ей природа, поч-

[1]) X, 226; см. нашу «Кр. общ. въ Спб.», стр. 172—176.
[2]) X, 231.
[3]) X, 231—236.
[4]) X, 236.

ва, дальность разстоянія и другія явленія на пути къ болѣе или менѣе совершенному, уравнительному распредѣленію такого важнаго угодья какъ покосъ». При этомъ «тамъ, гдѣ сохранились еще поравненія сѣнокосовъ, техника сводится только къ отрѣзкѣ излишковъ и чаще всего—по усмотрѣнію самого хозяина участка; какъ переходная ступень къ болѣе сложной техникѣ, является дѣленіе покосныхъ участковъ на сорта и отрѣзка излишковъ отъ каждаго сорта. Жеребьевка практикуется главнымъ образомъ въ тѣхъ общинахъ, гдѣ сѣнокосы приблизительно одинаковаго качества, такъ что, получая тотъ или иной участокъ по жребію, домохозяинъ не остается въ обидѣ. Но этотъ-же способъ передѣла примѣняется и тамъ, гдѣ на урожай травъ вліяютъ случайныя, не предвидимыя обстоятельства—засуха, разливы рѣкъ и т. п.; берущій участокъ рискуетъ,—по риску подвергаются всѣ участники раздѣла. Напротивъ тамъ, гдѣ сѣнокосные участки неодинаковы по качеству, но эти качества поддаются учету, опредѣленію, торги являются самымъ распространеннымъ способомъ передѣла. Гдѣ же сѣнокосныя мѣста представляютъ такое разнообразіе, что ни одинъ въ отдѣльности изъ указанныхъ трехъ способовъ передѣла цѣли не достигаетъ,—тамъ практируются сложные, смѣшанные способы передѣла» [1]).

Въ приведенной только что выдержкѣ прекрасно выяснена зависимость формъ сѣнокосныхъ передѣловъ отъ свойствъ угодій, причемъ—замѣтимъ—соображенія о непредвидимыхъ случайностяхъ, какъ условіи благопріятствующемъ примѣненію жеребьеваго способа, являются существеннымъ дополненіемъ къ установленной прежними изслѣдователями теоріи зависимости передѣльныхъ формъ отъ свойства передѣляемыхъ угодій [2]). Можетъ быть, именно въ этомъ обстоятельствѣ—въ богатомъ непредвидимыми случайностями континентальномъ климатѣ, въ страшныхъ рѣчныхъ разливахъ и т. п., слѣдуетъ искать причину значительной, по сравненію съ другими частями Сибири, распространенности въ Забайкальѣ жеребьеваго способа передѣла.

Но въ той же выдержкѣ, хотя и въ не вполнѣ опредѣленной формѣ, находитъ себѣ выраженіе тотъ общій взглядъ г. Кроля, о которомъ намъ уже приходилось упоминать,—взглядъ, что «поравненіе», передѣлъ отрѣзкою излишковъ, являются болѣе близкими къ первоначальному захвату формами уравнительнаго пользованія, нежели «болѣе сложная техника»—передѣлъ по жребію, съ аукціона и т. п., въ наиболѣе полной мѣрѣ воплощающіе въ себѣ уравнительное начало. Съ гораздо

[1]) X, 238, 239.
[2]) «Кр. общ. въ Сибири». стр. 157—159, 170—171.

большею опредѣленностью тотъ же взглядъ выражается въ рядѣ другихъ мѣстъ работы г. Кроля.

Намъ уже приходилось указывать выше, что г. Кроль видитъ въ формѣ «частныхъ поравненій, въ сущности, лишь одно изъ ограниченій первоначальнаго захвата, въ принципѣ не отрицающее еще сущности этого послѣдняго»: это доказывается тѣмъ, что и при отрѣзкахъ «права давности, труда и захвата признаются общиною вполнѣ на ту часть земли, которая осталась у хозяина послѣ отрѣзки». Еще рѣшительнѣе та же мысль выражается въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ: «всѣ *привиллегіи старыхъ хозяевъ*—говоритъ г. Кроль черезъ нѣсколько страницъ[1])—*владѣльцевъ расчищенныхъ участковъ должны разсматриваться какъ послѣдняя дань, приносимая уравнительнымъ принципомъ неуравнительному—захватному* (курсивъ нашъ А. К.) послѣдняя—потому, что утѣсненіе неизбѣжно увеличивается, а община все чаще бываетъ вынуждена ограничивать «права» владѣльцевъ захватныхъ покосовъ, привиллегіи которыхъ становятся все въ большее противурѣчіе съ дѣйствительными потребностями большинства». Всякого рода случаи, когда, при передѣлахъ, отдѣльные домохозяева выговариваютъ себѣ право воспользоваться частью удобренныхъ или расчищенныхъ покосовъ «въ вознагражденіе за труды» и удержать свой пай изъ имѣвшихся у нихъ угодій по собственному выбору (типичный передѣлъ «по старшинству»), для г. Кроля являются результатомъ незакончившейся еще борьбы общины съ представителями захватнаго начала, доказательствомъ той «огромной фактической силы»[2]), которою еще пользуются захватчики; право владѣльцевъ получить при передѣлѣ свою долю именно изъ ранѣе состоявшихъ въ ихъ пользованіи участковъ признается отголоскомъ первоначальныхъ захватныхъ формъ»[3]). *Настоящій* передѣлъ, по мнѣнію г. Кроля,—это только такіе способы распредѣленія угодій, при которыхъ «исчезаютъ всякіе слѣды правъ захвата *или предшествовавшей затраты труда* (курсивъ нашъ, А. К.). и каждый участокъ земли по жребію, съ торговъ ли, или какимъ угодно другимъ путемъ можетъ попасть къ любому изъ членовъ общества»[4]). Изъ числа типовъ коренного передѣла исключаются, такимъ образомъ, не только общее поравненіе, но и передѣлъ по «старшинству», даже при разбивкѣ на сорта, даже когда излишки отрѣзываются въ мѣстахъ, указываемыхъ общиною; «къ кореннымъ передѣламъ» относятся толь-

---

1) X, 42.
2) X, 197—198.
3) X, 176—177.
4) X, 177.

ко такія формы, какъ передѣлъ по жребію и «съ торговъ»,— формы при которыхъ у отдѣльныхъ общественниковъ не сохраняется никакой связи съ ранѣе эксплоатировавшимися участками.

Уважаемый авторъ, какъ читатель могъ убѣдиться по нѣкоторымъ изъ приведенныхъ ранѣе цитатъ, довольно горячій сторонникъ общиннаго землевладѣнія. Но намъ думается, что злѣйшій врагъ этой формы не могъ-бы дать ей болѣе неблагопріятной характеристики, изобразить ее большимъ препятствіемъ для всякаго хозяйственнаго прогресса, нежели то сдѣлано въ предыдущихъ строкахъ: если всякое проявленіе уваженія къ затраченному отдѣльнымъ домохозяиномъ труду есть лишь пережитокъ, слѣдъ первоначальнаго захвата; если община, «окончательно вступившая въ свои права», непремѣнно установляетъ такіе порядки, при которыхъ «земли, входящія въ передѣлъ, какъ-бы теряютъ всякую связь со своимъ прежнимъ хозяиномъ, и послѣдній имѣетъ нисколько не болѣе шансовъ получить въ надѣлъ свой участокъ, нежели всякій другой общественникъ»[1]), то «вступленіе общины въ свои права» должно быть разсматриваемо, какъ рѣшительное препятствіе и для качественнаго и даже для количественнаго хозяйственнаго прогресса: кто, въ самомъ дѣлѣ, станетъ улучшать свою землю, усиленно удобрять ее, кто станетъ дѣлать расчистки, если ему извѣстно, что онъ имѣетъ не болѣе правъ на расчищенную, удобренную или улучшенную землю, нежели всякій другой общественникъ, что такая земля при ближайшемъ-же передѣлѣ будетъ отнята у него безъ всякаго вознагражденія? Если бы это было такъ, то я бы первый сталъ привѣтствовать всякую мѣру, направленную къ разрушенію общины, такъ какъ не могъ-бы не признать, что община, въ своихъ дѣйствіяхъ исходящая исключительно изъ начала равенства и нисколько не считающаяся съ правами затраченнаго труда, можетъ, въ концѣ концовъ, привести только къ равной для всѣхъ нищетѣ и культурной отсталости.

Но, къ счастью, взгляды г. Кроля въ данномъ случаѣ рѣшительно опровергаются тѣми выводами, которые сдѣланы— между прочимъ и пишущимъ эти строки—на основаніи данныхъ о формахъ землепользованіи, собранныхъ въ другихъ мѣстностяхъ Сибири—въ частности въ Западной Сибири, гдѣ наблюдаются факты гораздо многочисленнѣе и гдѣ они имѣютъ за собой гораздо болѣе длинную исторію [2]). Данныя эти показываютъ, что эволюція общинныхъ формъ никоимъ образомъ не можетъ быть сведена къ простому вытѣсненію прин-

[1]) X. 42 -43.
[2]) «Кр. общ. въ Сиб.», главы VI. VII и X.

ціновъ давности, труда, хозяйственной цѣлесообразности чистымъ, грубо уравнительнымъ началомъ, или, употребляя изящную терминологію г. Качоровскаго, къ вытѣсненію *права труда* правомъ *на трудъ*. Какъ свидѣтельствуетъ названный только что авторъ, внимательно изучившій весь сибирскій матеріалъ въ томъ числѣ работу г. Кроля, крайнія формы распредѣленія, основанныя: одинъ—*исключительно* на правѣ труда, другія—*только* на правѣ на трудъ, «встрѣчаются въ чистомъ видѣ лишь очень рѣдко и *преимущественно именно въ мѣстахъ, гдѣ передѣлы еще только вырастаютъ изъ отводовъ;* въ громадномъ большинствѣ случаевъ каждая изъ нихъ корректируется другою и онѣ взаимно сближаются»[1]),—въ конечномъ же результатѣ устанавливаются «*среднія*, компромиссныя системы, при которыхъ *и право труда, и право на трудъ уживаются, взаимно приспособившись*» (курсивы наши А. К.) [1]). Такое взаимное приспособленіе—дѣло очень нелегкое, требующее времени и опыта; и г. Качоровскій весьма удачно отмѣчаетъ, что въ Ишимскомъ округѣ, Тобольской губ., гдѣ передѣлы начались сравнительно недавно, до сихъ поръ преобладаютъ, въ разныхъ мѣстностяхъ, тѣ или другія *крайнія* системы передѣловъ, тогда какъ въ Курганскомъ, гдѣ передѣлы начали практиковаться гораздо раньше, *среднія, компромиссныя* системы получили уже всеобщее распространеніе.

Г. Кроль изучалъ общинныя формы въ мѣстности, гдѣ уравнительное пользованіе имѣетъ за собою еще гораздо менѣе продолжительное прошлое, нежели въ Ишимскомъ округѣ. Не удивительно, что ему не пришлось наблюдать большого числа случаевъ компромиссныхъ формъ, къ которымъ приводитъ и должно привести развитіе общинныхъ порядковъ. Мало того: находясь подъ вліяніемъ разбираемаго нами въ настоящую минуту взгляда на взаимное отношеніе передѣльныхъ и допередѣльныхъ формъ, онъ—думается намъ—не оцѣнилъ значенія даже тѣхъ довольно многочисленныхъ случаевъ, когда забайкальская община дѣйствительно уже додумалась до компромиссныхъ формъ,—всѣ эти случаи, какъ мы знаемъ, отнесены г. Кролемъ либо къ «поравненіямъ», либо даже къ смѣшаннымъ, захватно - передѣльнымъ формамъ. Но г. Кролю нигдѣ не удалось *доказать*, чтобы эволюція формъ землепользованія дѣйствительно шла въ предполагаемомъ имъ направленіи; онъ не приводитъ *ни одного* случая—позволяемъ себѣ думать, что такого случая и не было— гдѣ община отъ «поравненія» или «передѣла по старшинству» перешла къ «набою» или жеребьевкѣ. Намъ лично думается, что «поравне-

[1]) Качоровскій, «Русская Община», т. I, стр. 235.
[2]) Стр. 237.

нія» и передѣлы «по старшинству», съ одной стороны, а жеребьевка и особенно—аукціонные способы передѣла, съ другой, находятся между собою не въ соотношеніи *послѣдовательности*, а въ соотношеніи *параллелизма*; первый типъ уравнительнаго пользованія развивался изъ чисто захватнаго пользованія,—слѣдовательно тамъ, гдѣ общинѣ, въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ, приходилось считаться съ предварительными затратами труда на разработку угодій: формы аукціонныя были естественнымъ продуктомъ эволюціи вольнаго пользованія,—слѣдовательно устанавливались тамъ, гдѣ вовсе не было предварительной звтраты труда или гдѣ эта затрата была ничтожна. Чтобы считать, что аукціонныя формы-продуктъ эволюціи поравненій и передѣловъ по старшинсгву, необходимо было-бы доказать, что эволюція по отношенію къ угодьямъ не требовавшимъ предварительной затраты труда, проходила такія ступени: вольное пользованіе — поравненія — аукціонный передѣлъ; но у г. Кроля, опять таки, не приводится ни одного факта подобной эволюціи; мало того—такой эволюціи даже невозможно себѣ представить, потому что при вольномъ пользованіи ни у кого не могло явиться такихъ прочныхъ правъ на какой-либо земельный участокъ, съ которыми община должна была-бы считаться при «поравненіяхъ»; сущность вольнаго пользованія именно и заключается въ отсутствіи всякихъ прочныхъ индивидуальныхъ правъ, а при этомъ условіи не у кого было дѣлать «отрѣзки»,—и община, очевидно, могла *сразу* установлять такія формы передѣла, которыя г. Кроль считаетъ позднѣйшими,— при которыхъ каждый хозяинъ имѣетъ одинаковые съ другими шансы на полученіе каждаго земельнаго участка.

Аналогичныя замѣчанія мы должны сдѣлать и по вопросу о *срокахъ передѣловъ* и въ частности—передѣловъ сѣнокосныхъ угодій. По мнѣнію уважаемаго автора, передѣлы безсрочные, и на продолжительный срокъ являются однимъ изъ проявленій той борьбы, которую сторонникамъ уравнительной формы пользованія приходится вести противъ ея противниковъ[1]), другими словами—опять-таки только пережиткомъ захватныхъ формъ. Для г. Кроля не подлежитъ сомнѣнію, что, по мѣрѣ упроченія уравнительнаго начала, сроки передѣловъ сокращаются—«матеріалы не даютъ только возможности прослѣдить, какимъ темпомъ идетъ сокращеніе сроковъ» [2]). Очевидно, по мнѣнію г. Кроля, сокращеніе сроковъ передѣла доказывается, прежде всего, ссылкою на три случая, когда общины, дѣйствительно, перешли отъ долгосрочныхъ передѣловъ къ

[1]) X, 199.
[2]) X, 201.

ежегоднымъ, а кромѣ того—тѣмъ соображеніемъ, что «наиболѣе распространены въ настоящее время передѣлы *ежегодные*, между тѣмъ какъ ни въ одномъ изъ приговоровъ о первыхъ передѣлахъ или «поравненіяхъ» такой короткій срокъ не назначается; да и назначеніе такого короткаго срока можетъ состоятся лишь въ общинахъ, довольно долго практиковавшихъ передѣлы и вполнѣ освоившихся съ положеніемъ полнаго хозяина и распорядителя всей принадлежащей имъ землей. [1])

Мы позволяемъ себѣ думать, что *три* случая перехода отъ долгосрочныхъ къ ежегоднымъ передѣламъ не могутъ имѣть рѣшающаго значенія, тѣмъ болѣе, что самъ-же г. Кроль, какъ мы сейчасъ увидимъ, приводитъ *десятки* примѣровъ противуположнаго характера. Не убѣдительна и изложенная въ цитированномъ только что отрывкѣ аргументація. Если годичный срокъ не встрѣчается въ первыхъ приговорахъ о передѣлахъ, то это просто потому, что ежегодные приговоры, какъ мы сейчасъ увидимъ, незамѣтнымъ образомъ развивались изъ вольныхъ формъ пользованія покосами, а потому *первые передѣлы* подобнаго рода вовсе не установлялись какими-либо приговорами; послѣдняя же часть цитированнаго отрывка есть простая pititio principii—ссылка на то именно положеніе, которое требуется доказать.

Какъ и основные типы передѣловъ, такъ и сроки ихъ, въ дѣйствительности, находятся между собою въ отношеніяхъ не преемственности, а параллелизма: передѣлы долгосрочные практикуются по отношенію къ однимъ, ежегодные—по отношенію къ другимъ видамъ покосовъ. Г. Кроль въ другомъ мѣстѣ своей работы самъ установляетъ между свойствами покосовъ и сроками передѣловъ совершенно опредѣленную зависимость; онъ показываетъ именно, что на долгій срокъ передѣляются покосы, требующіе расчистки, удобренія и т. п., ежегодно же, передѣляются такіе покосы, по отношенію къ которымъ не требуется никакихъ подобныхъ затратъ труда[2]). Между тѣмъ трудно предположить, чтобы покосъ, который прежде удобрялся, улучшался и т. п. и потому передѣлялся на болѣе продолжительные сроки, впослѣдствіи пересталъ удобряться, улучшаться и т. п., и чтобы такимъ образомъ по отношенію къ подобному покосу создались условія, благопріятствующія переходу къ ежегоднымъ передѣламъ. Гораздо легче предположить обратное—именно, что при большомъ просторѣ косилась только естественно произраставшая трава, и что лишь при нѣкоторомъ сокращеніи простора населеніе принималось улуч-

[1]) X, 201—202.
[2]) X, 237.

шать и удобрять покосы. А если это такъ, то не менѣе естественно предположить, что ежегодные передѣлы являлись не *слѣдующею* за долгосрочными или безсрочными, а *предшествующею* (по крайней мѣрѣ въ части случаевъ) имъ стадіею развитія общинныхъ порядковъ. И дѣйствительно: на стр. 111, 203, 229, 237 работы г. Кроля мы находимъ длинный рядъ примѣровъ перехода отъ ежегодныхъ передѣловъ къ передѣламъ на 10, 12, 15, 18-лѣтніе сроки, причемъ такой переходъ всегда мотивировался необходимостью расчистки покосовъ отъ кустарника, унаваживанія, искусственнаго орошенія, —вообще тѣхъ или другихъ мѣръ, направленныхъ къ улучшенію покосовъ или во всякомъ случаѣ—къ предупрежденію ихъ ухудшенія.

Разумѣется, г. Кроль не могъ оставить безъ вниманія многочисленныхъ фактовъ этого рода; эти факты приводятъ его къ заключенію, что «ежегодный передѣлъ покосовъ нельзя считать конечнымъ пунктомъ въ развитіи общиннаго землепользованія» [1]),—что «безсрочные или долгосрочные вначалѣ, передѣлы покосовъ переходятъ съ развитіемъ уравнительной формы пользованія въ ежегодные, чтобы впослѣдствіи снова превратиться въ долгосрочные».

Какъ видно изъ сказаннаго выше, подобная схема развитія едва ли правдоподобна. Правильнѣе сказать, что первоначальною формою передѣловъ по отношенію къ *однимъ* видамъ покосовъ были передѣлы ежегодные, по отношенію къ *другимъ* —долгосрочные или безсрочные,—и что затѣмъ требованія хозяйственной цѣлесообразности заставили многія изъ такихъ общинъ, которыя ранѣе производили передѣлы ежегодно, перейти къ передѣламъ на продолжительные сроки.

Если теперь принять во вниманіе, что ежегодные передѣлы практикуются по отношенію къ тѣмъ самымъ не требующимъ расчистки покосамъ которые передѣляются аукціонными и т. п. способами, а долгосрочные—по отношенію къ тѣмъ покосамъ, которые, требуя затратъ труда на расчистку или улучшеніе, подвергаются «поравненіямъ» или передѣлу «по старшинству»; если затѣмъ поставить приводимыя г. Кролемъ въ разныхъ мѣстахъ его работы [2]) данныя относительно распространенности въ разныхъ частяхъ края и у различныхъ разрядовъ населенія ежегодныхъ передѣловъ, съ одной стороны, и долгосрочныхъ и безсрочныхъ, съ другой, съ данными относительно распространенности захватныхъ и вольныхъ первобытныхъ формъ пользованія и различныхъ пріемовъ распредѣленія сѣнокосовъ при уравнительномъ пользованіи, то легко будетъ

[1]) X, 202—203.
[2]) X, 109, 202, 243.

прослѣдить между этими явленіями полнѣйшій параллелизмъ: долгосрочные и безсрочные передѣлы распространены тамъ, гдѣ господствуютъ *захватныя* формы и происходящія отъ нихъ «поравненія» и «передѣлы по старшинству»; ежегодные —тамъ, гдѣ распространено *вольное* сѣнокошеніе, постепенно переходящее въ передѣлъ по способу «торговъ». А такъ какъ и по самому существу своему «поравненія» необходимо должны быть долгосрочными или безсросными, тогда какъ передѣлы аукціонные или жеребьевые съ полнымъ удобствомъ могутъ быть и ежегодными, то отсюда и получается слѣдующая двойная схема развитія формъ пользованія покосами, нѣсколько отличная отъ схемы г. Кроля:

Для покосовъ, не требующихъ предварительной затраты труда—вольное сѣнокошеніе, переходящее въ *ежегодные передѣлы аукціонными или жеребьевыми способами;* при возникновеніи необходимости въ улучшеніи покосовъ—*переходъ къ передѣлу на болѣе продолжительные сроки,* вѣроятно параллельный съ переходомъ къ «*компромисснымъ*» пріемамъ распредѣленія угодій.

Для покосовъ, требующихъ предварительныхъ затратъ труда,—захватное пользованіе, переходящее, черезъ стадію ограниченнаго захвата и «частныхъ поравненій», къ стадіи «*общихъ поравненій*», совершаемыхъ *на продолжительный срокъ* или чаще *безсрочно*, а затѣмъ—къ *долгосрочнымъ передѣламъ по «старшинству»*, съ отрѣзкою излишковъ.

XIII

Перейдемъ теперь къ вопросу объ *основныхъ причинахъ* совершающейся въ Забайкальѣ эволюціи формъ землепользованія. Но предварительно представимъ общую картину распространенности отдѣльныхъ формъ пользованія среди главнѣйшихъ разрядовъ забайкальскаго населенія. Эта картина яснѣе всего предстанетъ передъ нашими глазами, если мы отъ описательнаго метода изложенія перейдемъ къ методу цифровому, именно разсмотримъ данныя, полученныя на основаніи пріуроченныхъ къ вопросу о формахъ землепользованія данныхъ подворнаго описанія.

На стр. 243 и 248 монографіи г. Кроля приведены двѣ небольшія таблички, изображающія въ процентахъ степень распространенности каждой изъ главнѣйшихъ формъ пользованія пахатными землями и сѣнокосами, въ чистомъ видѣ и въ различныхъ комбинаціяхъ, особо для каждой изъ группъ забайкальскаго населенія и притомъ—отдѣльно по западной и по восточной половинѣ области. Мы не приводимъ полностью

этихъ табличекъ главнымъ образомъ потому, что проведенная въ нихъ детализація формъ кажется намъ слишкомъ дробною, а потому способною скорѣе затемнить, нежели способствовать выясненію основныхъ условій, опредѣляющихъ ихъ распространенность. Въ нижеслѣдующей табличкѣ мы приводимъ данныя относительно распространенности различныхъ формъ пользованія *покосами*, соединяя такіе оттѣнки, какъ захватъ и вольное пользованіе, «поравненіе» и передѣлы разныхъ сроковъ, а также захватъ чистый и захватъ ограниченный,—сливая такимъ образомъ въ одинъ группы, съ одной стороны, такія формы, которыя возникаютъ при приблизительно одинаковой степени земельнаго простора и варіируютъ въ зависимости, преимущественно, отъ свойства угодій, а съ другой—такія, которыя не всегда вполнѣ строго могутъ быть другъ отъ друга отграничены.

Районы и разряды населенія.	Процентъ общей площади покосовъ состоящій во владѣніи общинъ съ формами пользованія:				Процентъ общей площади покосовъ, состоящій въ пользованіи:	
	Захватною и вольною.	Захватною или вольною съ отвод.	Захв. или вольною съ уравнительн.	Чисто-уравнительными.	Уравнительномъ.	Захватномъ.
Западное Забайкалье.						
Инородцы некрещеные	4,8	28,8	58,9	7,9	55,1	44,9
„ крещеные	—	1,6	64,9	33,5	91,6	8,4
Казаки русскіе	—	—	47,9	52,1	86,0	14,0
„ инородцы	—	—	38,0	62,0	93,8	6,2
Крестьяне	—	—	54,8	45,2	91,2	8,8
Восточное Забайкалье.						
Инородцы некрещеные	16,9	17,4	63,3	2,4	52,4	47,6
„ крещеные	—	—	31,8	68,2	98,0	2,0
Казаки русскіе	—	—	32,7	67,3	94,6	5,4
„ инородцы	—	—	96,3	3,7	92,6	7,4
Крестьяне	—	—	40,4	59,6	92,5	7,5

Разсмотримъ сначала*) какъ, различаются между собою, по

*) X. 244—247.

общему складу пользованія сѣнокосными угодьями, отдѣльныя группы населенія въ каждой изъ двухъ частей Забайкалья. Начнемъ съ западной части области.

Наибольшее преобладаніе захватныхъ (въ широкомъ смыслѣ) формъ пользованія покосами замѣчается здѣсь, какъ и мож-

по ожидать, у кочевыхъ инородцевъ. Правда, исключительно захватныя формы (4,8%) такъ-же мало распространены у нихъ, какъ чисто уравнительныя (7,9%), а преобладаніе принадлежитъ различнымъ смѣшаннымъ формамъ; тѣмъ не менѣе, если взять все вообще кочевое инородческое населеніе западнаго Забайкалья, то окажется, что половина—44, 9%—всѣхъ покосовъ состоитъ у него въ различныхъ формахъ захватнаго владѣнія, и лишь немногимъ болѣе половины—55,1%—въ разныхъ видахъ уравнительнаго пользованія.

Очень близкіе къ кочевымъ инородцамъ по бытовымъ и хозяйственнымъ условіямъ, казаки - инородцы очень рѣзко отличаются отъ нихъ въ отношеніи формъ пользованія: чисто захватныя формы у нихъ уже совершенно отсутствуютъ, общины съ чисто уравнительнымъ пользованіемъ владѣютъ большимъ процентомъ покосовъ, нежели въ какой-либо иной группѣ населенія западнаго Забайкалья,—изъ общей же площади покосовъ лишь 6,2% находятся въ захватномъ и 93,8%—въ уравнительномъ пользованіи. «Фактъ этотъ—замѣчаетъ г. Кроль—заслуживаетъ особаго вниманія: инородцы, а также казаки-инородцы, ведутъ до сихъ поръ еще кочевой образъ жизни, кочевники же обыкновенно очень медленно переходятъ къ поравненіямъ угодій; а если казаки - инородцы успѣли уже уравнять почти всѣ покосы, то это, несомнѣнно, симптомъ весьма большого утѣсненія въ сѣнокосныхъ угодьяхъ».

Что касается до третьей группы инородческаго населенія—инородцевъ крещеныхъ, которые по бытовымъ и хозяйственнымъ условіямъ очень значительно приблизились къ крестьянамъ, то они представляютъ большое сходство съ ними и въ отношеніи формъ пользованія покосами: изъ общей покосной площади состоитъ въ захватномъ пользованіи у крещеныхъ инородцевъ 8,4%, у крестьянъ—8,8%, въ уравнительномъ у первыхъ—91,6%, у вторыхъ—91, 2%; при этомъ, однако, у крестьянъ чисто душевыя формы, значительно болѣе, смѣшанныя, значительно менѣе, распространены, нежели у крещеныхъ инородцевъ; у первыхъ общины съ чисто уравнительными способами пользованія владѣютъ 45%, у вторыхъ—всего 33,5% общей площади покосовъ.

Если судить по распредѣленію общинъ, то у казаковъ - русскихъ уравнительное пользованіе должно быть еще болѣе распространено, нежели у крестьянъ: общины съ чисто уравнительными формами владѣютъ у нихъ 52, 1% общей площади покосовъ, остальные 47,9% приходятся на долю общины со смѣшанными формами, общинъ же съ чисто - захватными формами нѣтъ и у этой группы населенія. Но если взять сѣнокосную площадь всего вообще русскаго казачьяго населенія,

то окажется, что въ захватномъ пользованіи у него состоитъ еще цѣлыхъ 14,0% всѣхъ покосовъ—значительно высшій—процентъ, нежели у казаковъ - инородцевъ и у всѣхъ другихъ разрядовъ населенія, кромѣ кочевыхъ инородцевъ. «Если принять во вниманіе—говоритъ г. Кроль,—что русское населеніе обыкновенно идетъ впереди инородцевъ по пути къ поравненію своихъ угодій, то вышеуказанный фактъ можно объяснить только однимъ обстоятельствомъ, а именно тѣмъ, что казаки-русскіе гораздо болѣе обезпечены сѣнокосами; обезпеченность эта конечно относительная: такъ, средняя покосной площади, приходящейся на одно хозяйство, не только не всегда выше у казаковъ - русскихъ, нежели у казаковъ - инородцевъ, но иногда много ниже; все таки это обстоятельство не колеблетъ сдѣланнаго вывода, ибо у казаковъ - инородцевъ скота значительно больше, чѣмъ у русскихъ, и нужда въ покосахъ у нихъ гораздо большая».

Въ восточной половинѣ области картина распространенія формъ пользованія покосами нѣсколько иная. Сравнительно мало разницы замѣчается лишь въ группѣ кочевыхъ инородцевъ: какъ и въ западной половинѣ области, почти половина (47,6%) общей площади покосовъ состоитъ у нихъ еще въ захватныхъ формахъ; немногимъ болѣе половины (52,4%)—въ уравнительномъ пользованіи. Наиболѣе распространенными у кочевыхъ инородцевъ и въ восточномъ Забайкальѣ являются смѣшанныя формы (80% всѣхъ покосовъ); но общины, окончательно перешедшія къ уравнительному пользованію, у инородцевъ восточнаго Забайкалья составляютъ всего 2,4%, общины съ чисто захватнымъ пользованіемъ покосами—еще цѣлыхъ 16,9% общей площади покосовъ.

У остальныхъ четырехъ группъ населенія восточнаго Забайкалья формы пользованія покосами стоятъ, въ общемъ итогѣ, на приблизительно одинаковомъ уровнѣ развитія: покосы, состоящіе въ уравнительномъ пользованіи составляютъ у крестьянъ 92,5%, у казаковъ - инородцевъ 92,6, у казаковъ русскихъ —94,6%, а у крещенныхъ инородцевъ—даже 98,0% общей площади сѣнокосныхъ угодій. При этомъ ни у одного изъ этихъ четырехъ разрядовъ не сохранилось общинъ съ чисто - захватнымъ пользованіемъ—всѣ общины перешли либо къ чисто душевымъ, либо, по крайней мѣрѣ, къ смѣшаннымъ—захватно - уравнительнымъ формамъ; у казаковъ инородцевъ—общины съ чисто уравнительными формами владѣютъ всего 3,7% общей площади покосовъ: у остальныхъ трехъ группъ общины съ чисто - душевымъ пользованіемъ владѣютъ болѣе нежели половиною, причемъ наивысшій процентъ (68,2%)

оказывается у крещеныхъ инородцевъ, сравнительно меньшій (59,6%)—у крестьянъ.

Если затѣмъ сравнить между собою, въ приведенной табличкѣ, цифры по западному и по восточному Забайкалью, то нальзя будетъ не замѣтить, что у кочевыхъ инородцевъ и инородцевъ - казаковъ восточнаго Забайкалья уравнительное пользованіе сдѣлало не большіе и даже скорѣе меньшіе успѣхи, нежели у тѣхъ-же категорій населенія западной половины; напротивъ у обѣихъ группъ русскаго населенія и особенно у крещеныхъ инородцевъ уравнительное пользованіе покосами въ восточномъ Забайкальѣ имѣетъ значительно большее распространеніе, нежели въ западномъ. Между тѣмъ собранныя изслѣдованіемъ данныя доказываютъ, что населеніе восточнаго Забайкалья, кромѣ группы крестьянъ, очень богато сѣнокосами. «Спрашивается—продолжаетъ г. Кроль, что же вынудило все осѣдлое населеніе восточнаго Забайкалья перейти къ уравненію покосныхъ угодій, если у нихъ еще имѣется такой просторъ въ послѣднихъ? Единственный отвѣтъ на данный вопросъ слѣдующій: казаки и крещеные инородцы восточнаго Забайкалья ведутъ до сихъ поръ еще очень большое скотоводческое хозяйство, а потому особенно дорожатъ угодьемъ, составляющимъ основу этого хозяйства—покосами ... Содержаніе большого количества скота требуетъ и заготовленія соотвѣтственныхъ запасовъ корма; трава и сѣно, при такихъ условіяхъ, являются важнѣйшимъ хозяйственнымъ рессурсомъ—неудивительно поэтому, что все осѣдлое населеніе восточнаго Забайкалья, чрезвычайно дорожа кормами для скота, передѣляетъ свои покосы».

Перейдемъ теперь къ даннымъ объ относительномъ распредѣленіи по формамъ пользованія пахатныхъ земель. Данныя эти—также въ сжатомъ видѣ—сведены въ слѣдующей табличкѣ:

	Районы и разряды населенія.	Процентъ общей площади пашенъ, состоящій во владѣніи общинъ съ формами пользованія:				Процентъ общей площади пашенъ, состоящихъ въ пользованіи:	
		Захватномъ.	Уравнительномъ и захватномъ.	Уравнительномъ и отводномъ.	Чисто-уравнительномъ.	Уравнительномъ.	Захватномъ.
Западное Забайкалье.	Инородцы некрещеные . .	59,7	34,1	—	6,2	26,5	73,5
	„ крещеные . . .	26,9	30,0	17,8	25,3	59,4	40,6
	Казаки-русскіе	53,7	42,3	2,6	1,4	25,0	75,0
	„ инородцы	32,1	51,7	14,7	1,5	45,9	54,1
	Крестьяне	4,2	60,6	28,9	6,3	79,8	20,2

Восточное Забайкалье.	Инородцы некрещеные	100	—	—	—	—	100
	„ крещеные . . .	100	—	—	—	—	100
	Казаки-русскіе	99,9	0,1	—	—	—	100
	„ инородцы	100	—	—	—	—	100
	Крестьяне	85,6	14,0	—	0.4	4,1	95,9

Разница между двумя частями области получается гораздо болѣе рѣзкая, нежели по отношенію къ покосамъ. Въ восточномъ Забайкальѣ только у крестьянъ встрѣчаются общины, перешедшія окончательно къ душевому пользованію; но даже у этой группы населенія 85,6% общей площади пашенъ принадлежитъ общинамъ, остающимся при чисто-захватныхъ формахъ, въ общемъ же выводѣ по всѣмъ крестьянскимъ общинамъ передѣляемыя пашни составляютъ всего 4,1% всѣхъ пахатныхъ земель; у остальныхъ разрядовъ населенія уравнительное пользованіе совершенно не существуетъ и вся масса пашенъ состоитъ еще въ захватномъ пользованіи. «Невольно —замѣчаетъ г. Кроль, возникаетъ вопросъ, почему въ восточномъ Забайкальѣ сохранился до сихъ поръ почти во всей своей чистотѣ захватъ? обусловливается-ли это явленіе громаднымъ земельнымъ просторомъ, или слабымъ развитіемъ хлѣбопашества, или другими какими либо причинами?» Очевидно, что тутъ вліяютъ обѣ только-что названныя причины въ ихъ совокупности: предложеніе—если можно такъ выразится—удобной для распашки земли, благодаря простору очень значительно; спросъ, благодаря слабому развитію земледѣлія, невеликъ, —естественно, что цѣнность удобной для распашки земли, этотъ, въ концѣ концовъ, основной факторъ, опредѣляющій формы землепользованія, чрезвычайно незначительна, а потому у населенія нѣтъ никакого побужденія переходить къ уравнительнымъ формамъ.

Въ болѣе бѣдномъ землею западномъ Забайкальѣ уравнительныя формы сдѣлали гораздо большіе успѣхи: даже у кочевыхъ инородцевъ пашни, состоящія въ уравнительномъ пользованіи, составляютъ уже 26,5% всѣхъ пахатныхъ земель; весьма близко къ нимъ въ данномъ отношеніи стоятъ казаки-русскіе, у которыхъ процентъ передѣляемыхъ пашенъ падаетъ даже еще нѣсколько ниже—до 25%; у остальныхъ трехъ категорій населенія западнаго Забайкалья процентъ передѣляемыхъ пашенъ поднимается: у казаковъ-инородцевъ—до 45,9, у крещеныхъ инородцевъ до 59,4, у крестьянъ—даже до 79,8% общей площади пахатныхъ земель. При этомъ однако только у кре-

щенныхъ инородцевъ общины, окончательно перешедшія къ уравнительному пользованію, составляютъ довольно большой процентъ и владѣютъ до 25,3% общей площади пашенъ; у остальныхъ разрядовъ населенія общины съ чисто-уравнительнымъ пользованіемъ очень мало, у крестьянъ и кочевыхъ инородцевъ такія общины владѣютъ 6,3 и 6,2%, у казаковъ—русскихъ и инородцевъ—1,4 и 1.5% общей площади пахатныхъ земель; любопытно сравнительно большое распространеніе чисто-уравнительнаго пользованія у кочевыхъ инородцевъ,—но «это явленіе объясняется разнообразнымъ составомъ кочевыхъ инородцевъ западнаго Забайкалья, въ который входятъ и скотоводы Еравнинскаго плоскогорья и Боргойской степи, и звѣроловы Закаменской и Армакской управъ, и рыболовы Кударинскаго вѣдомства, причемъ послѣдніе мало чѣмъ отличаются отъ сосѣднихъ крестьянъ и практикуютъ у себя уже издавна передѣлы какъ покосныхъ, такъ и пахатныхъ угодій». Что касается до чисто захватныхъ формъ, то таковыя, естественно, наиболѣе распространены у кочевыхъ инородцевъ, у которыхъ общины съ подобнымъ пользованіемъ владѣютъ 58, 5% пашенъ; но слѣдующее за ними мѣсто занимаютъ русскіе казаки, у которыхъ общины съ чисто-захватнымъ пользованіемъ владѣютъ 45, 1% пашенъ; для инородцевъ-казаковъ и осѣдлыхъ соотвѣтственныя цифры падаютъ до 31, 1 и 26, 9, у русскихъ же крестьянъ чисто захватныя формы почти исчезли, и общинамъ съ подобными формами принадлежитъ всего 4, 2% общей площади пашенъ этого разряда.

XIV.

Сдѣланный на предыдущихъ страницахъ обзоръ числовыхъ данныхъ относительно распространенности захватныхъ и уравнительныхъ формъ пользованія у главнѣйшихъ разрядовъ забайкальскаго населенія естественно приводитъ насъ къ вопросу о вліяніи на развитіе этихъ формъ того, что можно назвать *этнографическимъ элементомъ*,—къ вопросу о томъ, находится ли распространеніе уравнительныхъ формъ въ какой-либо причинной зависимости отъ русскаго или инородческаго происхожденія населенія.

Вполнѣ опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ мы въ работѣ г. Кроля не находимъ; но нѣкоторыя отдѣльныя фразы позволяютъ думать, что онъ признаетъ существованіе подобной зависимости. Уже на предыдущихъ страницахъ мы приводили нѣкоторыя соображенія и выводы уважаемаго автора, опирающіеся на то соображеніе, что «кочевники обыкновенно очень медленно переходятъ къ поравненіямъ земель-

ныхъ угодій», что «русское населеніе обыкновенно идетъ впереди инородцевъ по пути къ поравненію угодій». Въ другомъ мѣстѣ[1]), отмѣтивъ фактъ, что уравнительныя формы пользованія покосами болѣе распространены у казаковъ-бурятъ, нежели у русскихъ, г. Кроль высказываетъ, что «при нормальномъ ходѣ вещей эти поравненія и передѣлы *должны были-бы наступить у бурятъ позже* (курсивъ нашъ), нежели у казаковъ-русскихъ», а распространенность сѣнокосныхъ передѣловъ у тунгусовъ объясняется «тѣмъ обстоятельствомъ, что тунгусы больше поддались вліянію окружающихъ ихъ крестьянъ и казаковъ»[2]).

Судя по сказанному, г. Кроль признаетъ наличность не только факта существованія, но и нѣкоторой причинной зависимости между разсматриваемыми явленіями—признаетъ что инородцы, какъ таковые, менѣе склонны къ общинно- уравнительнымъ формамъ, нежели русскіе и что быстрота распространенія этихъ формъ у инородцевъ стоитъ въ нѣкоторой зависимости отъ степени вліянія на нихъ русскаго населенія.

Намъ кажется, что такое мнѣніе не находитъ себѣ подтвержденія въ приводимомъ г. Кролемъ фактическомъ матеріалѣ; насъ, по крайней мѣрѣ, матеріалъ этотъ приводитъ скорѣе къ обратному заключенію—именно, что развитіе формъ пользованія въ Забайкальѣ находится *внѣ* какой-либо причинной зависимости отъ этнографическаго состава населенія. Если, въ самомъ дѣлѣ, мы обратимся къ только-что разобраннымъ цифровымъ даннымъ, то не въ состояніи будемъ прослѣдить между двумя сопоставляемыми факторами никакого опредѣленнаго параллелизма. Если остановиться сначала на формахъ пользованія пашнями въ западномъ Забайкальѣ (о восточномъ въ данномъ случаѣ говорить нельзя, въ виду почти полнаго отсутствія здѣсь уравнительныхъ формъ), то окажется, что наименьшіе успѣхи уравнительное пользованіе сдѣлало не у кочевыхъ даже инородцевъ, а у русскихъ-казаковъ, которые въ данномъ отношеніи далеко отстали отъ казаковъ - инородцевъ. если затѣмъ первое мѣсто по числу общинъ съ чисто захватными формами принадлежитъ кочевымъ инородцамъ, то непосредственно за ними слѣдуютъ казаки-русскіе, а у казаковъ-инородцевъ процентъ такихъ общинъ значительно ниже; по числу же общинъ съ чисто-уравнительными формами первое мѣсто занимаютъ крещеные инородцы, у которыхъ подобнымъ общинамъ принадлежитъ вчетверо большій процентъ общей площади пашенъ, нежели у русскихъ крестьянъ, совершенно наравнѣ съ которыми, въ данномъ отношеніи, стоятъ кочевые инородцы. Если затѣмъ обратиться къ даннымъ о фор-

1) X, 157.
2) X, 43

махъ пользованія сѣнокосами, то въ этомъ отношеніи кочевые инородцы, дѣйствительно, далеко отстали отъ русскихъ,—общій процентъ угодій въ уравнительномъ пользованіи у нихъ почти вдвое, процентъ общинъ съ чисто-уравнительными формами—въ нѣсколько разъ ниже, и кочевые инородцы являются единственною группой, у которой встрѣчаются еще общины, не передѣляющія и не поравнивающія даже части своихъ покосовъ. Совсѣмъ иное у другихъ двухъ группъ инородческаго населенія: не останавливаясь на крещеныхъ инородцахъ, по отношенію къ которымъ можно предполагать вліяніе особыхъ условій и обращаясь только къ инородцамъ-казакамъ, мы видимъ, что въ западномъ Забайкальѣ они занимаютъ первое мѣсто какъ по числу общинъ съ чисто-уравнительными формами, такъ и по общему проценту покосовъ, состоящихъ въ уравнительномъ пользованіи; у казаковъ инородцевъ восточнаго Забайкалья, хотя число общинъ съ чисто-уравнительными формами очень незначительно и, слѣдовательно, почти вездѣ сохранились еще слѣды захватныхъ формъ,—но слѣды эти очевидно незначительны, потому что по общему проценту передѣляемыхъ и поравниваемыхъ покосовъ эта группа лишь немногимъ уступаетъ казакамъ-русскимъ и стоитъ совершенно наравнѣ съ русскими крестьянами.

Едва ли можно серьезно говорить, при такомъ положеніи дѣлъ, о существованіи причинной зависимости между формами пользованія и происхожденіемъ: разъ результатъ сравненія едва-ли не въ большемъ числѣ случаевъ оказался въ пользу инородцевъ, то едва-ли можно думать, чтобы инородцы, какъ таковые, были менѣе склонны къ уравнительному пользованію. Дѣло тутъ, очевидно, не въ происхожденіи, а въ различіи той обстановки, въ которой складывались формы землепользованія разныхъ разрядовъ населенія; у инородцевъ, правда захватныя формы пока еще болѣе распространены, нежели у русскихъ; но это не потому, что они—инородцы, а потому, что они до сихъ поръ находились въ условіяхъ большаго многоземелья.

Если затѣмъ отъ цифровыхъ данныхъ обратиться къ сведенному г. Кролемъ описательному матеріалу, то и здѣсь мы не найдемъ указанія на какія-либо свойственныя инородцамъ анти-общинныя—если можно такъ выразиться—тенденціи. Характерными чертами изученной г. Кролемъ эволюціи формъ инородческаго землевладѣнія являются, во первыхъ, поскотинныя общины, какъ переходная форма отъ первопачальнаго вольнаго пользованія къ уравнительному, и особое уваженіе къ трудовому началу; но въ поскотинныхъ общинахъ нѣтъ ничего специфически инородческаго—онѣ возникли потому, что

хозяйственныя условія заставляли инородцевъ городить покосы, какъ оросительныя—если можно такъ выразиться—общины возникали, между прочимъ и у забайкальскихъ крестьянъ, благодаря хозяйственной необходимости предпринимать оросительныя сооруженія. Что касается до особаго уваженія инородцевъ къ трудовому началу, то оно является сопутствующимъ признакомъ прочнаго захвата, а потому лишь тогда могло бы быть поставлено въ причинную связь съ инородческимъ, происхожденіемъ, если бы было предварительно доказано—чего, по нашему мнѣнію, сдѣлать нельзя—вліяніе инородческаго происхожденія на прочность захватныхъ формъ.

Въ сведеніямъ г. Кролемъ матеріалѣ нѣтъ, наконецъ, никакого фактическаго указанія относительно заимствованія инородцами уравнительныхъ формъ у русскаго населенія. По апріорнымъ же соображеніямъ сколько-нибудь широкое заимствованіе мало вѣроятно. Въ самомъ дѣлѣ: заимствованіе извнѣ проявилось бы въ рѣзкомъ переходѣ отъ какой-либо одной опредѣленной формы пользованія къ другой, не менѣе опредѣленной формѣ, органически не связанной съ предыдущею; о заимствованіи можно-бы было говорить, напримѣръ, если-бы, инородческая община, еще вчера даржавшаяся чистаго захвата, сегодня постановила приговоръ о передѣлѣ всѣхъ угодій. Трудно, даже невозможно предполагать заимствованіе тамъ, гдѣ переходъ совершается со строгою постепенностью, гдѣ община, прежде нежели принять чисто-душевую форму, проходитъ черезъ длинный рядъ промежуточныхъ формъ, каждая изъ которыхъ едва замѣтно отличается отъ предыдущей и находится съ нею въ органической связи. Между тѣмъ именно такими чертами, какъ мы видѣли, обрисовывается эволюція инородческаго землепользованія: по отношенію къ покосамъ отъ вольнаго пользованія къ ежегоднымъ передѣламъ или отъ вольнаго же пользованія, черезъ своеобразную стадію поскотинныхъ общинъ и чистый захватъ, къ ограниченному захвату и «поравненіямъ», или наконецъ отъ чистаго захвата къ частнымъ и общимъ «поравненіямъ»; столь-же естественно шелъ переходъ къ «поравненіямъ» и передѣламъ пахатныхъ земель съ одной стороны—отъ чистаго захвата, съ другой—отъ своеобразной формы, по существу сходной съ вольнымъ пользованіемъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ я лично затруднился-бы найти моментъ, въ который могло послѣдовать заимствованіе, и думаю, что если таковое и имѣло мѣсто, то никакъ не въ чемъ-либо существенномъ, а развѣ лишь въ какихъ-нибудь несущественныхъ подробностяхъ, касающихся, напримѣръ, техники передѣловъ. Впрочемъ, даже и здѣсь заимствованіе мало вѣроятно; такъ заставляетъ меня думать примѣръ Кударин-

ской сложной инородческой общины, гдѣ издавна выработались болѣе сложные способы распредѣленія угодій между селеніями и обществениками, нежели въ какой-либо изъ русскихъ общинъ Забайкалья, и притомъ по существу сходные съ принятыми въ русскихъ общинахъ.

Обратимся теперь къ вопросу о вліяніи закона и административнаго воздѣйствія,—вопросу, имѣющему важное значеніе въ виду давняшняго разногласія, существующаго какъ между историками, такъ и между изслѣдователями современной общины, по вопросу о происхожденіи послѣдней.

Въ собранныхъ изслѣдованіемъ матеріалахъ—по скольку они использованы въ работѣ г. Кроля—мы находимъ рядъ указаній на случаи, когда передѣлъ или поравненіе угодій являлись непосредственнымъ результатомъ административнаго воздѣйствія. Такъ, въ рядѣ крестьянскихъ общинъ[1]) приговоры о передѣлахъ или данныя поселенныхъ бланковъ прямо указываютъ, какъ на причину передѣла, на циркулярное распоряженіе губернатора отъ 3 апрѣля 1885 г. № 1279, содержаніе котораго, къ сожалѣнію, не изложено ни въ работѣ г. Кроля, ни въ посвященномъ податному вопросу 15-мъ томѣ «Матеріаловъ». Относительно инородцевъ имѣется указаніе[2]), что «отводы и отрѣзки часто производятся подъ давленіемъ свыше, со стороны родового начальства—у тунгусовъ по требованію головы инородной управы или общаго суглана, а у бурятъ по приказанію главнаго тайши или родового головы»,—причемъ вполнѣ дозволительно предположить, что эти органы инородческаго управленія дѣйствовали не только какъ носители инородческаго обычнаго права, сколько какъ исполнители вызванныхъ жалобами и ходатайствами безземельныхъ и малоземельныхъ дворовъ, распоряженій администраціи. Есть наконецъ прямое указаніе[3]) на то, что въ нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ казаки были вынуждены произвести отрѣзки земли отъ захватныхъ участковъ, для надѣленія вновь приселенныхъ семействъ «благодаря искусственному фактору—воздѣйствію администраціи».

Такимъ образомъ нельзя отрицать того, что въ извѣстныхъ случаяхъ передѣлъ или «поравненіе» были прямымъ результатомъ административнаго воздѣйствія,—и такъ какъ, съ одной стороны, факты подобнаго воздѣйствія могли остаться незарегистрированными при мѣстномъ изслѣдованіи, а съ другой—авторъ монографіи о формахъ землепользованія и не задавался цѣлью исчерпать весь конкретный фактическій матеріалъ, то

[1]) X, 88, 89, 107, 208.
[2]) X, 33
[3]) X, 164.

мы не можемъ даже утверждать, чтобы эти факты были исключительно-рѣдкимъ явленіемъ. Другой вопросъ—о *значеніи* подобнаго воздѣйствія,—вопросъ о томъ, насколько послѣднее, дѣйствительно, являлось самостоятельнымъ творческимъ факторомъ въ общей эволюціи формъ землепользованія. На этотъ вопросъ забайкальскія данныя, какъ и данныя болѣе раннихъ сибирскихъ изслѣдованій[1]) позволяютъ дать категорически отрицательный отвѣтъ: эти данныя позволяютъ утверждать, что воздѣйствіе администраціи только тогда приводило къ имѣвшемуся въ виду результату, когда дѣйствовало параллельно естественно совершавшемуся внутри самой общины процессу,—когда оно встрѣчалось съ уже назрѣвшимъ въ общинѣ движеніемъ въ пользу уравненія.

Какъ мало результатно было воздѣйствіе администраціи, когда уравненіе невытекало изъ внутренней потребности,—это показываются уже приводимые г. Кролемъ примѣры упорнаго сопротивленія настояніямъ начальства о производствѣ уравненія угодій. Въ приговорѣ Сувинскаго сельскаго общества[2]), напримѣръ, указывается на то, что начальство «не разъ предписывало сдѣлать уравненіе»—слѣдовательно цѣлый рядъ предписаній оставался безрезультатнымъ, и только послѣ долгой и упорной внутренней борьбы, когда внутри общества возникло «много неудовольствій въ неравномъ пользованіи пахатною землею», былъ наконецъ постановленъ приговоръ о передѣлѣ пашенъ. Гутайскому обществу[3]) «администрація четыре раза предписывала добровольно надѣлить землею не имѣвшихъ мягкой пашни поселенцевъ,—но безуспѣшно; тогда администрація, чтобы сломить упрямство крестьянъ, разрѣшила поселенцамъ занимать тѣ пашни, какія пожелаютъ; такая рѣшительная мѣра заставила Гутайцевъ уступить, и они рѣшили произвести поравненіе».

Еще характернѣе случаи, когда эволюція, искусственно направленная на путь передѣла, затѣмъ возвращалась къ своему естественному теченію,—когда, другими словами, слѣды искусственно-введеннаго передѣла затѣмъ стирались и на мѣсто уравнительнаго вновь водворялось захватное пользованіе Это случилось, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ инородческихъ общинахъ*), гдѣ сѣнокосы были передѣлены послѣ разграниченія ихъ отъ казаковъ, но гдѣ «слѣды этихъ передѣловъ настолько стерлись, что юридическое значеніе ихъ совершенно уничтожилось, и владѣльцы покосовъ основываютъ теперь

*) См. нашу «Кр. общ. въ Сиб.» стр 68-70; Качоровскій, Р. общ. I, стр. 160 и др..

1) X, 182
2) X, 187
3) X, 26

свое право на всѣ владѣемые имп участки на томъ, что пользуются ими со старины, удобряли ихъ, проводили канавы и т. д..» Еще болѣе рѣзкій примѣръ подобнаго рода представляютъ упоминавшіяся выше казачьи общины, въ которыхъ г. Кроль[1]) совершенно правильно усматриваетъ наглядное доказательство того, «до какой степени упорно держится захватная форма, разъ она кажется самою выгодною для данной стадіи развитія земельной общины: благодаря искусственному фактору—воздѣйствію администраціи, казаки названныхъ поселковъ вынуждены были произвести отрѣзку земли въ пользу новыхъ членовъ; но такъ какъ земельныхъ угодій у нихъ, очевидно, оставалось достаточно и послѣ частнаго поравненія, то пользованіе пашнями по существу до сихъ поръ, не смотря на протекшія 40 лѣтъ, остается захватнымъ.»

Въ виду неоднократно упоминавшагося метода изложенія г. Кроля есть полное основаніе думать, что приведенными примѣрами далеко не исчерпывается запасъ подобнаго рода фактовъ, зарегистрированныхъ изслѣдованіемъ. Выводъ уважаемаго изслѣдователя, вполнѣ совпадающій съ выводомъ, который былъ сдѣланъ пишущимъ эти строки, на основаніи данныхъ болѣе раннихъ сибирскихъ изслѣдованій, а въ новѣйшее время г. Качоровскимъ сводится къ тому[2]), что «циркуляры начальства въ иныхъ мѣстахъ являются послѣднимъ толчкомъ къ осуществленію давно назрѣвшей потребности въ поравненіи, и тогда, сыгравъ скромную роль этого толчка, начальственное предписаніе перестаетъ имѣть какое-бы то ни было значеніе: жизнь общины продолжаетъ идти своимъ путемъ—поравненія или передѣлы повторяются по мѣрѣ надобности, регулируемые согласно выработанныхъ общиною на этотъ счетъ обычно-правовыхъ воззрѣній. Тамъ же, гдѣ потребности въ уравнительномъ пользованіи еще нѣтъ, циркуляры очень рѣдко приводятъ къ дѣйствительнымъ поравненіямъ: чаще всего «во исполненіе предписанія начальства» производится какое-нибудь фиктивное «поравненіе» въ видѣ отрѣзки въ пользу особенно безпокойныхъ отъ имѣющихъ черезчуръ большіе участки,—настоящіе же передѣлы или поравненія наступаютъ лишь тогда, когда въ поравненіи заинтересовано значительное большинство членовъ общины»; предписанія властей—говоритъ г. Кроль въ другомъ мѣстѣ[3])—«нѣсколько приближаютъ наступленіе момента перехода къ уравнительной формѣ, но лишь тогда, когда они попадаютъ въ среду, достаточно подготовленную; случаи, когда предписанія начальства вызывали поравне-

---

[1]) X, 164
[2]) X, 178
[3]) X, 188

нія тамъ, гдѣ безъ нихъ, быть можетъ, долго еще приходилось-бы пользоваться землею на правахъ захвата, чрезвычайно рѣдки».

Что переходы къ душевному пользованію, подъ вліяніемъ административнаго воздѣйствія, не были сколько-нибудь распространеннымъ явленіемъ и что во всякомъ случаѣ, такому воздѣйствію не можетъ быть приписана первоначально-творческая роль,—это, до нѣкоторой степени, явствуетъ уже изъ чисто хронологическаго соображенія: въ болѣе систематическомъ видѣ—по крайней мѣрѣ по отношенію къ крестьянамъ—подобное воздѣйствіе проявилось лишь въ началѣ 80-хъ годовъ; между тѣмъ, въ очень многихъ общинахъ переділы имѣютъ гораздо болѣе раннее происхожденіе и относятся къ такимъ временамъ, когда, по имѣющимся даннымъ, нѣтъ основанія предполагать какого-либо административнаго давленія. Противъ сколько-нибудь существеннаго значенія административнаго воздѣйствія можно привести, наконецъ, еще то самое соображеніе, которое мы приводили, возражая противъ мысли о заимствованномъ происхожденіи уравнительныхъ формъ у инородцевъ. Какъ и заимствованіе, административное воздѣйствіе непремѣнно выразилось-бы въ рѣзкихъ скачкахъ или въ примѣненіи, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ нѣкоторыхъ общинахъ Тобольской губерніи, пріемовъ уравненія угодій, не гармонирующихъ съ общею картиною земельныхъ отношеній въ данной мѣстности. Ничего подобнаго нѣтъ въ дѣйствительности: процессъ эволюціи формъ пользованія совершается у всѣхъ разрядовъ населенія медленно и постепенно; въ мелкоступенчатой лѣстницѣ послѣдовательно-смѣняющихся формъ пользованія нѣтъ такого перерыва, въ которомъ могло-бы помѣститься административное воздѣйствіе въ качествѣ не случайнаго, а органическаго фактора, а съ другой стороны подъемъ съ одной ступени на другую такъ простъ и естественъ, что для объясненія его нѣтъ никакой надобности во введеніи такого искусственнаго фактора, какъ административное давленіе.

Независимо отъ приведенныхъ, такъ сказать, отрицательныхъ доказательствъ, возможность органическаго роста формъ пользованія,—другими словами—возможность перехода къ уравнительнымъ формамъ помимо какого-либо административнаго воздѣйствія, доказывается для Забайкалья нѣкоторыми фактами, гдѣ для такого воздѣйствія вовсе не могло быть мѣсто или гдѣ уравнительное пользованіе установлялось даже вопреки распоряженіямъ администраціи. Примѣръ перваго рода представляютъ такъ называемые «китайскіе» покосы—сѣнокосныя угодья, которыми казаки нѣкоторыхъ пограничныхъ станицъ свободно пользуются, какъ мы знаемъ, въ предѣлахъ Китай-

ской имперіи; по отношенію къ подобнымъ покосамъ не могло быть, конечно, и вопроса о какомъ-либо административномъ давленіи,—а между тѣмъ въ нѣкоторыхъ станицахъ—именно Аргунской и Усть-Уровской, Нерчинско-Заводскаго округа[1]), китайскіе покосы состоятъ въ уравнительномъ пользованіи, причемъ въ однихъ случаяхъ они вводятся въ общій передѣлъ съ надѣльными сѣнокосами, а въ другихъ поселки для передѣла «китайскихъ» покосовъ соединяются въ сложныя общины совершенно особаго состава. Аналогичное значеніе имѣютъ зарегистрованные изслѣдованіемъ случаи передѣла, на одинаковыхъ съ другими угодьями основаніяхъ, покосовъ, которыми населеніе самовольно пользуются въ чужихъ дачахъ[2]). А еще болѣе рѣзкій примѣръ даннаго рода представляютъ формы пользованія пашнями у бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ Нерчинско-Заводскаго округа, которые, «на почвѣ арендныхъ отношеній и вопреки тенденціи уставныхъ грамотъ отводитъ пахатные надѣлы каждому хозяину отдѣльно, предпочитаютъ землепользованіе общинное съ круговою порукою всего общества и съ поравненіями земли по рѣшенію схода»[3]).

Факты эти, кажется намъ, особенно ярко рисуютъ малое значеніе, въ данномъ случаѣ, закона и административнаго воздѣйствія, если сопоставить ихъ съ тѣмъ обстоятельствомъ, что наименьшее развитіе уравнительныхъ формъ замѣчается у казаковъ—т. е. у единственнаго разряда населенія, которому законъ, хотя, можетъ быть, и не съ достаточною опредѣленностью, предписываетъ уравнительное пользованіе земельными угодьями: законъ, какъ и административное воздѣйствіе, оказался безсильнымъ, гдѣ земельный просторъ благопріятствовалъ сохраненію захватныхъ формъ, и наоборотъ—уравнительныя формы слагались помимо закона или административнаго воздѣйствія и даже вопреки ему, гдѣ для развитія ихъ оказывалась благопріятная почва въ общихъ условіяхъ землевладѣнія и хозяйства.

Забайкальскіе «Матеріалы» даютъ, затѣмъ, очень мало данныхъ по вопросу о значеніи въ разсматриваемомъ вопросѣ, существующей платежной системы. Въ числѣ причинъ, ведущихъ къ передѣламъ, г. Кроль[4]) указываетъ, правда, на «несоотвѣтствіе тяжести обложенія отдѣльныхъ хозяйствъ платежами и повинностями съ размѣрами ихъ землепользованія и стремленіе урегулировать податное обложеніе»,—и на тотъ же мотивъ встрѣчается не мало ссылокъ въ цитируемыхъ имъ

[1]) X, 222; VIII, 253.
[2]) VIII, 253.
[3]) X, 145, 232.
[4]) X, 188.

приговорахъ о передѣлахъ. Но въ такой формѣ ссылка на значеніе платежнаго бремени, какъ фактора, побуждающаго переходить къ уравнительному пользованію, представляется недостаточно опредѣленною: остается именно—какъ оставался и до сихъ поръ—совершенно открытымъ вопросъ, идетъ-ли здѣсь рѣчь исключительно о *фактѣ существованія извѣстныхъ поземельныхъ платежей* и повинностей, которые, естественно, должны быть общими въ силу общности владѣнія землею,—или же о вліяніи *данной* извѣ установленной *податной системы*—извѣстныхъ способовъ взиманія платежей, существованія установленной правительствомъ круговой поруки и т. п.. А это остающееся невыясненнымъ различіе имѣетъ громадное значеніе: если вліяла просто *общность платежей* и повинностей, то вѣдь эта общность—*не причина, а слѣдствіе* общности владѣнія, слѣдствіе необходимое, а слѣдовательно и вліяніе ея на формы пользованія есть просто вліяніе общности владѣнія; и только если бы было доказано, что на эволюцію формъ пользованія вліяетъ *данная податная система*, то эта послѣдняя дѣйствительно представлялась бы извѣстнымъ извнѣ привходящимъ факторомъ, дающимъ разсматриваемой эволюціи, до извѣстной степени, искусственное направленіе.

XV.

На предыдущихъ страницахъ мы, какъ намъ кажется, показали, что причинъ описанной выше эволюціи отъ захватныхъ къ уравнительнымъ формамъ пользованія нельзя искать ни въ спеціально-этнографическихъ условіяхъ, ни въ воздѣйствіи закона и администраціи, и что нѣтъ основанія искать ихъ во вліяніи данной податной системы. Положительныхъ указаній насчетъ дѣйствительной, основной причины, направляющей эволюцію отъ первоначальныхъ захватныхъ формъ къ формамъ уравнительнымъ, мы не находимъ въ книгѣ г. Кроля. И хотя уважаемый авторъ неоднократно употребляетъ слово «причина», которое и мы, для простоты, будемъ употреблять на послѣдующихъ страницахъ, но изъ послѣдующаго читатель увидитъ, что рѣчь у г. Кроля идетъ не столько объ основныхъ *причинахъ*, сколько объ *условіяхъ*, такъ или иначе вліяющихъ на ходъ изучаемаго нами процесса.

Къ вопросу объ этихъ причинахъ или точнѣе—*условіяхъ* г. Кроль обращается въ очень многихъ мѣстахъ своего труда. Иногда онъ даетъ на него болѣе или менѣе неопредѣленный отвѣтъ или даже просто воздерживается отъ положительнаго отвѣта. Указавъ, напримѣръ, что захватныя формы пользованія

пашнями господствуютъ у инородцевъ при самыхъ разнообразныхъ климатическихъ, почвенныхъ и хозяйственныхъ условіяхъ, г. Кроль замѣчаетъ[1]): «ясно, что указанныхъ различій еще недостаточно для развитія формъ пользованія; и если, напротивъ, нерѣдко въ нѣкоторыхъ общинахъ, рядомъ лежащихъ, замѣчаются совершенно различныя формы пользованія, то это значитъ, что въ данныхъ случаяхъ дѣйствовала болѣе общая и могущественная причина, нежели указанныя. *Какая это причина, изслѣдованіемъ не выяснено*, да это и не входило въ его задачи». Читателю, вѣроятно, извѣстно, что предыдущія изслѣдованія, произведенныя въ Сибири, на первый планъ, какъ главный двигатель эволюціи формъ землепользованія, ставятъ прогрессирующее утѣсненіе[2]). Г. Кроль въ нѣкоторыхъ мѣстахъ своей книги признаетъ это объясненіе недостаточнымъ, не дѣлая однако попытки его восполнить. Такъ, констатировавъ, что сѣнокосы у крестьянъ восточнаго Забайкалья находятся, по большей части, въ уравнительномъ пользованіи, тогда какъ по отношенію къ пашнямъ попрежнему господствуетъ захватъ, нашъ авторъ[3]) замѣчаетъ по этому поводу слѣдующее: «предположить, что тамъ чувствуется сильное утѣсненіе въ покосныхъ угодьяхъ и имѣются еще достаточно просторныя площади, годныя для разработки пашенъ, значило бы давать чрезвычайно характерному факту слишкомъ простое объясненіе; безъ сомнѣнія, причина тутъ болѣе глубокая, но такъ какъ изслѣдованіемъ она не была выяснена, то приходится пока довольствоваться однимъ лишь констатированіемъ факта».

Въ другихъ мѣстахъ, однако, уважаемый авторъ высказывается опредѣленнѣе и выдвигаетъ на первый планъ именно земельное утѣсненіе. «Прочную почву, говоритъ онъ, напр., на стр. 167, поравненія обрѣли себѣ тамъ, гдѣ дѣйствительно дорожатъ пахатной землей; и гдѣ многіе члены общины весьма сильно чувствуютъ уже недостатокъ пашни». Еще опредѣленнѣе г. Кроль высказывается, въ томъ-же смыслѣ, въ другомъ мѣстѣ[4]): онъ дѣлитъ именно причины возникновенія передѣловъ или поравненій на двѣ самостоятельныя группы: внутреннія и внѣшнія; къ первой онъ относитъ «естественный ростъ населенія, измѣненіе хозяйственныхъ формъ и т. п. явленія неизбѣжныя при нормальномъ хозяйственномъ развитіи общины; ко вторымъ относятся массовыя приселенія новыхъ членовъ или выселенія старыхъ, размежеванія, отрѣзка земли въ чужую общину, подъ желѣзную дорогу, наводненія и т. п.

---

1) X, 52.
2) «Кр. общ. въ Сибири», 65-67. Кочаровскій, стр. 164 и сл..
3) X, 109; см. также 56
4) X, 177; см. также 188.

причины, искусственно вызывающія «утѣсненіе» тамъ, гдѣ оно было едва замѣтно раньше или даже гдѣ былъ прежде просторъ»,—а также внѣшнее административное воздѣйствіе, которому, какъ мы уже знаемъ, г. Кроль не придаетъ существеннаго значенія.

Важная, какъ намъ кажется, заслуга г. Кроля заключается, однако, въ томъ, что онъ, какъ мнѣ кажется, первый изъ сибирскихъ изслѣдователей формулировалъ ранѣе не высказывавшуюся опредѣленно, хотя можетъ быть и чувствовавшуюся мысль, что «*утѣсненіе*», *нужда въ земельныхъ угодьяхъ*, являлся основнымъ двигателемъ эволюціи формъ пользованія, *должны быть понимаемы не абсолютно, а относительно*,— что возможность существованія захватныхъ формъ или необходимости перехода къ уравнительнымъ зависятъ не отъ простого ариѳметическаго соотношенія между населеніемъ и количествомъ угодій, а отъ *соотношенія между наличными запасами того или другого угодья и потребностью въ немъ, обусловливаемою не только количествомъ населенія, но и характеромъ его хозяйства—именно степенью развитія земледѣльческаго или скотоводческаго производства*[1]).» Только принявъ во вниманіе это послѣднее обстоятельство, можно, напримѣръ, понять тотъ фактъ, что въ восточномъ Забайкальѣ, при полномъ господствѣ захватныхъ формъ пользованія пашнями, громадное большинство покосовъ уже передѣляется: земледѣліе здѣсь еще мало развито, а потому по отношенію къ удобнымъ для распашки землямъ существуетъ еще, можно сказать, неограниченный просторъ; напротивъ, скотоводство достигаетъ грамаднаго развитія, а потому, несмотря на большой *абсолютный просторъ*, по отношенію къ покосамъ ощущается *относительное «утѣсненіе»*, заставившее всѣ разряды населенія, въ большей или меньшей мѣрѣ, перейти къ уравнительному пользованію. Лишь исходя изъ той-же точки зрѣнія можно объяснить, почему у казаковъ-инородцевъ западной половины области уравнительное пользованіе покосами сдѣлало большіе успѣхи, нежели у крестьянъ: покосовъ у первыхъ, если разсчитывать просто на единицу населенія, больше, нежели у вторыхъ, но за то «у казаковъ-инородцевъ скота значительно больше, чѣмъ у русскихъ, и нужда въ покосахъ у нихъ значительно больше».

Въ концѣ-концовъ, оказывается такимъ образомъ, что «процессъ измѣненія обычно-правовыхъ нормъ, регулирующихъ землепользованіе, находится въ самой тѣсной зависимости отъ того, какую роль играетъ тотъ или иной экономическій факторъ (скотоводство или земледѣліе) въ хозяйственномъ строѣ

[1]) X, 245, 247, 249.

данной экономической группы»[1]). При этомъ большее или меньшее развитіе скотоводства отражается не только на формахъ пользованія скотоводческими угодьями—главнымъ образомъ покосами; степень развитія земледѣлія—не только на формахъ пользованія пашнями: одна изъ важнѣйшихъ, на мой взглядъ, заслугъ г. Кроля заключается въ томъ, что онъ, сколько мнѣ извѣстно, первый, указалъ на существованіе тѣснаго *взаимодѣйствія формъ пользованія разными угодьями*, причемъ форма пользованія каждымъ отдѣльнымъ угодьемъ зависитъ какъ отъ степени развитія скотоводства, и формы пользованія, устанавливающіяся по отношенію къ однимъ угодьямъ, иногда оказываютъ непосредственное вліяніе и на способы пользованія другими угодьями.

Выше (стр. 164) мы подробно изложили соображенія г. Кроля относительно взаимодѣйствія формъ пользованія покосами съ одной стороны и телятниками съ другой. Этотъ частный фактъ является, по справедливому мнѣнію г. Кроля[2]), однимъ изъ проявленій того общаго закона, что «формы пользованія разными земельными угодьями находятся въ самой тѣсной зависимости между собой и что утѣсненіе въ одномъ какомъ либо угодьѣ не только влечетъ за собой измѣненіе въ способѣ пользованія именно этимъ угодьемъ, но неизбѣжно вліяетъ также на характеръ пользованія всѣми другими». Другое проявленіе того-же общаго закона—вліяніе степени изобилія пастбищъ и покосовъ у инородцевъ на формы пользованія пашнями: «инородцы—говоритъ г. Кроль[3]) —по мѣрѣ возможности стараются сохранить свой кочевой бытъ; пока у нихъ достаточно пастбищъ и покосовъ, пока, значитъ, скотоводческое хозяйство въ состояніи обезпечивать ихъ существованіе; земледѣліе—если они имъ и занимаются—играетъ въ ихъ жизни только побочную роль; они сравнительно мало дорожатъ пашнями и не очень огорчаются, если въ пахатныхъ угодьяхъ оказывается даже относительное «утѣсненіе». Но лишь только начинаетъ ощущаться такъ же «утѣсненіе» въ покосныхъ и пастбищныхъ угодьяхъ, жители волей неволей вынуждены бываютъ обратиться къ земледѣлію, какъ къ важному экономическому подспорью, и пашня для нихъ пріобрѣтаетъ совершенно иное значеніе; такіе инородцы начинаютъ дорожить пахатными землями, какъ раньше сѣнокосными; борьба за равномѣрное распредѣленіе земельныхъ угодій дѣлается чрезвычайно интенсивною и приводитъ, такъ или иначе, къ поравненіямъ».

---

[1]) X, 134.
[2]) X, 69.
[3]) X, 52.

XVI.

Обращаемся, въ заключеніе нашего очерка, къ приложеннымъ къ монографіи г. Кроля цифровымъ таблицамъ, составляющимъ, какъ я уже имѣлъ случай упоминать въ самомъ началѣ, существенную методологическую особенность работы почтеннаго автора. Таблицы эти составлены отдѣльно для каждой изъ слѣдующихъ четырехъ группъ населенія: инородцевъ некрещеныхъ, инородцевъ крещеныхъ, крестьянъ и казаковъ—послѣдніе съ подраздѣленіемъ по происхожденію. Затѣмъ, по каждому разряду населенія имѣется особая таблица для формъ пользованія пахатными землями и для формъ пользованія покосами, а для русскаго населенія кромѣ того—и усадьбами. Въ таблицахъ этихъ каждая горизонтальная строка даетъ итоговыя данныя по всѣмъ общинамъ или селеніямъ, въ которыхъ существуетъ, по отношенію къ данному угодью, та или иная форма пользованія—напр. чистый захватъ, ограниченный захватъ и поравненіе, захватъ и передѣлъ и т. п.,—причемъ данныя эти касаются: числа общинъ, хозяйствъ и населенія; землевладѣнія съ подраздѣленіемъ по угодьямъ; укоса съ разнаго рода сѣнокосныхъ угодій; числа хозяйствъ съ захватными угодьями и безъ передѣляемыхъ покосовъ, а также хозяйствъ безъ пашни и безъ скота и общихъ размѣровъ скотоводства, причемъ кромѣ абсолютныхъ приводятся также и важнѣйшія среднія величины.

По идеѣ своей подобныя цифровыя таблицы могли-бы служить къ выясненію двоякаго рода вопросовъ: съ одной стороны—вопроса объ условіяхъ, способствующихъ или препятствующихъ эволюціи формъ пользованія въ извѣстномъ направленіи; съ другой—вопроса о вліяніи тѣхъ или иныхъ формъ пользованія на степень равномѣрности распредѣленія угодій между общественниками. Въ текстѣ своей работы г. Кроль использовалъ свои цифровыя таблицы почти исключительно въ этомъ послѣднемъ направленіи. Къ сожалѣнію однако нельзя не замѣтить, что таблицы эти страдаютъ—именно съ точки зрѣнія вопроса о распредѣленіи—существеннымъ пробѣломъ: въ нихъ нѣтъ данныхъ о распредѣленіи домохозяйствъ по размѣрамъ какого-либо изъ основныхъ показателей благосостоянія—хотя-бы по размѣрамъ запашки, размѣрамъ скотоводства по количеству заготовляемаго сѣна,—а потому г. Кролю приходится строить свои заключенія на однихъ только данныхъ о числѣ дворовъ, вовсе не пашущихъ, не имѣющихъ скота и т. п.,—данныхъ, которыя, будучи разсматриваемы безъ связи съ другими данными, касающимися распредѣленія землепользованія и благосостоянія, едва ли могутъ привести, въ данномъ отношеніи, къ правильнымъ заключеніямъ.

И дѣйствительно: выводы, къ которымъ приходитъ г. Кроль на основаніи своихъ цифровыхъ таблицъ, относятся въ сущности не столько къ подлежавшему выясненію вопросу о вліяніи формъ пользованія на распредѣленіе угодій благосостоянія, сколько къ вопросу объ условіяхъ, способствующихъ или препятствующихъ развитію земледѣлія и скотоводства; и о взаимномъ отношеніи этихъ двухъ отраслей хозяйства. Такъ какъ эти вопросы не имѣютъ прямого отношенія къ занимающей насъ темѣ, то мы не будемъ подробно останавливаться на выводахъ г. Кроля*); замѣтимъ только, что общее заключеніе, которое можно сдѣлать изъ этихъ частныхъ выводовъ, можетъ быть сведено къ строгой зависимости размѣровъ скотоводства отъ сѣнокосной площади, имѣющейся въ распоряженіи каждой данной группы общинъ (хотя иногда эта зависимость маскируется содержаніемъ скота на зимнемъ подножномъ корму и т. п. обстоятельствами),—а затѣмъ къ противуположности или, какъ выражается г. Кроль, «полярности», особенно у инородцевъ, размѣровъ земледѣлія и скотоводства.

Болѣе близкое отношеніе къ вопросу частью—о вліяніи формъ землепользованія, а частью—и о причинахъ, способствующихъ установленію тѣхъ или другихъ формъ, имѣютъ соображенія г. Кроля, основанныя на изученіи соотношеній между формами пользованія и средними размѣрами запашекъ. «Если передѣлы и даже поравненія—такъ ставитъ вопросъ нашъ авторъ—большею частью симптомы утѣсненія, то замѣчается ли при этихъ формахъ сокращеніе размѣровъ средней мягкой пашни или покоса, или же такой результатъ не избѣжно вызывается поравненіями?« По отношенію къ покосамъ на поставленный такимъ образомъ вопросъ не получается опредѣленнаго отвѣта: «данныя таблицъ по этому вопросу настолько пестры, что дѣлать на основаніи ихъ какія-бы то ни было обобщенія очень рискованно. По отношенію же къ пашнямъ получается вполнѣ отрицательный отвѣтъ: «у всѣхъ разрядовъ забайкальскаго населенія—говоритъ г. Кроль, ведущихъ осѣдлый образъ жизни, наибольшія среднія числа десятинъ мягкой пашни приходятся на общины, гдѣ практикуются или смѣшанныя, или чисто - уравнительныя формы пользованія пахатною землею, а изъ этого само собою слѣдуетъ выводъ, что *«утѣсненіе» въ пахатныхъ земляхъ* въ огромномъ большинствѣ земельныхъ общинъ Забайкальской области *только относительное, и заключается оно именно въ томъ, что все большее и большее число хозяевъ обращается къ земледѣлію* (Курсивъ мой А. К.). По мѣрѣ того какъ растетъ число хозяевъ, занимающихся земледѣліемъ, расширяется так-

*) X, 251—251.

же площадь разработанныхъ земель; но очевидно запасы неразработанной земли пока достаточны, и пахатная площадь до сихъ поръ увеличивалась не только абсолютно, но даже относительно возросшаго числа лицъ, занимающихся хлѣбопашествомъ. Чѣмъ больше развивается земледѣліе, тѣмъ болѣе оказывается лицъ, заинтересованныхъ въ пріобрѣтеніи пахатнаго участка, и общины, естественно, переходятъ къ поравненіямъ; но послѣднія только нивеллируютъ землепользованіе, предоставляя каждому плательщику равное участіе въ земельныхъ выгодахъ; на размѣры же надѣльныхъ участковъ эта нивеллировка, какъ видно, очень часто оказываетъ весьма ничтожное вліяніе и только лишь въ смыслѣ сокращенія слишкомъ большихъ захватныхъ участковъ». Это послѣднее заключеніе г. Кроля—хотя и вполнѣ правдоподобное—является, однако, чисто теоретическимъ, потому что «цифровыя таблицы по землепользованію», какъ мы уже упоминали, не содержатъ данныхъ по разсматриваемому важному вопросу.

Сказаннымъ исчерпываются тѣ выводы, которые дѣлаетъ г. Кроль изъ своихъ цифровыхъ таблицъ собственно по вопросу о причинахъ перехода къ уравнительному пользованію или точнѣе—объ условіяхъ, способствующихъ такому переходу. Мы думаемъ однако, что читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы представимъ его вниманію, въ заключеніе нашего обзора, сводку наиболѣе характерныхъ, на нашъ взглядъ, хозяйственныхъ данныхъ въ ихъ зависимости отъ формъ пользованія землею (сведенныхъ къ болѣе крупнымъ типамъ),—предоставляя ему самому сдѣлать тѣ выводы, которые не сдѣланы г. Кролемъ и которые, можетъ быть, будутъ упущены изъ вниманія и нашимъ эти строки.

На стр. 172 представлена сводка по группамъ селеній и общинъ, придерживающихся однородныхъ формъ пользованія *пахатными угодьями*. При первомъ взглядѣ на таблицу нельзя, прежде всего, не обратить вниманія на полное отсутствіе зависимости между формами пользованія пахатными землями и степенью обезпеченія населенія сѣнокосами, все равно, разсматривать-ли данныя о количествѣ сѣна по разсчету на домохозяйство, или о количествѣ сѣна, накашиваемаго на каждую голову скота,—этимъ какъ будто опровергается приведенное выше указаніе г. Кроля относительно зависимости формъ пользованія пашнями отъ степени обезпеченности населенія покосами. Но отсутствію правильности въ относящихся къ разсматриваемому вопросу данныхъ таблицы нельзя придавать рѣшающаго значенія. Дѣло, прежде всего, въ томъ, что въ цифры накашиваемаго сѣна вошли лишь результаты кошенія на захватныхъ и передѣляемыхъ или поравниваемыхъ поко-

сахъ, и не вошло сѣно, накашиваемое на вольныхъ покосахъ,—обстоятельство, которое заставляетъ для многихъ мѣстностей и группъ населенія ввести въ конечный результатъ болѣе или менѣе существенную поправку. Но еще важнѣе то обстоятельство, что кормленіе сѣномъ въ самыхъ разнообразныхъ пропорціяхъ комбинируется: у кочевниковъ—съ зим-

Разряды населенія, районы и типы формъ пользованія пахатными землями.	Въ среднемъ на одно хозяйство:		Накашивается пудовъ сѣна въ среднемъ:		% хозяйствъ:	
	десятин. мягкой пашни.	скота въ переводѣ на крупн.	на дворъ.	на голову скота.	безъ запашки	безъ скота.
I. Некрещеные инородцы.						
а. Восточное Забайкалье.						
Чистый захватъ.	0,05	55,8	867	15,5	91,4	0,3
Ограниченный захватъ. . .	1,0	37,2	1318	35,6	65,7	1,7
б. Западное Забайкалье.						
Чистый захватъ.	1,6	34,8	1097	31,7	23,8	0,8
Ограниченный захватъ. . .	2,0	31,9	1282	43,3	35,4	1,4
*) Захватъ съ отводомъ, ограничена площадь захвата.	3,9	25,2	585	23,4	6,2	0,7
Захватъ и уравн. пользов.	4,2	24,2	845	34,9	3,7	1,1
Чисто-уравнит. пользованіе.	4,2	18,2	738	41,6	8,7	2,2
II. Крещеные инородцы.						
а. Восточное Забайкалье.						
Чистый захватъ.	3,7	29,5	934	31,6	34,9	2,0
Ограниченный захватъ. . .	4,2	26,2	814	31,3	27,3	3,1
б. Западное Забайкалье.						
Ограниченный захватъ. . .	3,5	23,8	1344	56,5	36,8	7,1
*) Захватъ и уравн. польз.	6,2	14,7	461	31,5	1,9	5,1
*) Чисто-уравнит. пользованіе.	10,3	11,1	234	21,1	4,3	4,3
III. Казаки инородцы (Зап. Забайк.).						
Чистый захватъ.	2,9	21,7	392	18,1	29,9	2,9
Ограниченный захватъ. . .	1,2	13,3	198	14,9	13,5	0,7
*) Захватъ съ отводомъ или ограничена площадь захвата.	3,3	27,3	1041	38,1	14.5	1,3

Примѣчаніе: знакомъ (*) обозначены типы, представленные небольшимъ (146—215) числомъ дворовъ; нѣкоторые типы, представленные еще слабѣе, вовсе не включены въ табличку.

Разряды населенія, районы и типы формъ пользованія пахатными землями.	Въ среднемъ на одно хозяйство:		Накашивается пудовъ сѣна въ среднемъ:		% хозяйствъ.	
	десятин. мягкой пашни.	скота въ переводѣ на крупн.	на дворъ.	на голову скота.	безъ запашки	безъ скота.
Захватъ и уравн. пользов.	4,3	20,2	490	24,3	4,1	1,7
Чисто-уравнит. пользованіе.	7,6	15,4	282	18,3	3,2	2,2
IV. Казаки русскіе.						
а. Восточное Забайкалье.						
Чистый захватъ.	7,4	17,1	564	33,0	12,5	5,6
Ограниченный захватъ. .	6,5	27,8	765	27,3	12,9	3,6
б. Западное Забайкалье.						
Чистый захватъ.	4,0	11,2	226	20,3	15,5	4,9
Ограниченный захватъ. . .	4,5	9,6	205	21,4	2,0	2,4
Захватъ и отводъ.	6,2	15,1	317	21,0	0,9	2,9
Захватъ и уравн. пользов.	7,7	11,4	270	33,7	2,1	8,4
V. Крестьяне.						
а. Восточное Забайкалье.						
Захватъ	5,9	16,5	319	19,3	25,6	8,4
Захватъ и уравн. пользов.	5,7	21,9	218	12,8	24,1	6,1
б. Западное Забайкалье.						
Чистый захватъ.	5,1	10,5	242	23,9	47,7	7,6
Захватъ и уравн. пользов.	8,6	11,3	214	18,9	6,0	5,6
Отводъ « « «	8,1	10,8	232	21,5	5,7	5,4
Чисто-уравнит. пользованіе.	8,3	14,1	301	21,3	5,2	8,0

нимъ подножнымъ кормомъ (не говоря уже о различной продолжительности лѣтней пастьбы); у земледѣльцевъ—съ подспорными кормами изъ побочныхъ продуктовъ земледѣлія. Между тѣмъ и то, и другое обстоятельство, очевидно, дѣйствуетъ понижающимъ образомъ на потребность въ сѣнѣ; а такъ какъ обстоятельства эти дѣйствуютъ не параллельно, а напротивъ—вліяніе ихъ взаимно перекрещивается, то уже этого одного достаточно, чтобы объяснить отсутствіе соотвѣтствія между данными о сѣнокошеніи и формами пользованія пахатною землей: цифры *количества накошеннаго сѣна* далеко не даютъ правильнаго понятія о томъ *избыткѣ или недостаткѣ въ кормахъ*, который, въ концѣ концовъ, отражается на формахъ

пользованія пашнями. Такимъ образомъ, цифры двухъ среднихъ столбцовъ разсматриваемой таблички не опровергаютъ положенія г. Кроля относительно вліянія обезпеченности кормами на формы пользованія пашнями; но онѣ конечно и не подтверждаютъ его; будучи, на нашъ взглядъ, теоретически совершенно правильнымъ, это положеніе остается, такимъ образомъ, чисто теоретическимъ и не находитъ себѣ подкрѣпленія въ цифрахъ.

Обращаясь затѣмъ къ первымъ двумъ столбцамъ таблички, мы видимъ въ нихъ полное подтвержденіе приведенному выше положенію г. Кроля, что прогрессъ уравнительныхъ формъ находится въ строгомъ соотвѣтствіи съ возрастаніемъ средняго размѣра запашекъ—чѣмъ выше эта послѣдняя величина, тѣмъ болѣе удалились формы пользованія отъ первопачальнаго захвата и приблизились къ уравнительному типу. Отступленія отъ этой закономѣрности представляютъ только данныя относительно крестьянъ и казаковъ восточнаго Забайкалья; у той и другой группы переходъ отъ чистаго захвата къ ограниченному не находится въ связи съ увеличеніемъ запашекъ, какъ не замѣчается подобной зависимости и у казаковъ-инородцевъ западной половины области.

Такимъ образомъ, изъятія изъ общаго правила о прямой зависимости процесса развитія формъ пользованія пашнями отъ размѣровъ запашекъ относятся къ первопачальнымъ его фазисамъ—къ переходу отъ чистаго къ ограниченному захвату. И намъ думается, что это не простая случайность: дѣло, вѣроятно, въ томъ, что ограниченный захватъ по своимъ проявленіямъ не всегда достаточно рѣзко отличается отъ чистаго; благодаря этому менѣе опытные изслѣдователи легко могли принимать чистый захватъ за захватъ ограниченный или наоборотъ, и подобнаго рода ошибки мѣстнаго изслѣдованія, вѣрнѣе всего замаскировали ту основную зависимость, о которой идетъ рѣчь въ настоящее время.

Существенные результаты даетъ затѣмъ сопоставленіе данныхъ о размѣрахъ запашекъ, въ зависимости отъ формъ пользованія, у различныхъ разрядовъ русскаго населенія, съ одной стороны, и инородцевъ—съ другой. Въ самомъ дѣлѣ: въ общинахъ со смѣшанными, захватно-уравнительными формами средній размѣръ запашки равняется: у русскихъ—7,7, 5,7 и 8,6 дес., у инородцевъ—4,2, 6,2, и 4,3 дес.; въ общинахъ съ чисто-уравнительными формами средній размѣръ запашки у инородцевъ—4,2, 10,3 и 7,6 дес., у русскихъ—8,3 дес.. Чисто захватныя формы продолжаютъ существовать у русскихъ при 5,1, 5,9 4,0 и 7,4 десятинахъ запашки; у инородцевъ этимъ формамъ соотвѣтствуютъ среднія цифры запашки въ

0, 05, 1,6, 3,7, 3,5 и 2,9 дес., а при среднихъ размѣрахъ запашки въ 4—5 десятинъ у нихъ наблюдаются уже разныя переходныя, у кочевыхъ инородцевъ западнаго Забайкалья—даже чисто уравнительныя формы пользованія. Такимъ образомъ инородцы переходятъ къ уравнительнымъ формамъ при нѣсколько меньшихъ размѣрахъ запашекъ, другими словами—при меньшей потребности въ пахатной землѣ, нежели русскіе; а такъ какъ, притомъ, они пользуются и абсолютно большимъ земельнымъ просторомъ, то изъ этого позволительно сдѣлать выводъ, что *инородцы переходятъ къ уравнительнымъ формамъ не только не позже* (конечно это выраженіе надо понимать не въ хронологическомъ смыслѣ), *а даже раньше, нежели русскіе*; другими словами—что они не только не ждутъ для этого болѣе сильнаго относительнаго «утѣсненія», но наоборотъ, переходятъ къ уравнительному пользованію при большемъ, въ сравненіи съ русскими, относительномъ просторѣ. А при такихъ условіяхъ, кажется намъ, исчезаетъ всякая возможность думать, чтобы инородцы, какъ таковые, отличались меньшею склонностью къ уравнительнымъ формамъ и большею привязанностью къ первоначальному захвату, нежели русское населеніе, и чтобы это послѣднее являлось, par excellence, носителемъ общинно-уравнительнаго начала.

Если затѣмъ обратиться къ даннымъ о среднихъ размѣрахъ скотоводства, то легко замѣтить, что у инородцевъ размѣры скотоводства, по мѣрѣ перехода къ уравнительному пользованію пахатною землею, очень рѣзко сокращаются. У русскаго населенія подобной зависимости совершенно нѣтъ. Значеніе этого факта становится особенно яснымъ, если сопоставить цифры скотоводства со средними размѣрами земледѣлія. Такое сопоставленіе показываетъ, что «полярность» между земледѣліемъ и скотоводствомъ существуетъ только у инородцевъ и совершенно отсутствуетъ у русскаго населенія; только у первыхъ размѣры скотоводства сокращаются по мѣрѣ возрастанія размѣровъ запашекъ, откуда и можно заключить, что самый ростъ запашекъ вызывается необходимостью сокращать размѣры скотоводства; у русскихъ цифры скотоводства, по мѣрѣ роста запашекъ, не падаютъ, откуда ясно, что у нихъ развитіе земледѣлія не находится въ причинной зависимости отъ упадка скотоводства. А отсюда слѣдуетъ, что только у инородцевъ сокращеніе размѣровъ скотоводства, повышая потребность въ пашняхъ, способствовало переходу по отношенію къ послѣднимъ къ уравнительнымъ формамъ; у русскаго же населенія размѣры скотоводства не оказывали на способы пользованія пашнями рѣшительно никакого вліянія.

Затѣмъ, мы не можемъ усмотрѣть рѣшительно никакой зависимости между формами пользованія пашней и процентомъ безскотныхъ дворовъ. Напротивъ, процентъ не пашущихъ дворовъ, въ общемъ, рѣзко понижается по мѣрѣ перехода къ уравнительнымъ формамъ. Но вопросъ, въ чемъ смыслъ этой зависимости, для насъ остается совершенно открытымъ: мы не можемъ именно сказать въ какой мѣрѣ пониженіе процента непашущихъ свидѣтельствуетъ о возрастаніи потребности въ землѣ, какъ одной изъ *причинъ* перехода къ уравнительнымъ формамъ, и въ какой мѣрѣ оно является, напротивъ *слѣдствіемъ* передѣловъ, «поравненій» и другихъ проявленій дѣятельности общины, направленной именно къ тому, чтобы надѣлить каждаго землею и дать *каждому* возможность вести земледѣльческое хозяйство.

Переходимъ теперь къ формамъ пользованія покосами, для чего обращаемся къ табличкѣ, напечатанной на стр. 176—177.

Разряды населенія, районы и формы пользованія сѣнокосными угодьями.	Накошено пудовъ сѣна въ среднемъ.		Въ среднемъ на дворъ.	
	На дворъ.	На голову скота.	Скота въ переводѣ на крупн.	Десятинъ мягкой пашни.
I. Некрещеные инородцы:				
а) Восточное Забайкалье.				
Чистый захватъ	745	12	63	0,0
Захватъ и отводъ	661	10	59	0,1
Захватъ и уравнительное пользованіе	1031	21	50	0,1
Чисто уравнительное пользованіе	497	34	15	3,2
б) Западное Забайкалье.				
Чистый захватъ	911	21	44	0,9
Захватъ и отводъ	1536	43	36	1,5
Захватъ и уравнительное пользованіе	1064	34	31	2,3
Чисто уравнительное пользованіе	641	24	27	3,3
II. Крещеные инородцы:				
а) Восточное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительныя формы	959	35	27	3,8
Чисто уравнительныя формы	782	30	26	4,1

Разряды населенія, районы и формы пользованія сѣнокосными угодьями.	Накошено пудовъ сѣна въ среднемъ.		Въ среднемъ на дворъ.	
	На дворъ.	На голову скота.	Скота въ переводѣ на крупн.	Десятинъ мягкой пашни.
б) Западное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительное пользованіе	1223	52	23	4.0
Чисто уравнительное пользованіе	582	40	14	6,9
III. Казаки инородцы (Западн Забайкалья):				
Захватъ и уравнительныя формы	398	19	20,5	3,3
Чисто уравнительныя формы	467	23	20	4.0
IV. Казаки русскіе:				
а) Восточное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительныя формы	578	23	25	6.7
Чисто уравнительныя формы	760	32	24	6,8
б) Западное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительныя формы	207	21	10	4.6
Чисто уравнительныя формы	306	23	13	6.8
V. Крестьяне:				
а) Восточное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительныя формы	299	20	15	4,7
Чисто уравнительныя формы	313	16	18	6,5
б) Западное Забайкалье.				
Захватъ и уравнительныя формы	237	22	11	7.0
Чисто уравнительныя формы	211	18	12	9,4

Опять таки, и здѣсь формы пользованія не находятся ни въ какомъ уловимомъ соотношеніи со степенью обезпеченности даннымъ угодьемъ. Такое отсутствіе соотношенія должно было бы показаться совершенно непонятнымъ, если бы не тѣ уже выясненныя немного выше обстоятельства, благодаря которымъ количество накашиваемаго сѣна вовсе не даетъ понятія объ общей массѣ кормовыхъ средствъ, имѣющихся въ распоряженіи населенія, и тѣмъ менѣе—о потребности въ кормо-

выхъ средствахъ, которая, въ послѣднемъ счетѣ, опредѣляетъ форму пользованія сѣнокосными угодьями.

Затѣмъ изъ третьей графы таблички видно, что у всѣхъ группъ инородческаго населенія формы пользованія покосами стоятъ въ строгой обратной зависимости къ количеству скота,—что среднее на дворъ число головъ скота, весьма значительное при чисто захватныхъ формахъ, рѣзко убываетъ по мѣрѣ перехода къ формамъ уравнительнымъ. И совершенно понятно: основанное исключительно на эксплоатаціи естественныхъ выгоновъ и покосовъ, инородческое скотоводство естественно должно сокращаться подъ вліяніемъ стѣсненія прежняго земельнаго простора—той самой причины, которая заставляетъ переходить къ уравнительнымъ формамъ пользованія. У русскаго населенія подобной обратной зависимости совершенно не замѣчается—размѣры скотоводства въ общинахъ съ чисто-уравнительными формами пользованія не меньше, нежели въ общинахъ со смѣшанными формами; и это тоже понятно: у русскихъ, при существующей еще въ Забайкальѣ степени земельнаго простора, та степень «утѣсненія», которая заставляетъ окончательно переходить къ уравнительному пользованію, не требуетъ сокращенія размѣровъ скотоводства, а только побуждаетъ усиливать роль, въ содержаніи скота, подспорныхъ кормовъ—побочнаго продукта земледѣлія.

Но едва-ли не наиболѣе любопытными представляются цифры послѣдняго столбца, показывающія средніе размѣры запашекъ у различныхъ по формамъ пользованія покосами группъ забайкальскаго населенія. Предполагать какого-либо вліянія степени обезпеченности *пашнями* на форму пользованія *покосами*, какъ можно предполагать вліяніе недостатка въ *покосахъ* на порядки пользованія *пашнями*, нѣтъ никакого основанія; а между тѣмъ послѣдній рядъ цифръ показываетъ самое полное, не имѣющее *ни одного* исключенія, соотвѣтствіе между этими двумя явленіями: размѣръ запашекъ у каждаго изъ пяти разрядовъ населенія и въ каждомъ изъ районовъ Забайкалья тѣмъ выше, чѣмъ большіе успѣхи сдѣлали, по отношенію къ покосамъ, уравнительныя формы пользованія Такъ какъ, повторяемъ, нѣтъ основанія предполагать здѣсь прямой причинной связи, то остается только видѣть въ обоихъ сопоставляемыхъ явленіяхъ слѣдствіе одной общей причины—прогрессирующаго недостатка въ кормахъ, заставляющаго населеніе, съ одной стороны, переходить къ уравнительнымъ формамъ пользованія покосами, а съ другой—все болѣе переносить центръ тяжести своей хозяйственной дѣятельности на земледѣліе. На ростѣ цифръ запашекъ, можно думать, сосредоточивается, какъ

въ фокусѣ, и выражается съ полною ясностью вліяніе того недостатка въ кормовыхъ средствахъ, который, являясь главною причиной перехода къ уравнительнымъ формамъ пользованія покосами, въ цифрахъ сѣнокошенія и скотоводства маскируется разными другими, побочными факторами.

24 апрѣля 1900 года.
С. Петербургъ.

А. А. Кауфманъ.

ГОСУДАРСТВ ЛЬВОВСКАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

Типографія

ГАЗЕТЫ

„ВОСТОЧНОЕОБОЗРѢНІЕ“,

1900. 1900.

обстановленная скоропечатными машинами, ручными станками, разнообразными шрифтами, политипажами, всевозможными украшеніями и прочими типографскими принадлежностями,

ПРИНИМАЕТЪ ЗАКАЗЫ НА ВСЕВОЗМОЖНЫЯ ТИПОГРАФСКІЯ РАБОТЫ ПО УМѢРЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

По желанію заказчика, работы исполняются, цвѣтными красками и бронзируются порошками различныхъ цвѣтовъ.

ПРИ ТИПОГРАФІИ

переплетно-линевальное заведеніе,

Гг. иногороднимъ заказы могутъ быть высылаемы наложеннымъ платежемъ. Лица, неизвѣстныя типографіи, благоволятъ высылать задатокъ.

Адресъ: для писемъ: Иркутскъ, Типографія газ. «Восточное Обозрѣніе», уг. Спасо-Лютеранской и Савинской ул., д. Попова. Для телеграммъ: Иркутскъ, «Восточное Обозрѣніе».

XIX годъ изданія.

„Восточное Обозрѣніе“

ГАЗЕТА ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

выходитъ подъ редакціей И. И. Попова

ЕЖЕДНЕВНО, кромѣ послѣпраздничныхъ дней

ПРОГРАММА ГАЗЕТЫ СЛѢДУЮЩАЯ:

1) Телеграммы, помѣщаемыя въ текстѣ газеты.—2) Отдѣлъ оффиціальный—важнѣйшія правительственныя распоряженія. 3) Передовыя статьи, касающіяся жизни Россіи, ея областей и интересовъ населенія на восточныхъ окраинахъ, а также вопросы русской политики на Востокѣ и заграницей.—4) Обзоръ русской обществ. и провинц. жизни. Хроника событій на окраинахъ.— 5) Политическія извѣстія общія и въ частности касающіяся азіатскихъ странъ. —6) Корреспонденціи изъ Европ. Россіи, Сибири, Туркестана, сосѣднихъ азіатскихъ государствъ.—7) Научный отдѣлъ—открытія и путешествія на Востокѣ, свѣдѣнія по исторіи, статистикѣ и промышленности и общенаучныя статьи.— 8) Литерат. обозрѣніе—критика и библіографія, особенно сочиненія объ Азіи. Извлеченія и переводы.—9) Изящная литерат. Бытовые очерки изъ жизни Востока и Сибири. Стихотворенія.—10) Фельетонъ.—11) Судебная хроника.—12) Биржевой отдѣлъ—свѣдѣнія о ходѣ русской и азіатской торговли на европейскихъ и азіатскихъ рынкахъ.—13) Справочный отдѣлъ.—14) Объявленія казенныя и частныя.

При газетѣ издаются въ видѣ ПРИЛОЖЕНІЙ періодическіе сборники, заключающіе большія литературныя и научныя статьи.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—**9** р., полгода—**5** р., 3 мѣс.—**3** р., и 1 мѣс.—**1** р. Газета съ приложеніями «Сибирскаго Сборника» за годъ—**11** рублей.

Заграницу: на годъ—**12** р., полгода—**6** р. **50** к., три мѣсяца—**3** р. **75** к., и на одинъ мѣсяцъ—**1** р. **40** к. Съ приложеніями за годъ—**14** рублей. За перемѣну адреса—**40** коп.

Въ конторѣ редакціи имѣется въ продажѣ „Сибирскій Сборникъ“ за предыдущіе года.

Объявленія для напечатанія въ газетѣ принимаются съ платою за строку петита: по 10 к. позади текста и по 20 к.—впереди. За разсылку при газетѣ объявленій взимается по 1 р. за 100 экземпляровъ. Объявленія изъ Европы и Европейской Россіи, исключая губерній Казанской, Саратовской, Самарской, Симбирской, Пермской, Уфимской, Оренбургской, области Уральской принимается черезъ центральную контору Л. Э. Метцль—Москва, Мясницкая и ея отдѣленіе въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, № 11, по 30 к. за строку петита впереди и 15 к.—позади текста.

Объявленіе въ „Сибирскомъ Сборникѣ“: за стр. 30 р. за 1/2 стр. 15 р., за 1/4 стр. 8 р., строка 25 к.

Рукописи, доставляемыя въ редакцію для напечатанія подлежатъ, въ случаѣ надобности, измѣненіямъ и сокращеніямъ. Крупныя статьи, признанныя неудобными, хранятся въ редакціи въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, мелкія—уничтожаются. Статьи безъ подписи и указанія адреса автора не разсматриваются. Рукописи, на которыхъ не обозначены условія, поступаютъ въ полное распоряженіе редакціи.

Адресъ: Иркутскъ, редакція газ. „Вост. Обоз.“

Контора редакціи газеты для пріема подписки и объявленій открыта ежедневно отъ 9-ти до 3-хъ час. Для личныхъ объясненій по дѣламъ газеты просятъ обращаться въ редакцію газеты (Спасо-лютеранская улица, собственный домъ) ежедневно, кромѣ праздничныхъ дней, отъ 8-ми до 10-ти час. утра.

Телефонъ редакціи и конторы № 297-й.

Уполномоченные и отдѣленія редакціи для личныхъ объясненій съ сотрудниками и пріема подписки и объявленій:

Въ **Петербургѣ**—Григорій Николаевичъ Потанинъ, Лиговка № 29.
« **Москвѣ**—Веніаминъ Ивановичъ Семидаловъ, Серпуховская застава, дача Канатчикова (имѣется телефонъ).
« **Томскѣ**—Александръ Николаевичъ Шипицынъ (соб. д.).
« **Красноярскѣ**—Владиміръ Михайловичъ Крутовскій.
« **Благовѣщенскѣ**—Станиславъ Осиповичъ Хлусевичъ, Сиб. бан.
« **Барнаулѣ**—Кн. маг. Вершинина, Г. Б. Баитовъ.

Редакторъ-издатель **И. И. Поповъ.**

Замѣченныя опечатки:

напечатано:	слѣдуетъ читать:
стр. 1 строка 2 снизу	
о мѣстахъ.	о методахъ
стр. 11 3 строка снизу	
констатировало	констатировано
стр. 16 19 строка снизу	
11,8%	11,8%
стр. 18 22 строка сверху	
переходящія	переходящіе

СОДЕРЖАНІЕ

I вып. „Сибирскаго Сборника“ за 1900 г.

В. Арефьевъ. Въ низовьяхъ Ангары.
I) Осень.
II) Зима.

А. Л. Шерстобитовъ. Томская паства по наблюденіямъ своего архипастыря.

А. Д. . . . . Общество взаимопомощи.

Ив. Лагу—нъ. Настъ. (Разсказъ изъ охотничьей жизни).

Г. Б. Б-товъ. Кустарная промышленность и важное ея значеніе для края.

Бер—овъ. . Третій очередный съѣздъ золотопромышленниковъ Сѣверо-Енисейскаго горнаго округа.

— Переселенческіе поселки Омскаго уѣзда.

Скромный наблюдатель. Изъ прошлаго Ленскаго края.

В. А—въ. . О прошломъ и настоящемъ ангарскихъ аборигеновъ.

Л. У. Б. . Наши деревенскія будни

П. Быльцкій. Вопросы времени.

*** Библіографія.

*** Книги, поступившія въ редакцію.

*** Объявленія.

Приступлено къ печатанію III и IV вып. „Сибирскаго Сборника“ за текущій годъ.

3р —